

РУДОЛЬФ ШТАЙНЕР
ПАСТЫРСКО-МЕДИЦИНСКИЙ КУРС
GA 318

**11 докладов для врачей и священников
и обращение к медикам, прочитанных в Дорнахе
с 8 по 18 сентября 1924 года.**

Пер. с нем. В.Н. Гончаров

СОДЕРЖАНИЕ

Первый доклад, 8 сентября 1924 года.

Отчетливое разделение пасторской и врачебной профессий. - Историческое. Священнические аспекты: пастырская помощь больным и здоровым; гигиеническое значение религиозно-культовых мероприятий, пост, аскезы и т.п.; вопросы лечебного воздействия сакраментализма. Отношения врача и священника к душевным заболеваниям. Тройственный вид терапевтического воздействия. Действие терапии от жизни к сознанию, сакраментализма – от сознания к жизни; исходящая из этого возможность совместной работы пастора и врача, каждого в своей области.

Второй доклад, 9 сентября 1924 года.

Патологические изменения физического тела. Понимание человеческой телесности посредством пластически-художественного рассмотрения, музыкального рассмотрения и посредством постижения Логоса (эфирное тело, астральное тело и Я). Различные виды взаимодействия членов существа человека и вытекающие из них следствия. Множество стадий духовного опыта, и понимание на основе этого таких необычных личностей, как св. Тереза. О коррелятивном переходе этих жизненных отношений в органические болезненные процессы.

Третий доклад, 10 сентября 1924 года.

Описание четырех стадий восходящего опыта и их духовно-научное обоснование. Влияние таких процессов на заболевание: св. Тереза. Благодаря изучению таких процессов врач может прийти к пониманию терапии. - Сплетение с кармой. Как можно выносить суждение о свободной воле и ответственности.

Четвертый доклад, 11 сентября 1924 года.

Для суждения об ответственности и свободной воле необходимо точное знание развития человека после рождения. Описание этого развития, исходя из рассмотрения наследственности и членов существа. Ребенок воспринимает духовное в окружающей природной и человеческой среде: духовные существа. - Освобождение от образующих сил: память. Развитие сил интеллекта. Действие солнечных сил в первые семь лет жизни = эфирные силы, строя тело, лунные силы во втором семилетии: астральные силы, наделяя тело способностью к воспроизводству. Солнечные силы в душевно-духовном. Планетные силы становятся действенными в третьем семилетии, формируя тело. Изменения в начале третьего десятилетия. Действие звездных сил в четвертом семилетии. Оставленный космическими силами человек,

самостоятельно заботящийся о поддержании своей телесности. Значение свободы и ответственности.

Пятый доклад, 12 сентября 1924года.

Своеобразие сознания, памяти, речи и воли и обусловленность их взаимодействием членов существа. Патологическое становление в три этапа. Патологическое: неспособность воли приспособиться к миру. Слабоумие, лишенная логики память; тупоумие, паранойя. - Дальнейшая стадия врожденного слабоумия. О раннем внедрении Я-организации = раннее созревание, врожденное слабоумие, опасность неправильного педагогического вмешательства (Фробель): возникновение стремления следовать только собственным импульсам.

Шестой доклад, 13 сентября 1924года.

Рассмотрение болезни с точки зрения кармы. Ранее: причина болезней в греховности; теперь: грех - это следствие болезненной организации. Обсуждение на конкретном примере влияния образа поведения на организацию последующей жизни. Прежняя инкарнация - формирование головы. Жизнь между смертью и новым рождением - дыхательная система. Рассмотрение общих, определяемых кармой, отношений; «Как», при работе с психопатологическими отклонениями: развитие духовной жизни на фактах. - Лечение, как божественное служение.

Седьмой доклад, 14 сентября 1924года.

Различие внечеловеческого и внутрочеловеческого процессов. Вдох как строящее человеческого существа. - Активность астрального тела. Выдыхание - активность эфирного тела. Во сне активность космической астральности. Нервно-чувственный процесс, как утонченное дыхание в тепловом элементе, при котором выдох переходит в обычный вдох. Вместе с тепловым элементом вдыхается свет, химизм, жизненность. - На другом полюсе модифицированное активированное выдыхание, передающее силы обмену веществ. Вдыхаемый с тепловым элементом свет становится мыслительной деятельностью. Карма прошлая - карма будущая.

Восьмой доклад, 15 сентября 1924года.

Силы Вселенной: воздействие Солнца и Луны на растения и планетные влияния. Познание солнечной жизни в отношении к человеческому существу; втекающая и истекающая карма - солнечные и лунные влияния в их связи. - Целебная деятельность на основе этого знания.

Девятый доклад, 16 сентября 1924года.

Возникновение болезнетворных причин во сне - поиск лекарственных средств. Сомнамбулизм как пример болезненного состояния. Храмовый сон и познание целебного процесса. Вместо этого духовное наблюдение и образ жизни для врача. - Соответствующие отношения для священника. Значение такого знания для суждения о материализме и спиритизме; патология и терапия культуры. Болезни, причины болезней и повторяющиеся земные жизни.

Десятый доклад, 17 сентября 1924года.

Преодоление пассивности мышления посредством познания места человека в космосе. Я человека между суточным дыханием и платоновым мировым годом. Мировой год в его отношении к суточному ритму дыхания, человеческой жизни и ритму смены сна и бодрствования. Зимние и летние силы в макрокосмосе как строители, соответственно, нервно-чувственной системы и

организма обмена веществ. Восприятие мира, согласно мере, числу и весу, иррациональное и путь к его познанию, от -номии к -софии.

Одиннадцатый доклад, 18 сентября 1924 года.

Древняя мистериальная медицина и ее теперешнее обновление.

Обобщение: подприрода = Отец, надприрода = Дух, середина = Христос.

Патология развивающегося человечества. Смерть на Голгофе: целебный процесс. Путь врача. Путь священника.

Обращение, 18 сентября 1924 года.

К медикам (в отсутствии священников)

Первый доклад Дорнах, 8 сентября 1924 года

Мои дорогие друзья! В этом курсе мы впервые объединили представителей двух духовных областей, и это объединение означает нечто совершенно особенное. Поэтому уже сегодня, - вначале из содержания этого курса, - необходимо понять смысл такого объединения. Пока, я хочу обратить ваше внимание лишь на то, что этот курс, вероятно, как никакой другой, станет примером того, как, в связи с особым проявлением духовной жизни в наше время, должны быть обновлены древние предания, древние традиции, поскольку то, что практиковалось под названием пастырской медицины, своё содержание, в сущности, уже потеряло. Мы увидим это в ходе рассмотрений. И, наоборот, из глубин нашего времени выдвигается совершенно особая, полная значения задача, обобщённое воззрение на которую уже сможет, в свою очередь, носить имя пастырской медицины. Мы предусмотрели, чтобы в этом курсе были объединены профессиональные теологи и те личности, которые действительно являются врачами или будут ими, врачами в том смысле, в каком это название отвечает задачам медицинской секции Гётеанума. Что это за смысл, - об этом, как раз, пойдет речь в данном курсе. Конечно, мы допускаем отдельные исключения, но именно отдельные, и такие, чтобы они, в основе своей, хорошо согласовывались с убеждениями медицинской секции Гётеанума. Прежде всего, речь идет о том, чтобы вы, дорогие друзья, как с теологической, так и с медицинской стороны, пришли к совершенно ясному пониманию того, что делает возможной совместную работу теологов с медиками, в смысле новой пастырской медицины. Ведь о такой совместной работе часто говорят, и примечательно, что именно антропософское движение должно рассчитывать на совместную работу. Но при этом проявляются вещи, которые, как раз, и должны быть уточнены в данном курсе. Эта совместная работа, на которую мы указали, не должна, мои дорогие друзья, рассматриваться так, как если бы это было дилетантским вмешательством одной стороны в дела другой стороны. И дело здесь не в том, чтобы теологи стали лекарями, а лекари стали в каком-то смысле теологами. Есть лекари, есть теологи. И есть совместная работа, работа рука об руку. Напротив, именно в этом курсе мы придаем большое значение тому, чтобы все это не впало в хаос, не оказалось искаженным в результате дилетантского вторжения теолога во всевозможные медицинские проблемы, которые, ведь, и не должны перед ним стоять. И наоборот, врач, в нашем смысле, должен осознать свое место в отношении теолога. Чтобы здесь с обеих сторон, с теологической и медицинской, была полная ясность, - от этого зависит исключительно многое. Но можно высказать и такое мнение: Да, но теолог должен усвоить также и медицинские знания. - Знания в какой-нибудь области всегда можно усваивать, это даже очень хорошо, усваивать знания. Но здесь речь идет о том, чтобы

ясно и отчетливо понять, что врачами, целителями являются люди, которые в части своего мышления, чувств и воли получили специальное врачебное образование, и никто не должен со своими медицинскими знаниями действовать в мире, если он не получил этого специального образования, даже если он является теологом. И наоборот, врач должен развить совершенно особое представление о своей профессии и должен, благодаря пастырской медицине, понимать, что под выражением: священнику принадлежит жертвенный огонь, а врачу – жезл Меркурия, подразумевается нечто весьма существенное. И только благодаря сочетанию жертвенного огня и жезла Меркурия, можно действовать благотворно. Нельзя пытаться лечить жертвенным огнём и священнодействовать жезлом Меркурия. Но нужно сознавать, что и то и другое является божественным служением. И чем больше мы сознаем, что и то и другое является божественным служением, тем лучше будет налажена совместная работа, если врач останется врачом, а священник – священником, и каждый соответствующим образом будет благотворно действовать в мире. Наше Антропософское Движение не должно стать почвой, на которой все хаотично перемешано друг с другом, ибо в этом случае пострадает серьезность, серьезность, о которой мы постоянно должны заботиться в нашем Антропософском Движении. В общих чертах, вполне можно быть в курсе того, – если употребить грубый пример, – что приблизительно происходит, когда делают операцию ступни; но это не значит, что на основе этого знания эту операцию можно тут же осуществить. То же относится ко всей медицинской области. Прежде всего, антропософия не должна каким-либо образом пропагандировать знахарство. Она не должна также призывать теологов стать знахарями. Это нужно себе отчетливо уяснить; поэтому то, что человек как целитель в антропософском смысле может предъявить миру, будет с наистрожайшей серьезностью контролироваться медицинской секцией Гётеанума, но это должно стать также реальной организацией, и необходимо, чтобы позиция врача, который захочет работать в духе медицинской секции Гётеанума, однозначным образом была определена этой секцией. Эта организация должна быть совершенно реальной, так чтобы будущий врач, смог бы стать врачом именно в смысле медицинской секции Гётеанума. Тем самым, мои дорогие друзья, вполне обоснованно, что мы не допускаем к участию в данном курсе целителей, которые не являются врачами. Так что присутствующие здесь сегодня в качестве врачей, могут считаться врачами и в смысле общепринятой медицины – за редкими исключениями.

Тем самым, мои дорогие друзья, относительно одного пункта мы, вроде бы, договорились. Однако этот пункт, пока обсуждённый в общих чертах и больше в административном смысле, вполне и сам может стать предметом пастырской медицины. Когда, некоторое время тому назад, с теологической стороны было высказано желание, чтобы теологам предложить нечто медицинское, то я на эту просьбу мог ответить только тем, что предложил прочесть курс пастырской медицины, в котором могут принять участие также теологи. Таким образом, этот курс пастырской медицины подготовлен медицинской секцией Гётеанума, и теологи принимают в нем участие. Мы должны с полной ясностью представлять себе всю структуру этой организации.

Далее, дорогие мои друзья, пастырская медицина не была одним из предметов на медицинском факультете, но была предметом на теологическом факультете; и эта пастырская медицина, которую преподавали на теологическом факультете, не содержала в себе, собственно говоря, ничего специфически медицинского. Или я мог бы спросить: Из академически образованных врачей, сидящих здесь, изучал ли кто-нибудь, в ходе своих занятий на факультете, пастырскую медицину? Я прошу поднять руку, кто изучал. В каталоге лекций медицинского факультета она не числится, но на католическом теологическом факультете пастырская медицина играет

определенную роль. На евангелическом факультете она почти не играет никакой роли, но на католическом теологическом факультете она играет определенную роль, и по весьма важным причинам. Но только она там не содержит ничего медицинского. Содержит же она, в основном, следующее: во-первых, то, что необходимо пастырю для исполнения самой пастырской деятельности, и не только по-отношению к здоровым людям, но и по-отношению к тем, кто вверяется ему, будучи больным. Но он должен осуществлять саму эту деятельность; и здесь уже есть различные нюансы, в зависимости от того, нуждается ли в пастырской помощи больной, особенно тяжело больной, или же здоровый человек. Тут речь идет о том, как должна выглядеть пастырская помощь по-отношению к больному, или тяжело больному, как нужно себя при этом вести. Напротив, мне ещё, по существу, не попадалось ни одной книги по пастырской медицине, в которой бы интенсивно не подчеркивалось, что первая обязанность пастыря заключается в том, чтобы помочь словом и делом, чтобы найти подходящего врача, но при этом воздерживаться от всякого врачебного вмешательства.

Второй существенной главой пастырской медицины является то, чтобы были даны ответы на вопросы, связанные с гигиеническим религиозно-культурных мероприятий. Так, чтобы, например, пастве были объяснены здоровые и вредные стороны предписанной церемонией поста, или также то, что с научно-врачебной точки зрения можно сказать о процедуре обрезания и т. д. Чтобы сами священники – а мы здесь имеем дело, главным образом, с католическим факультетом – обсудили тогда то, что с гигиенической точки зрения можно сказать об аскезе. А об этом можно сказать многое.

В следующей главе обсуждаются определенные мероприятия, которые, в связи с лечением и сакраментализмом, осуществляют священник и врач, состоящие, скажем, в одной общине. Если какое-то религиозное общество исходит из реальности сакраментального воздействия, – об этом мы сейчас, как раз, и будем говорить, – то, в действительности, это значит, что при этом происходит то же, что и при лекарственном вмешательстве, и потому, например, в соборовании мы имеем перед собой ситуацию, в которой священник должен действовать у постели больного бок о бок с врачом. В этой области мы должны ответить на вопрос, – или на него ответит уже существующая пастырская медицина, – какое значение имеет восприятие сакраментального аспекта причастия после перенесенной болезни и прочего. Когда в рассмотрение попадает спиритуальное, непременно в рассмотрение попадает и взаимодействие сакраментала с процессом лечения.

Следующая глава – и это очень обстоятельная глава пастырской медицины – занимается тем, каким образом пастырь вместе с врачом должны вести себя с психопатами, с душевно неполноценными или душевно аномальными личностями. Духовная помощь таким психопатическим личностям уже будет модифицированной. Это, по существу, являлось задачей, которую ставила перед собой уже существующая пастырская медицина, и которая достаточно тщательно прорабатывалась на протяжении столетий с привлечением множества ссылок из писаний отцов церкви.

Это та область, которая не может являться нам в том же свете, поскольку нашей задачей является обновление духовной жизни. Зато именно из антропософского мировоззрения вытекают важные задачи для новой пастырской медицины. И в той мере, в какой такие задачи появляются, дорогие мои друзья, – если рассматривать этот предмет с двух сторон, – мы можем его и изучать. Вначале мы рассмотрим его с медицинской стороны.

С чем, собственно говоря, мы имеем дело при терапии? Когда мы подвергаем больного человека воздействию лечебного средства или лечебного процесса, мы всегда имеем дело с тем, что в восстанавливающем действии этой субстанции или процесса, физического, душевного или духовного, мы выходим

за пределы того, чем является, так называемое, нормальное взаимодействие человека с окружающим миром. Какую бы терапию мы ни применяли, повсюду мы выходим за пределы того, что делает человек в повседневной жизни; в процессе питания, подвергаясь воздействию света или воздуха, или испытывая душевное влияние, - повсюду в терапии мы выходим за рамки обычных процессов. Уже устанавливая диету, мы делаем маленький шаг за пределы обычных взаимоотношений с окружающим миром. Мы действуем на человека посредством какого-нибудь лекарства. Если лекарство является физической субстанцией, то последствием его действия будет процесс, отличный от процесса обычного питания. Так же обстоит дело с прочими терапевтическими средствами. Но всегда, применяя терапевтические мероприятия, мы воздействуем на человека иначе, чем это происходит в обычной жизни. Ведь, как происходит воздействие на человека в обычной жизни, и как воздействует на себя он сам? Мои дорогие друзья, мы должны различать три вида процессов, происходящих или могущих происходить в жизни человека: во-первых, то, что действует в человеке так же, как во внешней природе физико-химическое; во-вторых, то, что действует в человеке не физико-химическим образом, а витально. Мы должны видеть то, что действует в жизни, и, в-третьих, мы должны видеть то, что непосредственно воздействует на регион сознания.

1. Физико-химическое
2. Жизнь
3. Сознание

Здесь мы должны установить важное понятие. В обычной жизни мы имеем три состояния сознания: бодрствующее, сновидческое и глубокий сон. В то мгновение, когда мы действуем действительно терапевтически, мы внедряемся в сознание. Мы внедряемся в него в большей или меньшей степени, в зависимости от характера терапевтического мероприятия. Но это внедрение никогда не происходит таким непосредственным образом при, так называемом, нормальном течении жизни. Когда человек просто ест, просто потребляет в пищу обычные продукты питания, тогда его бодрственное состояние, сновидение или глубокий сон протекают нормальным образом, в крайнем случае, он устанавливает какую-нибудь диету, чтобы иметь более здоровый сон, - но тут уже границы плавают. Тут уже начинается терапевтическое.

Совершенно иначе обстоит дело, когда, например, у человека температура, чем бы она ни вызывалась, и вы воздействуете терапевтически. Если вы будете воздействовать на организм здорового человека теми же средствами, которыми вы терапевтически воздействуете на человека с температурой, его состояние сознания изменится. Таким образом, как врачу вам придется работать с тем, что в своей основе имеет дело с состояниями сознания. В то время как при обычных взаимоотношениях человека с окружающим миром мы имеем дело с жизнью, в медицине мы имеем дело с воздействием на состояния сознания. Вы можете обнаружить это в любом терапевтическом мероприятии; в том и состоит специфика терапии, что она вмешивается в то, что в той или иной степени имеет дело с вариабельностью состояния сознания. Не бывает действенных терапевтических средств, которые не проникали бы глубоко в человеческое существо, до тех источников, из которых истекают состояния сознания. Но тем самым, в качестве врача, терапевта, вы включаетесь непосредственно в духовный мировой порядок. Ибо изменение состояния сознания и означает, что вы включаетесь в духовный мировой порядок. И, как раз, благодаря этим подступам к состояниям сознания при достижении реальных успехов в лечении, вы всегда, пусть даже в подсознательном, втягиваете душевное в терапевтический процесс. Вы не остаетесь в физическом. Обычный процесс принятия пищи, обычное дыхание,

прочие явления остаются в физическом, но косвенно, через физическое, действуют высшие члены человека. Они также действуют, и они действуют через физическое; но когда вы действуете как врач, когда вы действуете терапевтически, вы непосредственно привлекаете душевное. Итак, мы можем сказать: врач, если он правильно понимает свою профессию, непосредственно подступает к спиритуальному. Это только кажется, что терапевтические мероприятия являются нам просто как физические или биологические процессы. Если это действительно терапевтические мероприятия — в противном случае они не были бы таковыми,— они всегда привлекают душевное, даже если поначалу это не осознаётся обычным сознанием. Но стоит, мои дорогие друзья, хотя бы однажды проследить, что же в действительности происходит с человеком, когда мы, скажем, снимаем у него температуру, посредством терапевтического процесса. Поскольку последний распространяется вплоть до внутреннего существа человека, - так же, как и, наоборот, болезненный процесс распространяется вплоть до внутреннего существа человека, - эти процессы выходят за рамки чисто физических и биологических. Это одна сторона. Мы видим, что, по существу, само врачевание, само лечение ведёт из физического в спиритуальное.

Точно так же рассмотрим теперь профессию священника. Если эта профессия священника не ограничивается учительством, а если священник живёт как священник, тогда он связан с культом, а культ включает в себе сакраментализм. Но сакраментализм - это не символизм. Что же такое сакраментализм? Он состоит в том, что совершаются внешние явления. Эти внешние явления несут в себе нечто, что не исчерпывается химическим и биологическим, но включает в себе ориентировку, направление, которое воплощается в физическом, биологическом, однако происхождением своим обязано спиритуальному, духовному. Имеют место чувственно воспринимаемые процессы, в которые вливается свершающееся спиритуальное. Духовная бытийность в культе проявляется чувственно-доступным образом. И то, что здесь разворачивается перед верующим, прежде всего, происходит перед сознанием, и не должно происходить ничего другого, кроме того, что происходит перед сознанием. Иначе это будет не культом, не таинством, а внушением. Сакраментализм, культ в истинном смысле слова, не должен содержать в себе ничего от внушения, но тем больше он содержит в себе спиритуальное. Он разыгрывается в сознании, но действует в жизни.

Причащаясь, человек не просто поглощает субстанцию, которая его насыщает; тогда это не имело бы никакого отношения к сакраментальному. Здесь дело также не в символе, но здесь речь идёт о чем-то таком, что внедряется в его жизнь, поскольку таинство совершают, осуществляют, исходя из знания духовного мира, так что можно сказать: терапия вводит жизнь в сознание. Культ с сакраментализмом вводит сознание в жизнь.

Терапия: Жизнь -----> сознание
 Культ (таинство): Сознание ----> жизнь.

Тем самым, мы выявили оба полярных действия: терапевтическое и священнодействие; это действительно полярность. В терапевтическом действии мы из жизни вработываемся в сознание, и сознание в этом терапевтическом процессе становится помощником, правда, помощником, неосознаваемым обычным сознанием. При священнодействии жизнь становится помощником тому, что происходит перед сознанием. И то и другое, мои дорогие друзья, вовсе не так схематично, как это вам сейчас представлено; будучи охваченными глубоко внутренне духовно, становясь предметом профессии, оно, как правило, требует всего человека целиком. И только потому, что в условиях нашей цивилизации в терапии мы выпали из духовного,

а в теологии выпали из конкретного, - поскольку в условиях нашей цивилизации в терапии мы впали в материализм, а в теологии - в абстракцию, - истинные отношения остаются от нас сегодня скрытыми. Но эти истинные отношения должны быть снова исследованы, должны снова обрести свою действенность. В свою очередь, должно стать очевидным, что врачу уже для диагноза требуется опытный взгляд, способный биологический и даже физический процесс в организме человека представить в свете спиритуального процесса, - ибо все процессы в человеческом организме спиритуальны, - так что врачу необходим опытный взгляд уже при постановке диагноза, а ещё более при терапии для видения духовного в физическом.

Священнику опытный взгляд нужен для видения физического образа духовного явления. Здесь снова полярность. Но полярности в мире всегда взаимодействуют; должны взаимодействовать и эти обе полярности. Как должно происходить такое взаимодействие, - это должно быть обосновано антропософией, но антропософией же должно быть и реально осуществлено; так что возможно, мои дорогие друзья, что из этого собрания в рамках курса о пастырской медицине в будущем смогут сформироваться антропософские врачи, которые на основе своих отношений с духовным миром смогут установить правильные отношения со священниками, выросшими, в свою очередь, из движения за христианское обновление. Тогда выйдет нечто сугубо специальное и для врачей и для священников, и из этого может возникнуть правильная совместная работа.

Ведь, что в этом случае, дорогие мои друзья, может быть названо совместной работой? Совместная работа не может означать, что священник дилетантски врачует, а врач дилетантски священнодействует. Вовсе не это имеется в виду. Ведь, если бы совместная работа заключалась в том, чтобы священник был немного знаком с медициной, а врач мог бы как-то участвовать в отправлении культа, то зачем им работать совместно, хотел бы я спросить. Зачем квалифицированному врачу интересоваться пастырско-врачебным дилетантизмом? Для этого у него нет никаких причин. И зачем священнику интересоваться чем-либо священническим во врачебной области, за исключением случая, когда врач нуждается в священнике? Наоборот, пусть врач будет настоящим врачом, который уверенно стоит в медицинском, а священник будет настоящим священником, - тогда они смогут работать совместно. Ведь, совместная работа означает, что каждый привносит в общее дело то, в чём он сведущ, а не то, что один влезает в сферу другого.

Но, как раз, благодаря такой совместной работе, культура получит нечто очень важное, ибо, только благодаря этому взаимному общению, может установиться истинное взаимопонимание между врачом и священником; тогда священник будет знать о врачевании ровно столько, сколько ему нужно, и врач будет знать о профессии и миссии священника ровно столько, сколько ему необходимо. И в дальнейшем тогда будет видно, в какой степени, в свою очередь, оба, врач и священник, смогут принести человечеству нечто целебное уже во взаимодействии с педагогом. Но это, опять же, особая задача. Также и здесь требуются различные формы взаимодействия, поскольку педагогику нужно рассматривать уже с иной точки зрения. Священник, оставаясь священником, не может стать врачом, а врач, оставаясь врачом, не может стать священником. Но оба, до известной степени, могут быть педагогами, однако все виды взаимодействия нужно рассматривать совершенно конкретным образом. Поэтому сегодня я хотел бы вас попросить, к истинам, которые должна сообщить нам пастырская медицина, причислить также и ту, которая, предостерегая нас от хаотического смешения одного с другим, настаивает на том, что все должно вырабатываться на действительно предметной и профессиональной основе. Тогда священник, отбросивший врачебный дилетантизм, сможет оказать профессиональному врачу реальную

помощь. Это будет относиться к его задачам. И врач сможет многое сделать для эффективной работы священника, именно у постели больного, там, где она наиреальнейшим образом внедряется в жизнь: у постели больного.

Завтра мы продолжим эти рассуждения.

Второй доклад Дорнах, 9 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Если говорить об общем деле священника и врача, то, прежде всего, надо направить взгляд на те явления в человеческой жизни, которые легко переходят в патологическое и поэтому требуют врачебного понимания, а, с другой стороны, необыкновенным образом отражаются во внутреннем, в самой, я бы сказал, эзотерической сфере религиозной жизни. Ведь, мы должны со всей отчетливостью понимать, что, собственно, всем ветвям человеческого познания снова необходимо выйти за границы того грубого, что вошло в них в эпоху материализма. Нам достаточно только вспомнить, каким грубым способом уже в наше время пытались постигнуть те явления, которые одно время были объединены под титулом "гениальность и безумие", и которые грубо трактовались Ломброзо и его школой, а также многими другими. Точно так же мы можем направлять наше внимание не столько на сами исследования, — у которых, ведь, есть свои достоинства, — сколько на способ рассмотрения, появившийся, благодаря им; точно так же мы можем рассмотреть то, что выступило как криминальная антропология, исследовавшая черепа преступников. Представления, которые возникли при этом, были не только грубы, но и несли на себе печать исключительно сильного филистерства. Уже можно сказать — и мы в данном случае можем такие категории использовать, поскольку речь идет об одной из смежных областей в пасторальной медицине — уже можно сказать, что поскольку в качестве исследователей и мыслителей действовали тогда, в основном, филистеры, то и тип нормального человека получался очень близким к филистеру. То же, что от него отклонялось, считалось патологическим. А так как гений отклоняется в одну сторону, а безумец — в другую, оба считались в своём роде патологичными. И поскольку само собой разумеется, что всякая патологическая особенность проявляется также телесно, само собой разумеется и то, что в телесных чертах в том или ином направлении могут быть найдены соответствующие признаки. Ведь, дело заключается в том, чтобы эти признаки были правильным образом распознаны. Верно, что форма мочки уха при определённых обстоятельствах необычайно характерна для определенного психологического свойства, поскольку, ведь, подобные психологические свойства связаны с кармой, действующей из предшествующей инкарнации.

То, чем являются силы, строящие физический организм, а именно, в течение первых семи лет жизни, это те же самые силы, которые выступают в более поздний период. Ведь, в первые семь лет наш рост обеспечивается теми же силами, благодаря которым мы позже мыслим; и тут исключительно важно подходить к определённым явлениям уже не традиционным образом, не недавно ставшим традиционным образом, а образом, прежде всего, действительно соответствующим существу дела. Не столько, чтоб увидеть в них патологическое — к патологическому мы еще придем, как раз, через эти явления — а для того, чтобы через эти явления взглянуть на человеческую жизнь. Встанем самым серьезным образом, мои дорогие друзья, на ту точку зрения в отношении человека, которую нам даёт антропософия. Человек предстаёт нам в своём физическом теле, которое прошло долгое развитие,

которое как физическое тело, прежде чем стать земным телом, прошло три подготовительные стадии, описанные мной в "Очерке тайноведения", и для понимания которого, действительно, требуется значительно большее, чем то, что даёт нам сегодня анатомия и физиология. Также и здесь я хотел бы обратить ваше внимание на то, что это физическое тело человека, в том виде, в каком мы находим его сегодня, является точным отображением эфирного тела, проходящего третью эпоху развития, астрального тела, проходящего вторую эпоху развития, и, до определенной степени, Я-организации, которую человек приобрел только на Земле, и которая находится в первой эпохе своего развития. Всё это словно отпечатывается в физическом теле человека. И всё это делает физическое тело человека, в том виде, в каком оно предстает нам сегодня, исключительно сложным. Тех познавательных сил, с которыми мы подходим к нему сегодня, хватает лишь на то, чтобы оно могло быть исследовано только в отношении своих чисто минерально-физических свойств. То, что отпечатывается в нем эфирное тело, посредством этих познавательных сил, увидеть невозможно. Оно должно быть увидено глазами скульптора, пластически. Его нужно рассматривать так, чтобы получить наглядные представления, образы, которые созданы силами мироздания, и которые снова узнаются в человеческих формах, в формах отдельных органов.

Далее, этот физический человек является отображением того, что имеется в системе дыхания-кровообращения. Но вся динамика, действующая в дыхании и кровообращении, ориентирована музыкально, её можно понять, только если мыслить её в музыкальных формах. Её можно понять только в том случае, если мыслить, например, так, чтобы, скажем, в костной системе видеть то, во что втекают образующие силы, которые затем тончайшим образом действуют в дыхании и кровообращении, но по принципу музыкальных образующих сил. Мы сможем прямо-таки видеть, как октава от лопаток, идет назад вдоль костей, и что руки в их костной формации не могут быть поняты, исходя из механической динамики, а к ним следует подойти с музыкальным пониманием. Тогда расстояние от лопаток до плечевого сустава образует приму, в плечевой кости мы находим секунду, а в отрезке от локтя до лучезапястного сустава - терцию. Здесь мы обнаруживаем две кости, поскольку есть две терции, большая и малая и т.д. Одним словом, если мы попытаемся то, что в дыхании и кровообращении является отпечатком астрального тела, снова найти в физическом, мы должны развить для этого музыкальное понимание.

Ещё сложнее понять Я-организацию. Для этого нужно понять содержание первого стиха Евангелия от Иоанна "В начале было слово...". То, что там имеется в виду под понятием слова, в конкретном, а не в абстрактном, как это обычно делают интерпретаторы Евангелия, - это, в конкретном же, приложенное к реальному человеку, даёт тогда понимание того, как Я-организация входит в отношения с физическо-человеческим телом.

Вы видите, мы ещё многое должны включить в наши исследования, если хотим, чтобы эти исследования действительно привели нас к пониманию человека. Но поскольку я убежден, что как в медицинском, так и в теологическом образовании многое может быть опущено, то, я полагаю, если включить сюда всё действительно ценное, число лет обучения студентов, например, медиков не только не увеличится, а даже сократится. Но сегодня, разумеется, мысля материалистически, считают, что, если добавить нечто новое, то курс обучения придётся, наоборот, на полгода удлинить.

Если серьёзно стоять на точке зрения, которую мы должны принять в антропософии, то человек представится нам состоящим из физического, эфирного, астрального тел и Я-организации. В состоянии бодрствования все четыре члена человеческой организации тесно связаны друг с другом. Во время сна разделяются, с одной стороны, физическое и эфирное тела, с другой стороны, астральное тело и Я-организация. Если мы серьёзно стоим на этой

точке зрения, то мы можем себе сказать, что в соединении этих членов, Я-организации, астрального тела с эфирным телом и физическим телом, и т.д. могут произойти всевозможные нарушения. Предположим, - чисто схематически, — что физическое тело, эфирное тело, астральное тело и Я-организация (табл. 1,1) связаны следующим образом: тогда в состоянии бодрствования между этими четырьмя членами человеческой организации постоянно будут господствовать, так называемые, нормальные отношения.

Но может быть и так, что физическое тело и эфирное тело связаны нормальным образом, что и астральное тело ещё более или менее сидит внутри, но Я-организация сидит внутри астрального тела уже, в некотором смысле, не совсем верно (табл.1,II). Тогда мы имеем нарушения, которые проявляются, прежде всего, в бодрствующей организации. Человек, со своей Я-организацией, плохо внедряется в астральное тело. Вследствие этого, жизнь его ощущений оказывается полностью нарушенной. Он даже может весьма живо строить свои мысли, поскольку мышление вообще зависит от нормальной связи астрального тела с остальными телами. Но связаны ли соответствующим образом с этими мыслями чувственные ощущения, это зависит от того, нормальна ли Я-организация связана с другими членами человеческого существа. Если Я-организация не связана правильным образом с другими членами, то эти чувственные ощущения блёкнут. В той же мере, в какой блёкнут чувственные ощущения, становятся интенсивнее мысли. Они выступают почти как призраки, не в такой чистоте, как это бывает обычно. Душевная жизнь такого человека протекает так, что его чувственные ощущения приобретают нечто исчезающее, туманное, а мысли, напротив, становятся живыми, интенсивными, колоритными, вызывающими впечатление чуть ли не слабых чувственных ощущений.

Спит такой человек, - тогда и во сне дело обстоит так, что его Я-организация сидит в астральном теле неверно. Следствием этого является то, что теперь выступают исключительно сильные переживания мельчайших деталей внешнего мира. Такой человек, будучи вне своего физического и эфирного тел, в тех областях мира, где он, как раз, находится, переживает своим Я и своим астральным телом, например, изящество растения, тонко воспринимает мельчайшие детали в огороде вокруг своего дома. Он испытывает не то, что он видит днём, а тонкие ощущения, например, вкуса яблока и тому подобное. Доходит до того, что всё это становится переживаемым. И к этому добавляются поблекшие мысли, представляющие собой продолжение действия сил из бодрствующей жизни.

Не удивительно, что мы испытываем затруднения, когда перед нами находится такой человек, а его, ведь, в различнейших жизненных ситуациях можно воспринять по-разному, на него можно взглянуть с точки зрения врача, священника и даже - с точки зрения всей церкви. Допустим, мы встречаем подобного человека где-нибудь в деревне. Врач скажет сегодня, особенно если застанет его на одной из ранних стадий жизни: психопатологическая неполноценность. — Священник, если он хорошо обучен, скажем, если это хорошо обученный бенедиктинец — обычные, мирские священники католической церкви стали уже не так хорошо обучены, - но если он является хорошо обученным бенедиктинцем, иезуитом или барнабитом, то эзотерически он знает, что из того, что здесь рассказывается о таком человеке - для современного врача это только психопатологическая неполноценность, - он знает, что из этих вещей, если их только правильно интерпретировать, - не смотря на то, что он имеет перед собой человека, стоящего на границе между здоровьем и болезнью, чья нервная система, например, вполне может быть истолкована в патологическом смысле, - если он имеет перед собой такого человека с полностью нарушенным равновесием душевных сил, действующих совершенно иначе, чем у, так называемого, нормального человека, то,

правильно интерпретируя эти вещи, он может получить через них откровения из духовного мира, так же, как это может сделать и сам сумасшедший, - только интерпретировать их должен не сумасшедший, а человек, разбирающийся в этом. Таким образом, можно рассматривать его с позиции врача, и мы увидим, как мы должны рассматривать его с врачебной точки зрения в антропософском смысле. Можно воспринимать его, будучи священником, можно воспринимать его с позиции всей церкви.

Но может случиться и так, что такой человек станет развиваться дальше, и тогда происходит нечто особенное. Представим себе, что он развивается дальше. В определенном возрасте он таков, каким я его описал. Представим себе, что он развивается дальше; возникает сильное притяжение не вполне нормально связанного с остальными членами Я, так, что позднее возникает такое состояние (табл. 1, III). Снова физическое и эфирное тело находятся, так сказать, в нормальной связи, но Я-организация притягивает к себе астральное тело, и оно тоже не желает больше оставаться внутри целиком. Теперь Я-организация и астральное тело теснее связаны друг с другом, и оба вместе неверно входят в физическое и эфирное тела. С таким человеком может произойти следующее. Мы замечаем в нем, что он не в состоянии, посредством астрального тела и Я-организации, овладеть своим физическим и эфирным телом. Он не может правильным образом внедрить астральное тело и Я-организацию во внешние чувства. Так что чувства ему постоянно отказывают, вообще, чувственные ощущения слабеют, и наступает своего рода состояние опьянения грёзами. Но тогда, как раз, с особенной силой в различной форме могут выступать моральные импульсы. Они могут выступить в размытой форме, но также и в необычайно величественной казуистической форме, если организация такова.

И снова в этом случае врач увидит причины в существенных органических изменениях, в рассогласованности органов чувств и нервной субстанции. Им он уделит не много внимания; но он найдет сильное нарушение в тонких железах и в образовании гормонов, в тех железах, которые мы называем надпочечниками, и в тех железах, которые, здесь, в шейной области, запрятаны в виде маленьких желез в щитовидной железе. А, именно, в этом случае имеют место изменения *Hypophysis cerebri* и *Eriphysis cerebri*. На это уже будет обращено больше внимания, чем на изменения в нервной системе и во всей системе органов чувств.

К такому человеку подступает теперь священник; этот человек рассказывает ему о том, что он при такой конституции испытывает. При такой конституции он испытывает что-то вроде особенно сильного чувства греха, гораздо более сильного, чем испытывают обычно. Священник может изучать различные вещи, и католические священники делают это. Как раз, у таких людей они изучают экстремальное выражение обычно слабо развитого у других чувства греха. Чувство любви к ближнему может у такого человека достигнуть необычайной интенсивности, так что такой человек, именно вследствие этой любви к ближнему, часто оказывается в нужде, о чём он затем и сообщает священнику при исповеди.

Но может дойти и до следующего. Теперь может случиться, что физическое тело остаётся относительно изолированным, что эфирное тело постоянно или время от времени не полностью входит в физическое тело, так что астральное тело, эфирное тело и Я-организация становятся теснее соединены друг с другом, а физическая организация оказывается снаружи (табл. 2). Если употребить нынешний материалистический способ выражения — а мы его в ходе этого часа перерастём — такой человек чаще всего воспринимается как в высшей степени слабоумный, - человек, который со стороны духовно-душевного ни в каком из направлений, в том числе и в направлении воли, не в состоянии владеть своими физическими членами. Такой человек как бы

следует за своей физической организацией. Если человек организован так с самого начала, то его воспринимают, действительно, как слабоумного, поскольку если человек находится на теперешней стадии земного развития, и у него всё, - Я-организация, астральная организация и эфирное тело, - так изолировано, а физическое тело так одиноко тащится позади, то он не может ни воспринимать, ни действовать, ни быть озарённым со стороны Я-организации, астрального и эфирного тел; то, что он переживает, остаётся тёмным, и он кружит в своём физическом теле, словно в дурмане. Это тяжёлая степень слабоумия и на этой стадии нужно задуматься о том, как ввести другие тела в физическую организацию. Речь может идти о педагогических мероприятиях, но при этом никак не исключены также и внешние терапевтические мероприятия. Священник же может быть совершенно потрясён тем, что он услышит от такого человека на исповеди. Священник может чувствовать себя интеллектуально весьма уверенно, но опытный священник — а в католицизме, действительно, есть такие; не стоит принижать католицизм, — насторожится, если такой, так называемый, больной придёт к нему и скажет: "То, что ты вещаешь с кафедры, стоит немногого. Всё это ничего не значит, всё это не достигает жилища Бога и имеет только внешнюю ценность. В Боге нужно находиться действительно всем своим существом". - Так говорят такие люди. Во всей остальной жизни они ведут себя как настоящие слабоумные, но в разговоре со священником они могут сообщать такие вещи. Они претендуют на более интимное знание внутренней религиозной жизни, нежели те, кто говорит о ней профессионально. Они чувствуют отвращение к тому, кто говорит об этом по долгу службы, и то, что они испытывают, они называют "покоиться в Боге". И, смотрите, для священника снова речь должна идти о том, чтобы найти путь и средство для проникновения в то, что внутренне испытывает такой, можно сказать, пациент, а можно и по-другому, такой человек.

Нужно иметь тонкое понимание того, как патологическое развёртывается в различных регионах, делающих человека неспособным найти правильный путь в физически-чувственном мире, мешающих ему стать таким, как этого требует от нас внешняя жизнь; а все мы в отношении внешней жизни в определённой степени — так это и должно быть — являемся филистерами. Но такие люди не призваны к тому, чтобы идти путём филистерства, они всегда идут другим путём. Священник должен уметь связать то, что он должен дать сам, с тем, что в этот момент испытывает другой. Это уже то, что требует понимания для тонкого перехода от больного к духовному.

Но дело может пойти ещё дальше. Представим себе следующее: человек проделывает весь этот путь развития в различных возрастах. В одном определенном возрасте он находится в этом состоянии (табл. 1, II), где только Я-организация оторвана от других членов. В следующем возрасте он приближается к такому состоянию (табл. 1, III), и в ещё более позднем - к такому (табл. 2). Он проделывает нечто подобное лишь в том случае, если первое состояние, являющееся ещё нормальным, возможно уже в детстве проявляет тенденцию к переходу из стабильного в лабильное равновесие членов. Если теперь врач попытается понять такого человека, призванного пройти все эти четыре стадии, — первая с небольшими отклонениями, другие проходят так, как я схематически описал, — если врач попытается понять такого человека, он обнаружит, что здесь имеет место исключительно неустойчивое равновесие и здесь нужно нечто укрепить. Но, ничего укрепить здесь, как правило, нельзя. Часто этот путь настолько отчетливо предначертан, что ничего укрепить нельзя. Возможно, когда врач позднее снова увидит этого человека, он обнаружит, что первое неустойчивое состояние перешло в другое, как я его описал, с помутнением чувственных ощущений и ярко окрашенными мыслями. Позднее он снова обнаружит

исключительно сильное сознание греха, что как врач он, конечно, - поскольку теперь дело начинает сильно склоняться к области душевного, - неохотно примет во внимание. Только теперь, как правило, жизнь такой личности переходит преимущественно в сферу деятельности священника, а именно, когда дело доходит до четвёртой стадии.

Такие люди, прошедшие эти стадии, — что связано с их кармой, с их повторяющимися земными жизнями — чисто внутренне интуитивно вырабатывают удивительную терминологию. Они могут говорить, - в том случае, если они проделали эти стадии так, что первая стадия прошла почти нормально, - могут удивительным образом говорить о том, что они переживают. Например, будучи молодыми людьми, у которых неустойчивая стадия наступает в семнадцать или девятнадцать лет, они говорят: "Человек должен познать самого себя". - И интенсивно во всех отношениях они побуждают себя к самопознанию. Здесь, когда Я-организация выходит, они сами по себе приходят к активной медитативной жизни. Они называют это часто "деятельной молитвой", что является активной медитацией, и они бывают очень благодарны когда какой-нибудь опытный священник даёт им предписания относительно этой молитвы. Они целиком погружаются в молитву, и то, что они испытывают, они начинают излагать с помощью этой удивительной терминологии. Они оглядываются назад, на первую стадию, и то, что они воспринимают, называют первым жилищем Бога, поскольку, благодаря тому, что своим Я они не целиком погружаются в остальные члены, они наблюдают себя некоторым образом также изнутри, а не просто снаружи. И то, что наблюдается изнутри, увеличивается, становится как бы обширным пространством: первым жилищем Бога.

То, что происходит затем, и что я с определенной точки зрения описал, становится богаче, внутренне расчленяется; человек узнает значительно больше о своем внутреннем: второе жилище Бога. Когда наступает третья стадия, внутреннему оку открывается зрелище исключительной красоты, и такие люди говорят себе: «Я вижу, исполненное великолепия, третье жилище Бога и живущих там духовных существ». - Это внутреннее видение, но это мощное, грандиозное созерцание духовного мира. Третье жилище Бога или дом Бога. В речи это выражается различным образом. Когда такие люди переходят к четвертой ступени, они уже не хотят слышать какие-либо советы в отношении активной медитации, но они считают, что все должно даваться им само, посредством благодати. Они должны ждать. Они говорят о пассивной молитве, о пассивной медитации, которую не следует предпринимать, которая должна начаться сама, если она посвящена Богу. Здесь священник должен обладать тонким чувством того, когда одна стадия переходит в другую. Тогда эти люди говорят о "молитве покоя", при которой человек не делает больше ничего, при которой он отдаёт себя на милость Бога. Так он переживает четвертое жилище Бога.

При определённых обстоятельствах, из описаний, которые сейчас даются, из того, что говорит, выражаясь врачебно, такой «пациент», священник действительно может узнать необычайно много эзотерически-теологического. И, если он хороший интерпретатор, теологическое будет для него исключительно конкретным, если он прислушается к тому, что ему рассказывает такой "пациент", — я употребляю это слово в кавычках. Многие из того, чему учат в католической теологии, в пастырской теологии, почерпнуто из общения образованных, обученных исповедников с исповедующимися, развивавшихся в этом направлении.

Обычные понятия относительно здоровья и болезни теряют свою действенность, свое значение. Посадите такую личность в какое-нибудь бюро, или сделайте из неё обычную домохозяйку, которая должна готовить обед, или заниматься какой-нибудь другой бюргерской деятельностью, и она станет

действительно безумной, и будет вести себя внешне так, что иначе как безумной её и не назовёшь. Если священник в нужный момент заметит, куда ведёт такой путь, он поместит её в монашескую среду; если он поможет такому человеку жить в соответствующем окружении, эти четыре стадии разовьются друг из друга, и через такую пациентку он сможет взглянуть в духовные миры, подобно тому, как это делали греческие жрецы, использовавшие пифий, которые посредством курений, земных испарений, давали им всевозможные сведения о духовном мире. Какая польза от того, что сегодня кто-то напишет диссертацию о патологии греческих пифий? Она может быть очень хороша, очень правильна, очень точна, но, в более высоком смысле этим не будет сделано ничего. Ведь многое из того, что из греческой теологии перешло в греческую культуру, было получено благодаря откровениям пифий. Пифиями были по большей части личности, которые развились до третьей такой стадии, или даже до четвертой. Но возьмём какое-нибудь более позднее время; некая личность под мудрым руководством священника проделывает все эти стадии так, что она без помех может предаваться своим внутренним созерцаниям, - тогда из нее может получиться нечто в высшей степени чудесное, и что поэтому в определенной степени всё же останется патологическим. Тогда не только врач, не только священник, но и вся церковь должны иметь с ней дело и заниматься тем, чтобы вывести эту личность в святые; такова Святая Тереза, которая проделала подобный путь.

Видите, дорогие мои друзья, на этих вещах нужно учиться, если есть желание действовать в том, что во взаимопонимании медицины и теологии должно привести к пониманию человеческого существа. Тогда нужно будет выйти за рамки обычных понятийных категорий, которые здесь теряют смысл, а то нельзя будет отличить святого от дурака, безумца от гения, вообще ничего нельзя будет различить, будто каждый является нормальным средним бюргером, среди ему же подобных.

Это воззрение на человеческое существо, должно быть теперь прослежено, и, прежде всего, с пониманием, которое действительно может привести нас к основам эзотерического, но которое является и необычайно проясняющим не только в области психологических отклонений, но действует также проясняюще и в сфере физических ненормальностей, физических болезней. Ибо для того, чтобы выступили такие стадии, дорогие мои друзья, необходима определенная предрасположенность, заключающаяся в определенной консистенции "Я", которое не целиком внедрилось, и соответствующего астрального тела. Но если консистенция не так тонка, как у Святой Терезы, а груба, то происходит следующее. У святой Терезы, благодаря тонкости ее Я-организации и астрального тела, были пластично образованы определенные физические органы, а именно, органы нижней части тела, очень приближённые к Я-организации и астральному телу.

Но может случиться, что Я-организация и астральное тело грубы, и, тем не менее, этими свойствами обладают. Тогда, вследствие того, что Я-организация и астральное тело грубы, такая личность может остаться нормальной. Но тогда могут выступить физические корреляты, и тогда это выразится просто в физическом заболевании. Можно сказать: с одной стороны, мы можем иметь конституцию святой Терезы со всей поэтичностью ее откровений, а с другой стороны, её физический противобраз в виде больных органов нижней части тела, жизнь которых тогда не проявляется в Я-организации и астральном теле.

Все эти вещи должны быть обговорены. Все они должны быть изучены, ибо они выступают как перед врачом, так и перед священником, и последние должны до них дорасти. Теологически-религиозное будет действенным только тогда, когда теологи дорастут до таких вещей. И врач действительно сможет лечить людей только тогда, когда и он дорастет до таких явлений.

**Третий доклад
Дорнах, 10 сентября 1924 г.**

Мои дорогие друзья! Если размышления, подобные вчерашним, немного продолжить, откроется доступ в самые глубины существа человека. В особенности, как раз, на примере таких явлений, становится ясна значимость перехода от здоровья к болезни. Поэтому я хочу рассмотреть здесь ещё и явление, стоящее между определенными патологическими путями, по которым может идти человеческое развитие, и, своего рода, естественным посвящением, в свою очередь, представляющим собой путь развития, которое стоит между патологическими течениями человеческой природы и посвящением, и являющегося родственным как тому, так и другому, - то есть, я хочу поговорить с вами ещё и таком развитии человеческого существа.

Типичным для подобного развития являются такие личности, как упомянутая вчера святая Тереза. Если проследить путь развития таких личностей, то помимо того, о чем я упоминал вчера, можно обнаружить и нечто иное. У неё мы наблюдаем выступление духовного мира на горизонте восприятия человека. Естественно, такое описание далось бы нелегко, поскольку обычный язык не приспособлен для точной характеристики подобных ненормальных состояний. Но я надеюсь, вы всё же поймёте то, что я должен вам сказать. То, что вступает в поле зрения таких личностей на первой стадии, называется ими: вступление в первое жилище Бога. На первой стадии оно действует просто как "Присутствие". Такие лица рассказывают, что у них нет точного представления о том, что они переживают как присутствие какого-нибудь духовного существа, но когда это переживание заканчивается у них остаётся отчетливое ощущение того, что это существо здесь было, что оно находилось с ними. Восприятие этого совместного пребывания лишь в общих чертах, - это первое, и пока такие личности находятся на этой стадии своего развития, их даже раздражает, когда кто-нибудь рассказывает о своих видениях и образах, поскольку считают, что их собственный опыт более внутренний, более интимный и истинный. Они переживают это так, что к ним приходит ощущение: сверхчувственное не должно доходить до конкретного образа, а оставаться на стадии просто общего ощущения присутствия. Это первое.

Но затем эти личности вступают во вторую стадию. Тогда они рассказывают уже о действительно образных восприятиях присутствующих духовных существ. А именно, сначала они рассказывают об ощущениях прикосновения, о духовном рукоположении, или даже о прикосновении ко лбу и тому подобном, без каких-либо видений, напоминающих зрительные восприятия. Но затем эти состояния развиваются до видений, напоминающих уже восприятия глазами. Последние могут развиваться до такой степени, что такая личность может видеть перед собой, как реальное лицо, например, Иисуса. Это, как правило, вторая стадия. Характерно, что такие личности, переходя от первой стадии ко второй, плохо помнят о том, что они сильно раздражались, когда раньше им рассказывали об этой второй стадии. В памяти нет ясной связи этих двух стадий. Такие личности целиком живут в той стадии, которую в данное время проходят.

Замечательно переживание затем такой личностью третьей стадии. Эта третья стадия представляется в описании таких личностей весьма колоритно.

Эти личности рассказывают о том, что когда наступает это переживание, они испытывают невероятную боль. Боль такова, что - если бы такую личность во время этого опыта можно было наблюдать, - она действительно выражалась бы в виде стонов и тому подобного, аналогично тому, как боли, имеющие источник в физическом и эфирном телах, выражаются в обычной жизни. Но своеобразие заключается в том, что эти личности доходят до того, чтобы желать этой боли, рассматривать ее как нечто положительное, поскольку они естественно приходят к убеждению, что правильное достижение этого переживания состоит в прохождении через боль.

Затем они доходят до того, что эта боль внутренне преобразуется. Это особенно интересная стадия: боль, оставаясь точно такой, какова она есть, преобразуется в чувство удовольствия, блаженства. Переживание, таким образом, протекает так, что боль наступает, её объективное присутствие остаётся, но сам опыт продолжается теперь в духовном. Если эту личность тут же снова вернуть из духовного назад, она испытает эту боль так же, как это делает больной; так и случается, когда эта личность покидает высшую стадию этого переживания. Но в высшей стадии этого опыта, когда у неё больше нет чувства: духовное существо спускается к ней, но она сама чувствует себя вознесенной в духовный мир, - на этой стадии, (можно сказать субъективно, хотя это выражение и не слишком сюда подходит) боль преобразуется, вплоть до чувства наслаждения. И тогда наступает объективация, символическая объективация боли. Так что, когда переживание заканчивается, и у такой личности остаются воспоминания, - а именно после такого, наивысшего переживания часто остаются довольно ясные воспоминания, - тогда такая личность описывает, что рядом с ней стоял Серафим или Херувим с мечом, что он пронзил ей этим мечом живот и это причинило ужасную боль; и что вытаскивая меч обратно, он извлёк наружу все внутренности, и сразу же после этого последовало в высшей степени блаженное переживание присутствия Бога.

Как правило, эти стадии следуют одна за другой. Мы можем совершенно точно проследить их с помощью средств, которые дает антропософское познание. Смотрите, ведь, первая стадия состоит в том, что Я-организация, после того как предварительная стадия, которую я описал вчера, закончилась, - а, согласно вчерашней последовательности рисунков, началась вторая стадия (табл. ...), - что эта Я-организация притягивает к себе астральное тело и начинает переживать вместе с ним, а само соединение Я-организации и астрального тела не достаточно глубоко проникает в физическое и эфирное тела. Так что, то, чего не может произойти в обычном сознании, как раз, у таких личностей в полусонном, четверть сонном или на три четверти сонном состоянии становится изолированным переживанием, протекающим в Я-организации и астральном теле, в то время как параллельное протекание этого переживания в физическом и эфирном телах также отличается относительной самостоятельностью. Таким образом, переживания идут параллельно: духовное переживание, которое протекает в Я-организации и астральном теле, и которое только сопровождается переживаниями эфирного и физического тел. Этого никогда не происходит в нормальном сознании, поскольку в нормальном сознании все четыре члена существа человека тесно связаны между собой, так, что таких параллельных переживаний не бывает. Все они находятся в соединении друг с другом. В этом же опыте сам вид ощущения, сам вид переживания таков, что человек сознает себя единым с тем, что он испытывает. Прежде всего, в качестве основного переживания, человек сознает состояние единства, поскольку астральное тело, будучи притянутым Я-организацией и переживая духовные существа, переживает их как присутствие, состояние единства. Человек переживает их примерно так, как переживают собственное тело. Воспринятое не дифференцируется, оно

переживается не как нечто внешнее, но как единое с собой, - это первое. Это «Опыт присутствия».

Теперь перейдём ко второй стадии. Она интересна тем, что данная личность испытывает вначале прикосновения, которые, конечно, обычной патологией могут быть очень легко спутаны с тем, что известно также в психиатрии, но не является тем же самым. Затем они развиваются до реальных видений. Это та стадия, в которой Я-организация и астральная организация привлекают к себе теперь еще и эфирное тело, поэтому параллельные процессы проходят так, что Я-организация, астральная организация и эфирное тело, будучи несколько выдвинутыми из физического тела, имеют общие переживания, а параллельно этому развёртывает свои процессы физическое тело. Вследствие этого происходит нечто особенное. Когда мы в обычной жизни смотрим глазами, процесс проходит так, что мы раздражаемся светом извне, что это раздражение мы принимаем дальше внутрь. Оно доходит далее до эфирного тела, это раздражение, и из эфирного тела образует сознательное переживание. Так происходит с глазом. Когда вы смотрите, вначале совершается первичное раздражение, внешнее раздражение, которое возникает в "Я", проникает в астральное тело, вплоть до эфирного тела, а эфирное тело, сообщает затем человеку всё это сознательное переживание благодаря тому, что оно во всех направлениях как бы сталкивается с физическим телом. В этом столкновении и заключается сознательный опыт. Это точное описание процесса. Этот процесс в глазу, представленный схематично, выглядит приблизительно так (см. рисунок):

Вначале раздражение возникает в "Я", переходит к астральному телу, к эфирному телу, затем то, что действует в эфирном теле повсюду наталкивается на физическое, физическое отражает, и это отражение от физического представляет собой собственно зрительное переживание. Это постоянное взаимодействие эфирного тела с сосудистой оболочкой, сетчаткой. То, что эфирное тело делает в сосудистой оболочке и сетчатке, как раз, и является обычному сознанию как зрительное переживание. Так же обстоит дело при любом другом чувственном восприятии. Для тех, кто эти вещи понимает, любое описание, представляемое сегодняшней психологией, или даже теорией познания, покажется ужасным ребячеством.

Теперь смотрите, у таких личностей, - так, как я вам их описал, - переживанием охватывается непосредственно само эфирное тело. Это переживание, сидящее в "Я", в астральном теле, эфирном теле, сталкивается теперь не с органами чувств, а изнутри сталкивается с тем, что представляет собой чувственно-нервная система, - вначале оно, собственно, сталкивается с системой желез, затем с нервной системой, и только оттуда излучается в органы чувств, так что органы чувств захватываются, полярно противоположным, в сравнении с обычной жизнью, образом. Вместо того, чтобы сознательное переживание возбуждалось через органы чувств, это сознательное переживание, изнутри наталкиваясь на органы чувств, становится более колоритным, интенсивным, образным. Вследствие этого, в ощущающих нервах возникает представление о прикосновении. Оно усиливается затем, вплоть до возникновения видений. Теперь перед вами весь внутренний процесс целиком.

Если же развитие идет дальше, тогда Я-организация, астральное тело и эфирное тело совсем с другой стороны вступают в отношения с физическим телом, - не снаружи, как оно к тому привыкло, а изнутри. То есть, физическое тело должно теперь подвергнуться захвату изнутри. Теперь тот же процесс, который, по существу, имеет место только тогда, когда духовно-душевная организация человека нисходит из духовно-душевного мира в физическое тело через три недели после зачатия, осуществляется в самой жизни. Это процесс,

он, ведь, больше никак не может осуществиться в обычной жизни, поскольку эфирное тело связано с физическим. Теперь же эфирное тело выдвинуто, благодаря влиянию Я-организации и астрального тела. Все это напоминает процесс рождения, когда происходит овладение физическим телом, и теперь к этому физическому телу хотят прикоснуться совсем с другой стороны. Это причиняет боль. Ведь, собственно говоря, в случаях болезни любая боль так же состоит в том, что тело захватывается с другой стороны, нежели обычно. Но в тот момент, когда достигается третья стадия, это происходит. Вас не должно удивлять, что эта третья стадия объективируется, что она проникает в физическое тело, которое сопротивляется, которое без соответствующего посвящения не может быть так захвачено, и потому естественно сопротивляется, что и обуславливает боль. В боли оно отражает то, что им испытывается. Это первая стадия переживания, которая снова присутствует на этой третьей стадии. Физическое тело создает противодействие, а противодействие изживает себя в боли. Что же проникает через эту боль? Через эту боль проникает действительный духовный мир. Он приходит через боль. То есть, духовный мир приходит, как раз, с другой стороны. На стороне обычного чувственного восприятия, обычного мышления находится постижение физического мира. Духовный мир постигается с противоположной стороны. Путь к нему ведёт через боль. В то мгновение, когда физическое тело оказывает противодействие, возникает интенсивная боль, но в тот момент, когда боль охватывается духовным миром, когда вступает духовный мир, боль превращается в чувство наслаждения. Это действительно так. Вначале в организме возникает боль, но в эту боль проникает духовный мир, пронизывает и пропитывает боль: появляется Херувим или Серафим — таким образом получается имажинация — вонзает свой меч и извлекает его обратно, - это означает, что при вытягивании внутренностей человек становится независимым от физического тела, в привычном смысле. Переживаются уже не внутренности, а духовное. Физическая боль превращается в наслаждение. Тогда люди говорят о присутствии Бога, или, дифференцируя, о присутствии духовного мира.

Эту последнюю стадию переживают такие личности, которые достаточно сильны в своем эфирном теле, чтобы выдержать весь этот процесс. Всё, происходящее с этими личностями, обусловлено их кармой. Возьмем, например, такую личность, как Святая Тереза. Она пришла из прежней инкарнации, где ее душа стала особенно сильной, очень сильной. Она воплотилась как Святая Тереза. До своего вхождения в физическое тело в процессе инкарнации, она самым интенсивным образом овладела эфирным телом. Последнее укрепилось, качественно стало намного активнее, чем у обычных людей. Такое внутренне укрепленное, качественно внутренне укрепленное эфирное тело, она несла в себе. Это укрепленное эфирное тело соответствующим образом выступало из физического тела и было сильно связано с астральным телом и "Я", поскольку те, в свою очередь, также вышли из прошлой инкарнации очень сильными. И это, как раз, является причиной возникновения болезней, по крайней мере, определенного рода болезней, поскольку эфирное тело не удерживается в органах, когда внутри, в эфирном теле, присутствуют витализирующие питательные силы. И в тот момент, когда у таких людей имеют место подобные переживания - с точки зрения рассмотрения их физического аспекта, - когда эти переживания вступают в третью стадию, такие люди становятся действительно больными. Но эфирное тело в то же время достаточно сильно, ещё сопротивляется и, когда болезнь находится в *stadium nascendi* (в стадии становления, - прим. пер.), оно её преодолевает, так что происходящий здесь процесс, является процессом, при котором заболевание возникает, но в момент возникновения оно одновременно внутренне и преодолевается, посредством самопроизвольной терапии,

исходящей от сильного эфирного тела. Весь процесс представляет собой скрытое заболевание и лечение. Это интереснейшее явление в сфере человеческого развития.

Как раз у таких личностей как святая Тереза в последней стадии ее развития мы наблюдаем в *status nascendi* попеременно возникающие болезнь и исцеление. Это взаимодействие, это удивительное колебание маятника между болезнью и исцелением, естественно, разыгрывается не в физическом мире, ибо не для него оно предназначено, но в духовном мире. Не правда ли, если эфирное тело формируется до земной инкарнации, то в этот момент оно получает свой облик. Тогда такая личность воплощается как святая Тереза. Но, вызывая в *status nascendi* патологическое состояние, она поднимается в мир, в котором была до рождения, то есть, в духовный мир. Колебание маятника - это погружение в физическое тело, восхождение к духовному миру. Духовный мир — физический мир, духовный мир — физический мир, но физический мир при этом переживается способом, полярно противоположным обычному, то есть, так, как он испытывается лишь при вступлении в инкарнацию. Этот внутренний целительный процесс, этот осуществляемый из космоса терапевтический процесс, протекает настолько интенсивно, что, фактически, может воздействовать на больных, находящихся вблизи такой личности, если их болезнь носит характер, более или менее соответствующий развитию всего процесса, так что вблизи таких личностей действительно могут происходить чудеснейшие исцеления.

Но эти вещи могут заходить ещё дальше, и в прежние, лучшие для церкви времена, эти вещи, которые позже выразились в суеверном почитании реликвий и волшебстве, использовались тонко эзотерическим образом. Ведь, дело обстояло так, что в те, более благоприятные для религиозного развития времена, повсеместно давались, и даже навязывались, наглядные почти имажинативные описания биографий таких людей, чтобы верующие могли исполниться их образностью. И тут могло произойти, - я не хочу сказать, что это происходило всегда, но могло произойти, - что понимающий руководитель мог дать больному с соответствующим направлением болезни такую имажинативно написанную биографию, может быть, подкрепленную собственными словами. Благодаря этому, тоже мог осуществиться целительный процесс, - таким образом, уже ментальное обращение больного к жизни такого святого имеет терапевтическое значение.

Вы видите, что рассматривая, так глубоко проникающие в человеческое существо, всегда ведут от здорового состояния к больному состоянию, являющемуся, однако, состоянием сверхчувственного опыта. Поэтому если вы будете кому-нибудь советовать делать упражнения с целью проникновения в сверхчувственный мир, эти упражнения должны быть направлены на укрепление Я-организации, астрального тела и эфирного тела, чтобы описанный мною процесс, обусловленный у таких личностей кармой, мог развиваться правильным образом. То, что происходит при посвящении, можно изучать уже, изучая такие резко уходящие в патологические процессы. Поэтому для врача будет значить немало, если он снизойдет до изучения жизни таких личностей, ибо именно в их жизни он найдет то, что, в сущности, можно выразить только парадоксальным образом. В жизни таких личностей он найдет здоровый противоположный определённым, то здесь, то там выступающим патологическим симптомокомплексам, а для врача рассмотрение такого здорового противоположного патологического процесса - это самое плодотворное. Это то, что внутренне эзотерически вводит в практику терапевтического. Если к этому добавить знание материально-субстанциального, которое может выступить в виде лекарства, химически сродственного каким-либо силам эфирного тела, действующих у таких необычных личностей саморегулирующе, - то есть, если он узнает, каким образом эфирное тело святой Терезы развивало

силы, когда болезнь находится ещё в *status nascendi*, и познакомится с целебными силами вместе с действующими силами, пронизывающими сурьму, тогда он извлечёт этот терапевтический процесс из самой природы.

Можно сказать, что в рассмотрении таких переживаний лежит нечто примечательное, парадоксальное, при этом учатся смотреть на болезнь с другой стороны, - со стороны управления болезнью духовными существами, а не человеком. Поскольку, ведь, *одно* управление, - это управление, которое в отношении болезни развивает человек; это одно управление. Это управление со стороны Земли. Оно состоит в том, что мы, посредством терапии, снова восстанавливаем те отношения, которые были нарушены болезнью. Духовные существа, имеющие отношение к человеку, обращаются с болезнями иначе. Они вплетают болезнь в сеть кармы. Это их работа. Правда, работа, при которой вещи не так тесно связываются между собой, как они связаны здесь на Земле, посредством патологии. Здесь человека, заболевшего в семнадцать лет, нельзя вылечить в сорок пять лет. Но в отношении образования кармы дело обстоит так, что то, что в какой-нибудь инкарнации протекает в виде болезненного процесса — всё равно, лечится этот процесс, или нет, — может быть вплетено в карму через три тысячи лет, ибо в духовном мире мы имеем дело с совсем другим временным масштабом. Но на процессах, в которых выступает то, что с духовной точки зрения может выступать в духовном мире, а затем также излучаться в физический мир, можно научиться очень многому.

Возьмем один такой, только что упомянутый мною процесс, который при нормальном ходе эволюции протекает на протяжении, скажем, трех тысяч лет. Этой линией я хочу указать, что какое-нибудь событие, происходящее с человеком сегодня, оформляется духовными существами так, что другое событие, уравнивающее его, наступает через три тысячи лет. Это нормальный процесс. Но, видите ли, в обычной жизни представления о времени являются очень приблизительными. Как представляют себе время в обычной жизни? Как линию, идущую из бесконечного прошлого через настоящее в бесконечное будущее. Примерно так представляют себе время, правда, в виде толстой линии, не линии, а толстого каната, поскольку он содержит в себе всё, что вообще воспринимается в мире, в каждый отдельный момент настоящего. Так представляют себе время, если только вообще его себе представляют. Многие люди вообще его никак себе не представляют. С духовной точки зрения дело обстоит иначе. Но если представлять себе время только так, то духовные процессы в которых, ведь, заключены и все физические процессы, научиться понимать будет очень трудно. В реальности же время не таково: все эти сплетённые в канат нити, которые я изобразил на доске, могут смотаться в клубок. Внутри этого клубка вся временная линия, все эти три тысячи лет. Время может смотаться в клубок, и если оно смоталось в клубок для некоего развития, то этот клубок может жить и в человеке. У святой Терезы это смотанное в клубок время жило в земной жизни. Это, собственно, мистерия, что вещи, которые обычно в карме отстоят друг от друга далеко, теперь становятся сдвинутыми вместе (см. рис.).

Таким образом, обращаясь к такому явлению, вы видите здесь, как к внутреннему духовному кармическому рассмотрению присоединяется рассмотрение внешнее, патологически-терапевтическое. Здесь же вы видите, однако, и то, как отношение к человеку со стороны священника, который, ведь, всегда должен иметь в виду кармические связи, духовное, может соприкасаться с тем, что может быть познано только с медицинской стороны. Поскольку к познанию таких вещей относится не только теоретическое знание, но вживание в сами эти вещи. Вживание со стороны патологическо-физиологического, должен осуществлять врач. Вживание со стороны, которая открывается с позиции теологическо-кармического, должен осуществлять священник. И гармония возникнет тогда из их взаимодействия, - и на это

всегда надо обращать внимание, - а не из дилетантского вмешательства одного в дела другого.

Но с этими вещами связано еще нечто, характерное для нашего времени. Вы знаете, мои дорогие друзья, с каким трудом человек, имеющий философское образование, постигает идею, которая непредвзятому человеку кажется, само собой разумеющейся, и которая отрицается, поскольку интеллект философа не знает, как к ней подступиться: идею свободной воли. Я говорил о чувственных ощущениях, что то, что написано о них в физиологии и психологии, для того, кто понимает эти вещи, представляется ребячеством. Но то, что болтают об идее свободной воли, - тем более. Вы должны подумать о том, что свободное волевое решение в каждое мгновение представляет собой выражение всего человеческого существа; все человеческое существо, ощущающее себя здоровым или больным, полубольным или сверхздоровым, выражает себя в свободной безудержности воли. В этой свободной безудержности воли заключен весь человек, но он заключён в ней со всем тем, что в нем можно обнаружить, со всеми своими сложностями. Человеческая природа познаётся лишь тогда, когда её учатся познавать в этих сложностях. И то, что у аномальных личностей в том или ином направлении приобретает аномальную окраску, в каждом человеке упрямлено, приведено к гармонии. Хотя это тривиальное выражение, но оно верно: "Человек равно доступен как для Херувима, так и для черта". И эти процессы, которые делают его доступным для черта, мы будем рассматривать тоже. Но все это есть и в обычном человеке, только оно компенсируется противоположной деятельностью, поскольку последняя с одинаковой силой разворачивается во всех направлениях. Если в каждом сидит ангел, то в каждом сидит также и черт. Но когда ангел и черт одинаково в чем-то сильны, они компенсируют действие друг друга.

Рассмотрим теперь эти весы (см. рис.). Здесь есть одна точка, вот она. Вы можете положить на них какой-нибудь вес, тогда все придет в движение. Но эта точка (гипомохлион) будет всегда в покое, она не затрагивается тем, что вы кладёте слева или справа. То, что она всегда остаётся в покое, должно быть, однако, заложено в устройстве весов. Подобный же духовный гипомохлион создается в человеке действием противоположных сил. Поэтому вы можете, например, изучать природу человека. И вы нигде не обнаружите здесь повода для определения человека как свободного существа, поскольку в природе человека все каузально обусловлено. Если вы с материалистическим настроением будете изучать природу человека, вы никогда не придете к идее свободы, вы придете только к каузально обусловленному. Вы можете также изучать человека с духовной стороны. Вы придете к детерминации воли Богом или духовными существами, но вы никогда не придете к свободе воли. Вы можете быть сугубым материалистом, отрицать свободу, и изучать природную причинность воли, или вы можете быть таким тонким мыслителем, как Лейбниц, и обращаться к духовному: вы придете к детерминизму. Естественно, пока вы рассматриваете одну чашу весов с соответствующим плечом, вы сможете прийти только к движению, пока вы рассматриваете другую чашу весов с другим плечом, вы тоже сможете прийти только к движению. Одно имеет место при изучении человека со стороны природы, а другое - при изучении человека со стороны духа. Вы не придете к свободе. Она находится посередине, в точке равновесия между обоими.

Это теория. Практика же такова, что вы должны определить, несёт ли человек, находящийся перед Вами в тяжёлой жизненной ситуации, ответственность за своё деяние. Здесь вопрос становится практическим: может он проявлять свою свободную волю, или нет. Как вы можете это определить? Посредством суждения о том, находятся ли в равновесии его духовная и физическая конституция. В обоих случаях может прийти как врач, так и

священник. Поэтому обучение как врача, так и священника должно включать в себя изучение того состояния, в котором человек находится в равновесии между духом и природой, и того состояния, в котором он это равновесие утеряно.

Невозможно судить о чувстве ответственности какой-либо человеческой личности, без предварительного глубокого познания человеческого существа. Вопрос о свободе, в связи с вопросом об ответственности, является, как раз, одним из самых сложных. Завтра мы начнём с этого и продолжим дальше. Мы увидим, что же ведёт, с одной стороны, к здоровью, а, с другой стороны, – к патологии.

Четвертый доклад Дорнах, 11 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Сегодня в наше рассмотрение мы вставим главу антропософии, которую перед дилетантами мне не надо было бы излагать с такой подробностью, но если мы хотим продолжить наши исследования, а именно, исследования, посвящённые здоровой ответственности и болезненной патологической безответственности, распознавание которых столь важно как для врача, так и для священника, то она будет нам нужна.

Прежде всего, тут особую важность имеет вопрос: что в человеке, собственно говоря, наследуется, что переходит к нему по наследственной линии, и что не наследуется, а вносится в него другим путём? – От того, удастся ли оба эти, так сказать, ингредиента человеческого существа различить, зависит очень многое при вынесении суждения о здоровом и больном человеке. Когда человек из духовно-сверхчувственных миров вступает в чувственный мир, то есть, когда происходит соединение того, что ему передаётся по наследственности, с тем, что он приносит с собой из прошлых земных жизней и времени между смертью и новым рождением, тогда мы видим, как человек, поначалу как ребёнок, развивается, – день за днем, неделя за неделей. Но пока не будет приниматься во внимание четырехчленность человека, – его физическое тело, эфирное, астральное тела и Я-организация, – до тех пор будет невозможно понять это развитие, поскольку невозможно понять, в какой мере в этом развитии участвуют отдельные члены человеческого существа, имеющие совершенно различное происхождение, пришедшие из различных миров.

Прежде всего, человек имеет свой физический организм. То, что в этом физическом организме больше всего бросается в глаза, так это то, что в конце первого периода жизни происходит смена зубов. Но эта смена зубов является собой лишь, так сказать, самое экстремальное из всего того, что меняется в человеке. Ибо, в действительности, то, что человек несет материально, то, что он принимает в детстве как физическое тело, что он принимает при рождении, – всё это он несет с собой только до смены зубов. Мы постоянно выталкиваем из своей формы физическую материю. Процесс, конечно значительно сложнее, чем если бы мы, ради краткости, захотели описать его так: в период до семи-восьми лет человек выталкивает себя всю полученную им физическую материю и обновляется. – Что-то из этого безусловно согласуется с действительностью,

но достаточно только взглянуть на саму смену зубов, и мы увидим, что это нужно представлять себе уже несколько модифицированным образом. Ведь, если бы в этой абстракции все соответствовало действительности, мы получали бы новые зубы каждые семь лет. Но этого не происходит. Мы получаем их только однажды. Как раз, зубы после одноразовой смены и не обновляются. Они представляют собой экстремальный случай. Но, ведь, ход развития человека на Земле вообще таков, что чем старше он становится, тем больше он удерживает в себе старой материи. В период до семи-восьми лет действительно происходит смена почти всех компонентов физической материи, но мы должны отличать их от того, что остаётся; с седьмого года это только зубы, которые вырастают и затем остаются, но после дальнейших ритмических повторений таких промежуточных этапов в человеке остается все больше частей материального, которые уже не сменяются, хотя в период до семи-восьми лет большая часть материи всё же обновляется. Так что, выразась радикально, можно сказать, что в первые семь лет жизни человек полностью выталкивает из себя материю, которая у него была с рождения, - от неё не остаётся ничего, кроме существующих и действующих в ней сил, овладевающих заново конфигурированной материей так, что в период смены зубов у человека происходит обновление физического тела, вплоть до зубов. Тем самым становится понятным, что собственно принцип наследственности, как его себе представляет сегодняшнее естествознание, справедлив только для первых семи лет. Только в эти первые семь лет дело обстоит так, что те свойства, которые человек несёт в себе, наследуются им от родителей и прародителей. В эти первые семь лет физическое тело образует как бы модель, по которой работающий в человеке архитектор, состоящий в эти годы из эфирного тела, астрального тела и "Я", создает новое физическое тело. И мы видим, как совместно работают, как, так сказать, в артистически работающем взаимодействии выступают те элементы, которые человек приносит с собой из духовных миров: свою индивидуальность, свое существо и то, что он унаследовал. Если человек является сильной натурой в отношении своей индивидуальности, если он приносит с собой внутренне интенсивную, сильную астральность и "Я", которые, в свою очередь, укрепляют эфирное тело, тогда мы видим человека, который в своём росте мало ориентируется на модель, а именно, только на её общие формы. Для тех, кто обладает чувством реального процесса формообразования, это является очевидным, поскольку, конечно, общая человеческая модель должна сохраняться и, поскольку имеется сродство с унаследованной человеческой формой, — черты этого сохраняются и за пределами процесса смены зубов, — но более тонкому наблюдению со всей ясностью открывается и то, как у внутренне сильных индивидуальностей после смены зубов выступают существенные видоизменения, обусловленные тем, что сильная индивидуальность лишь в малой степени ориентируется на унаследованную модель.

Если мы исследуем это на примере такой индивидуальности, как уже упомянутая здесь святая Тереза, то в ней мы, как раз, и найдем такую сильную натуру, которая свои первые семь лет была очень похожа на своих родителей, но к девятому-десятому году приняла формы, отражавшие только ее индивидуальность. Так что в строгом смысле слова, наследственность действительно только в первые семь лет; и то, что как наследственность выступает позже, по сути, уже не наследственность, - и это должно быть осознано, - а работа по унаследованной модели. Более или менее эта работа будет ориентироваться на модель. Но это не наследственность, это воспроизведение унаследованных признаков. Рядовой естествоиспытатель найдёт, что обычный принцип наследственности действует и дальше. Тот же, кто вглядывается в существо человека, знает, что после смены зубов схожесть с родителями приобретает нечто качественно совершенно отличное от того,

что было до этого. До смены зубов это действительно силы наследственности. После смены зубов это силы, работающие по модели. Для строгого наблюдателя, сказать, что то, что человек несет в себе от семи до четырнадцати лет, то есть, от смены зубов до половой зрелости, унаследовано, то же самое, что сказать о ком-то, кто сидит в галерее и рисует портрет Сикстинской мадонны, что его художество, путём наследственности, приобрела свойства мадонны, висящей в галерее. А дело, ведь, доходит до того, что этому уже почти верят.

Теперь посмотрим в какого рода работе по-преимуществу участвует эфирное тело, какую оно выполняет работу; поскольку в эти годы до смены зубов астральное тело и Я-организация еще мало участвуют в этой работе. Оно строит новое физическое тело человека по модели. Почему оно это делает? Вопрос, конечно, поставлен необычно, поскольку в отношении природы нельзя спрашивать "почему?". Он и должен быть поставлен лишь риторически. Почему оно это делает? Оно это делает потому, что как и, вообще, всё человеческое существо в первые семь лет, оно еще не приспособлено получать от внешнего мира других впечатлений, нежели впечатлений совершенно особого рода. И здесь мы сталкиваемся с очень важной тайной человеческого развития, с тайной, которая отвечает на вопрос: что, собственно, воспринимает ребенок? — То, что даёт ответ на этот вопрос, отстоит от имеющих сегодня представлений очень далеко. Но вы поймете, в чем здесь дело, если я изложу это следующим образом.

Мы говорим, что между смертью и новым рождением, или зачатием, человек живет в духовном мире (табл. 3, вверху). В этом духовном мире он окружен совсем другой реальностью, чем в физическом мире. Это совсем другой мир. Он выходит из этого мира, - эту закономерность мы обозначаем белой линией, - вступает в физический мир (желтый), и там продолжает жить в полученном им физическом теле; но в этом физическом мире продолжают действовать, правда, в скрытом чувственными впечатлениями виде, те же обозначенные здесь (красным) силы. Если вы посмотрите на дерево, мои дорогие друзья, то в нем действуют те же самые духовные силы, с которыми вы имели дело в период между смертью и рождением, - только они скрыты физической материей дерева. Повсюду в физическом мире, в котором мы живем между рождением и смертью, позади физическо-чувственной реальности действуют духовные силы. Так что мы должны себе представить действие духовного мира продолженным и в том мире, который мы проживаем в период между рождением и смертью. И в первые семь лет дело обстоит так, что, в действительности, ребенок всем своим существом не может соединить себя ни с чем иным, кроме этого духовного, присутствующего во всех цветах, во всех формах, в тепле и холоде. Вступая в физический мир, ребенок воспринимает продолжение этого духовного воздействия в полной мере, а затем, вплоть до смены зубов, во все более и более слабой форме. Чувственное ощущение ребенка — на это не обращают внимание — совсем другое, нежели чувственное ощущение взрослого человека. У ребенка чувственное ощущение представляет собой нечто полностью духовное. Поэтому, если ребенок — как я это говорю в педагогике — имеет вспыльчивого отца, то он воспринимает его гневные жесты не сознанием, а воспринимает в них моральное, которое переходит в его тело. Так что в период, когда ребенок работает с силами для того, чтобы переработать данное ему физическое тело, которое стало теперь его собственным, - в этот период он, по сути, полностью ориентируется на духовные основания, работает, исходя из духовного. Но что это означает? Что происходит в действительности, когда действует духовное? Кажется, что в чувственных ощущениях действуют цвета, формы, тепло, холод, шероховатость и гладкость. Но что же действует в действительности? В действительности действует только все то, что каким-то образом связано с

природой "Я". На ребёнка влияют только скрытые духовные существа, имеющие отношение к природе Я, то есть, прежде всего, духовные существа высших по отношению к человеку иерархий, но также групповые души животных, групповые души элементарных существ. Все это реально действует на ребёнка, и из этих духовных сил, из этой величественной духовной динамики он формирует из модели свое второе тело, которое постепенно растёт, и которое в той мере, в какой осуществляется смена зубов, является как второе тело. А именно, это тело, которое человек после своего рождения впервые строит для себя как свое собственное, и которое как физическое тело построено из духовного мира.

Таким образом, во всем, что действует в ребенке в этом возрасте, во всей его неуклюжести, во всей дезориентировке его душевной деятельности, его движений, мы имеем совершенно особый вид закономерности, которая объясняется необходимостью постоянного приспособления к физическому миру, поскольку вокруг ребенка еще полусознательно, сновидчески расстилается тот мир, которому он еще принадлежит, мир духовный. Когда-нибудь, когда медицина достигнет настоящей спиритуальности, в этом согласовании физического и духовного мира в первые семь лет жизни ребенка будут видеть истинные глубокие причины детских болезней, и мы получим некоторые разъяснения относительно того, что сегодня, - если это проверить на основании медицинских трудов, - носит, собственно, лишь вербальный характер. Это только вербальные формальные объяснения, которые не могут привести ни к какой реальности.

Поэтому в эти первые семь лет у эфирного тела дел достаточно; в это время оно незаметно развивает те способности, которые обнаруживаются во втором семилетнем периоде, - самостоятельные способности эфирного тела, способности памяти, более ориентированные на интеллект. Тот, кому доступно наблюдение этих фактов, видит величайшие преобразования в душевной жизни, когда происходит переход от первого семилетнего периода ко второму. Эфирное тело разгружается от своей работы, которой оно, в полном смысле этого слова, было загружено для формирования своего второго тела. Оно разгружается; а как оно разгружается, со всей ясностью видно лишь, благодаря знанию того, что в четырнадцать лет человек новые зубы не получает, что они остаются теми же, как остаётся ещё и многое другое из физическо-материальной природы. То, что тогда остаётся, но что в продолжении первых семи лет тоже должно быть заменено, разгружает эфирное тело, становится свободным в эфирном теле. Количественно - это малость, но качественно представляет собой нечто чрезвычайно важное. Это то, что потом становится необычайно действенным в виде душевных свойств. Благодаря тому, что человек не получает третьих зубов, благодаря тому, что со многим другим эволюция обходится так же, как и с зубами, то есть, не заменяет на новое, - благодаря такой экономии, от эфирного тела кое-что остаётся. То, что здесь остаётся, — и что в первые семь лет было израсходовано на физическое развитие, — остаётся свободным от физического развития, действует чисто душевно, в соответствии со своей сущностью. Теми способностями, к которым вы как учитель апеллируете в школе, которые вы формируете, - этими способностями ребёнок осуществлял величайшие преобразования - преобразование молочных зубов в постоянные и многое другое. Посредством тех сил, которые ребенок удерживает в себе, поскольку он не должен образовывать третьих зубов, он начинает развивать душевные способности. Это происходит в глубине человеческой природы так, что в первые семь лет душевное полностью вставлено внутрь физического развития, которое мы должны рассматривать и как душевно-духовное, и как телесно-физическое. В первые семь лет жизни мы, в полном смысле этого слова, видим духовное действующим в теле человека.

Теперь, как же всё это выглядит по отношению к всеобщей мировой эволюции? Смотрите, в пределах космоса те силы, с которыми душа работает здесь в первые семь лет, - это солнечные силы. Солнце излучает не только физически-эфирные лучи, но в физически-эфирных солнечных лучах излучаются силы, идентичные тем, посредством которых наше эфирное тело в первые семь лет обновляет своё тело: здесь действует солнечное качество. Взгляните на ребенка, как он по модели работает над своим вторым телом! Это исключительно силы, поглощаемые из солнечного света. Нужно понимать, как человек вписан в космос. И когда человек, как я это представил, со сменой зубов высвобождает определенные эфирные силы, которые затем снова воздействуют на астральную организацию и Я-организацию, тогда во второй эпохе своего развития он открывается для того, для чего он был недоступен в первое семилетие - для лунных сил.

Солнечные силы — это эфирные силы в первые семь лет его жизни, лунные силы, которым он становится доступен со сменой зубов, идентичны силам его астрального тела. Так что со сменой зубов человек из солнечной сферы, — в которой он продолжает оставаться, поскольку она действует и дальше, — вступает в лунную сферу, и в промежутке между сменой зубов и половой зрелостью, он работает с лунными силами. Посредством лунных сил, он образует теперь свое второе собственное, свое третье земное тело, в котором не так много меняется, как в первую жизненную эпоху, но все-таки меняется немало. Здесь снова удерживаются силы, теперь уже астральной природы. Эти силы преобразуют душевное так, как это душевное изменяется в период половой зрелости. Они освобождаются от работы над телом, поэтому теперь, вступая в период половой зрелости, человек вступает в жизненную эпоху, где он в душевном свободно проявляет то, с чем в период между сменой зубов и половой зрелостью он ещё должен был работать в пределах своего физического тела.

Таким образом, в первую жизненную эпоху мы работаем исключительно с тем, что к нам приходит с Солнца, и если у нас ребёнок в школе между сменой зубов и половой зрелостью, то это - солнечные силы, которые освободились для душевного. Это, ведь, нечто величественное с точки зрения человеческого развития, что у ребёнка в период между сменой зубов и половой зрелостью, когда он образует свою душу, мы имеем дело исключительно с солнечными силами. Душа ребенка так родственна тому, что живет в солнечных лучах, что у кого-нибудь может взволноваться сердце при таком познании, - познании, которое действительно распространяет свет на то, что происходит между человеком и космосом.

Лунные же силы в эту вторую эпоху жизни еще обращены к телесному, еще не освободились для душевного. Они освобождаются с половой зрелостью, затем они участвуют в душевном, и перелом, который происходит в душевном с половой зрелостью, обуславливается тем, что в душевном начинают действовать лунные силы, поэтому то, что человек делает после полового созревания, представляет собой взаимодействие солнечных и лунных сил.

Таким образом, мы всматриваемся в глубины человеческого развития и отвыкаем говорить о наследственности так, как это в общих чертах делает естествознание, а, с другой стороны, мы всматриваемся в то, что живет в человеческой деятельности ребенка. В детской деятельности и детском мышлении живет Солнце. Солнце, ведь, для нас является и тем, что отражается от камня, который не имеет собственных световых сил, и который только отражает нам солнечный свет. Это признают и естествоиспытатели, но это, дорогие мои друзья, самое незначительное, самое абстрактное представление. Ребенок в период между седьмым и четырнадцатым годами также отражает нам солнечные силы. И как мы воспринимаем отраженный свет солнца от камня, так же и то, что действует во вторую эпоху жизни в

ребенка, мы можем обозначить как солнце. Солнце не только там, где оно является в сконцентрированном виде. Это физическое воззрение, что Солнце находится только *здесь* (табл. 3, слева), подобно представлению о человеке, который видит в горшке суп, в супе - плавающую посередине каплю жира, и считает, что эта капля и есть сам суп. Да, наши физические воззрения часто бывают очень детскими, и когда они открываются, каковы они есть, людям становится смешно. Можно только желать, чтобы перед лицом реальности смеялись больше. Ведь действительно то, что утверждает сегодня наука, очень смешно. Считать жировую каплю за суп, — это то же самое, что считать Солнце там вверху за жировую каплю солнечных лучей, тогда как оно, как суп, наполняет весь мир.

Тем самым открывается вид на связь, теперь уже, между лунными силами и силами воспроизведения. Поскольку силы воспроизведения также мало по малу строят теперь это второе собственное тело, которое образуется между седьмым и четырнадцатым годами жизни и заканчивает свое развитие с наступлением половой зрелости. Поэтому то, что человеческим телом усваивается в это время от сил воспроизведения, является, именно, лунным влиянием. Силы воспроизведения неразрывно связаны с лунным влиянием, являются результатом лунного влияния.

Теперь человек подходит к тому, чтобы образовать третье собственное тело — четвертое для внешнего рассмотрения — после половой зрелости до начала двадцать первого года жизни. В последующие годы временные отрезки становятся не такими строго очерченными, как периоды смены зубов и полового созревания. Все больше субстанции остается, затвердевает в человеке, образуя остаточный каркас. Постепенно этот остаточный каркас в человеке, действительно, растёт. Чем старше становится человек, тем меньше отделяется и обновляется костной материи. Также и в остальном организме определенные части нуждаются в большем времени для выделения, нежели другие, и понятно, что это действует и для зубов: останутся ли вторые зубы позднее будет зависеть от того, как долго они продержатся до полного износа, так же, как нож служит столько, насколько его хватает. Материя ножа не может обновляться. Так же не могут существенно обновляться и зубы. Конечно, всё в течении, всё обновляется, но всё это переходит-таки в стадию необновления, и наши зубы, таким образом, представляют собой то, что, в основном, осуществляет жизненный процесс медленнее, чем прочие части человека, - медленнее в смысле интенсивности, зато, наоборот, они более нежны в отношении качества износа; они повреждаются быстрее, чем остальные, постоянно обновляющиеся члены человеческой природы. Если бы зубы, однако, подлежали тем же законам, что и многие другие части человеческой природы, зубные врачи были бы нам не нужны. Но если бы все прочие части человеческой природы подлежали тем же законам, что и зубы, то в нашей современной цивилизации мы все умирали бы молодыми. И эта часть Швейцарии, о которой говорят, что у зубных врачей здесь много работы, поскольку зубы легко повреждаются, вероятно, не была бы так густо населена, поскольку тогда её считали бы местом ранней смертности. Такова связь вещей.

Итак, вы видите, что в первые семь лет жизни человек действует внутри себя силами Солнца, во вторые семь лет - силами Луны. При этом солнечные силы остаются, но к ним примешиваются лунные силы. В третьей семилетке, в период от половой зрелости до двадцати одного года, человеческим существом понимается множество тонких сил других планет солнечной системы. Здесь вступают в процесс роста другие планетные силы, и, поскольку они действуют на человека гораздо слабее, чем Солнце и Луна, то те вещи, которые человек принимает в себя, значительно меньше видны извне. Мы замечаем уже не так сильно, как в начале двадцатилетнего возраста — в то время как планетные силы где-то между 14 и 21 годом действуют еще в

человеческом теле, — эти силы начинают теперь действовать в душевно-духовном. Силы, которые начинают действовать в душевно-духовном, - это планетные силы, и тот, кто обладает достаточной проницательностью, рассматривает тогда человека так, что в этом удивительном превращении, которое тот испытывает в двадцать лет, замечает: до этого в человеческой деятельности говорили только Солнце и Луна, теперь же это солнечно-лунное действие модифицируется планетными силами. Грубая оценка человека, грубое наблюдение не видит даже смысла в том, чтобы обращать внимание на это превращение, но оно имеет место.

Теперь вы видите, что для того, кто рассматривает человека с точки зрения здоровья и болезни, знание этих вещей действительно необходимо. Поскольку, что, собственно, мы можем знать о человеке, скажем, одиннадцати или двенадцати лет, если мы не знаем, что в нем работают лунные силы?

Теперь где-то внутри, уже, вероятно, возник вопрос: как же обстоит дело дальше? Ведь, позднее, когда частей, подлежащих обновлению становится меньше, человек все же должен их обновлять. Теперь смотрите, до двадцать первого - двадцать второго годов жизни на рост человека последовательно действуют: Солнце, Луна, планетная система. Затем, вплоть до 28 лет, действуют ещё и констелляции неподвижных звёзд; что ещё менее поддаётся наблюдению. Только обладая мудростью мистерий, можно наблюдать действие всего звездного неба в человеке в промежутке между двадцатью и тридцатью годами. Затем мир становится жёстким. Он не хочет больше работать в человеке; мир становится жёстким. Об этом своеобразном отношении человека к миру на двадцать восьмом- двадцать девятом году жизни, что мир становится жёстким, современная наука уже едва ли что-нибудь знает. Аристотель ещё учил этому Александра, когда говорил: затем человек наталкивается на кристаллическое небо; оно жёстко. - Тем самым кристаллическое небо, находящееся за сферой неподвижных звезд, приобретает для человеческого взгляда свое значение, свою реальность. Тем самым приходят к пониманию того, что к своему тридцатилетию человек больше не находит в мироздании сил для своего обновления. Почему же мы тогда не умираем в двадцать восемь лет? Этот мир, который нас окружает, в сущности, с наступлением двадцати восьми лет оставляет нас умирать. И кто видит взаимосвязь человека с миром, тот справедливо обращается теперь к этому миру с сознанием: о мир, ты поддерживаешь меня, в сущности, только до конца двадцатых годов! - Но, как раз, благодаря тому, что это становится видимым, действительно начинаешь понимать сущность человека.

Ведь, что с ним происходит, когда мир, в смысле сил, образуемых себе человеком, оставляет его? Что происходит тогда? В этот своеобразный момент, с наступлением двадцать восьмого года, у человека начинает отчетливо проявляться упадок прежних сил роста. Некоторые люди с этого времени уже увядают; некоторые еще продолжают сохранять силы роста. Сам Гете, убавился в росте к моменту, когда начинал вторую часть своего "Фауста". Он тогда себя точно измерил. Но начался этот упадок ещё раньше. Видите, с того момента, когда мир нас оставляет, мы должны сами заботиться о своем обновлении, пользуясь силами, которые мы приняли в себя раньше. Правда, на это мы, как раз, способны, поскольку частей, подлежащих обновлению, становится все меньше и меньше, и нам не нужно работать в таком грандиозном масштабе, как это делает ребенок до смены зубов, создавая по модели свое первое тело. Но мы несем в себе собранными очень много сил Солнца, Луны и звезд, которые нам нужны, чтобы по истечении двадцативосьмилетнего возраста самим заботиться об обновлении своего физического материального тела. Тут, что касается форм человеческой сущности, каждый из нас становится человеком, полагающимся на Земле только на самого себя. Но при этом человек, - человек, рассчитывающий на

Земле только на самого себя, -приближаясь к этому моменту, достигает точки, - на которую я обращал Ваше внимание в отношении совсем другого аспекта ещё вчера, - к которой он всегда стремился и которую он должен перерасти (табл. 3, середина). С самого детства, когда он принимает в себя много мировых сил, он всё больше и больше стремится к этой точке, лежащей в конце двадцативосьмилетнего возраста, где мировые силы перестают заботиться о его росте. То, что он с этого момента делает дальше, он делает с помощью сил своего собственного тела. Это центральная точка, когда он прекращает перерабатывать в себе космические силы, и начинает вырабатывать силы из своего собственного тела. Только различается это в реальной жизни не так отчетливо, как в вышеприведенном схематичном описании.

В жизни, часто уже в раннем детстве, имеют место, так сказать, опережающие действия, исходящие из своего собственного тела. Мы замечаем их у ребёнка в патологических проявлениях, в хрупкости костей, и, особенно, в раннем ожирении; но за всем этим стоит это отношение. В каждый момент своей жизни человек проявляет либо стремление к этой точке, либо стремление от нее. Вы легко увидите, что это, своего рода, нулевой пункт, своего рода *hurutoschlion*, - нулевой пункт, в котором мы стоим во времени между нами и миром. Наша внутренняя динамика всегда обуславливает либо стремление к нему, либо - от него. То, что происходит с человеком, когда он устремляется к этому нулевому пункту или удаляется от него, - это, ведь, стремление к нулю или от нуля. Это нечто такое, что мы совершаем, ориентируясь на ничто. Мы стремимся к тому, в чём мир уже больше не действует, а человек еще не действует. Между обоими, - своего рода, нуль. Тут в нас имеется нечто, что ориентируется на нуль. Это делает нас свободными существами, имеющими чувство ответственности. Уже в человеческой конституции заложено то, что мы являемся ответственными свободными существами, поскольку при переходе от мира к себе мы проходим через нулевую точку, как плечи коромысла весов проходят через эту нулевую точку, которая не следует законам, которым подчиняются прочие части весов. Имея перед собой весы (табл. 3, справа), вы можете себе представить, что здесь действуют механические законы, которые вы изучаете, и здесь действуют механические законы, придавая весам определенную конфигурацию: или такую, что одна сторона вверху, а другая внизу, или наоборот. Это законы весов, рычага. Но, если вы возьмете эту точку — весы вы можете перемещать, в остальном же их конфигурация, определяемая механическими силами, повсюду одна и та же, — то эта точка свободна; вы можете передвигать ее, словно она не связана с весами, весы от нее никак не зависят. Так, если душевные переживания человека связываются с точкой, к которой он стремился раньше, а потом - больше от неё, то это означает, что раньше действовал мир, а потом - он сам, человек. В этой же точке не действует ничего. Но в тенденции стремления к ней, или от неё в человеке может изживаться то, что не определено природой и что не определено миром; здесь, где находится *hurutoschlion*, - исходная точка его свободы.

Таким образом, если хотят установить степень ответственности, например, тридцатипятилетнего человека, не просто по-дилетантски, а по существу, следует себя спросить: действует ли чрезмерно в настоящее время нечто из того, что было ненормально сформировано до пункта конца второго возрастного десятилетия, и ориентирован ли этот пункт более или менее на юность или на старость? — Человек несет полную ответственность, если эта точка расположена во времени нормально, если по всем внешним проявлениям жизни человека можно сказать, что эта точка нормальна. Если эта точка слишком сильно сдвинута назад, в сторону юности, это означает, что мир слишком рано перестал действовать на человека, тогда этого человека нужно проверить в отношении того, не слишком ли он легко, пусть даже в малой степени,

попадает под власть навязчивых идей, не может ли он быть легко детерминирован душевно, так что ему нельзя приписать полную ответственность за свои деяния.

Если эта точка сдвинута на более поздний момент, то нужно себя спросить, не препятствует ли развитию полной душевной свободы собственная внутренняя природа человека, не слишком ли сильно этот человек детерминирован физически, и потому ему опять-таки нельзя приписать полной ответственности за свои поступки.

Но реально выносить суждение в тонком смысле призваны врач и священник, которые должны знать, что выносить суждение о человеке можно так, что приблизительно, — мы еще будем говорить об этом, поскольку к пастырской медицине принадлежит и глубинная физиогномика,— по его внешнему облику можно сказать, находится ли его пункт в равновесии, лежит ли его жизненный *hurmochlion* в правильном месте, то есть, в правильной временной точке, или сдвинута вперед или назад.

Всё это вещи, которые при суждении о жизни рассматривались в древней мистериальной мудрости как очень важные, эти вещи теперь забыты, но они должны снова занять подобающее место в учении о человеке, если это учение о человеке хочет оказывать всеохватывающее влияние и правильно действовать медицински и пастырски.

Завтра об этом дальше.

Пятый доклад Дорнах, 12 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Речь теперь идет о познании, которое мы получили, рассматривая людей, которые воспринимают духовный мир без непосредственного обладания интуицией и, благодаря этому, в своей внешности и поведении выказывают состояния, которые врачу легко могут напомнить патологическое, но которые, по сути, являются всё же чем-то совершенно иным, нежели просто патологические состояния. Хотя бы по той причине, что патологическое, как мы вчера видели, остаётся в *status nascendi*, и потому постоянно существует возможность исцеления, исходящая из сферы духа, как это имело место у Святой Терезы, Мехтхильд из Магдебурга, или также у многих провидцев мужского пола.

Наблюдая такие состояния, мы видим выпадение Я-организации из общей человеческой организации в первой стадии. В этом случае Я-организация сильно притягивает к себе астральную организацию и, в известном смысле, отделяет ее в бодрственном состоянии от физического и эфирного тел. Что происходит вследствие этого? Легко понять, что вследствие этого человек впадает в своего рода состояние сновидения. Духовно-научное рассмотрение конституции человека, возникающей благодаря тому, что Я притягивает к себе астральное тело, не позволяя ему полностью войти в физическое и эфирное тела, указывает на возникновение состояния, подобного состоянию сновидения. Но, благодаря тому, что из-за особой кармической плотности, как я говорил, "Я" и астральное тело оказываются сильными, в эти сновидения вносится предрасположенность к восприятию духовного мира. Сновидение преобразуется в состояние, действительно позволяющее взглянуть в духовный мир. Это то состояние, когда человек ощущает присутствие существ духовного мира.

Теперь мы должны рассмотреть противоположное, полярно противоположное состояние. Это полярно противоположное состояние наступает тогда, когда астральное тело слишком сильно притягивает, как раз, слабую, Я-организацию. Тогда в бодрственном состоянии происходит не просветление, как у провидцев вроде Святой Терезы, а помрачение, замутнение сознания. Замутнение вплоть до наступления сновидческого состояния.

Людей, которые находятся в таком состоянии, мы не можем изучать так же, как это описано мной по отношению к другим. Людей, которые доходят до такого кульминационного состояния, как Святая Тереза или Мехтхильд из Магдебурга, а также многих других, обладающих чувством присутствия духовного, и количество которых значительно больше, чем обыкновенно думают, - таких людей познают, имея к тому предрасположенность или, выработав соответствующую способность, лучше всего, когда они рассказывают о своих состояниях. Они, ведь, говорят, — простите, что я так выражаюсь, — интереснее, чем обычные филистеры. Их рассказы гораздо интереснее, и, прежде всего, они рассказывают такое, что нам не встречается в обыкновенной жизни. Таким образом, эти люди интересны уже на первой стадии. С ними знакомятся, слушая то, о чем они рассказывают.

Других, чьё астральное тело притягивает “Я”, также интересно слушать, но для понимания первых требуется настоящее душевное углубление, причём больше священника. Понимание вторых, которые часто оказываются не менее интересны, часто даже интереснее, чем обычные провидцы, не заходящие так далеко, понимание вторых принадлежит внутренне-чувственной сфере разумно и со сносно развитой интуицией воспринимающего мир врача. Поскольку здесь речь идет о понимании того, о чем они *не* рассказывают, ибо то, о чем они рассказывают, не имеет особой ценности. Дело здесь в том, чтобы то, что они говорят и делают, постигать так, чтобы из этого можно было получать правильную перспективу относительно человеческого организма. Эти люди, когда их о чем-то спрашивают, часто обнаруживают своего рода тупость, а также нежелание отвечать. Они начинают тогда говорить о чем-то другом, - не о том, о чем их спрашивали. Но, если улавливать то, что они говорят сами - среди них есть такие, которые могут болтать без остановки, - то возникает чувство, что их речь поддерживается каким-то внутренним источником, дающим им также особый вид ассоциаций идей, которого у обычных людей не бывает. Такие люди рассказывают, - и их не следует спрашивать, нужно только схватывать то, что они говорят как бы случайно, - они рассказывают, например: Ну, десять лет назад я был у одного крестьянина. Его жена подала мне кофе. Его жена подала мне кофе в чашке, на которой были нарисованы красивые розы. Его жена не сразу подала мне кофе, потому что она забыла на кухне сахар, и ей пришлось сходить за ним. Потом она забыла молоко. Она должна была вначале принести его из погреба, затем она налила где-то одну восьмую литра молока в кофе и сказала: мой кофе очень хороший; и тогда я сказал: да, я в этом уже убеждён. — И далее он продолжает в том же роде; он рассказывает все подробности, относящиеся к давно прошедшему, вдаваясь в невероятнейшие детали. И у нас возникает мысль: ах, если бы у меня была такая же хорошая память, как у него. - При этом совершенно забывают, что если бы мы имели такую же память, как у него, мы и были бы такими же, как он. Я описываю сейчас вещи вобщем. В дальнейшем Вы должны ориентироваться на более лёгкие варианты, встречающиеся кому-либо в жизни, и особенно встречающиеся врачу. Я нарочно представляю это в экстремальном варианте, чтобы вы видели, в чем здесь дело.

Итак, когда астральное тело притягивает таким образом Я-организацию, в действие вступает определенного рода сила, которая как бы автоматически воспроизводит собранные в памяти детали, всегда готова их воспроизвести, но

без попытки найти какую-нибудь логическую связь между ними, а просто перечисляя вещи так, что не понятно, почему говорящему в один момент приходит на ум одно, а в другой момент – другое. Может оказаться, что рассказ будет выглядеть так: хозяйка вышла и принесла молока; когда она выходила, я взглянул в угол комнаты, там было изображение Мадонны, такое же, что я видел тридцать лет тому назад в одном месте, правда, там мне подавали не кофе, а очень вкусный суп. - Может быть, он перейдет к совсем другому рассказу, а может быть вернется к первому. То есть, видно, что здесь с необычайно последовательной и автоматизированной волей к собственному проявлению действует не логическая, а пространственно-временная память. Такой памятью он и обладает, - памятью, в которой, если внимательно присмотреться, можно заметить нечто замечательное: а именно, можно увидеть то, что является основой происходящего в более глубоком смысле. Можно заметить, что он получает удовольствие от звучания определённых слов, которые он освоил, переживая эти вещи. И теперь видно, что ему доставляет удовольствие воспроизводить эти созвучия снова. Короче говоря, можно заметить, что при этом речь идёт о возвращении к языку, который фиксируется памятью при отключении мышления, - не полном отключении, но всё же отключении.

С другой стороны, замечается изменение в волевой сфере. На это тоже следует обратить внимание, поскольку это изменение постепенно приводит к действительно патологическому состоянию, которое тогда тоже может выступить и о котором мы тогда тоже должны говорить. Замечается следующее. Тут также надо быть очень осторожным; поскольку какая-либо попытка обратиться к таким людям с просьбой выполнить то или иное, чтобы что-то узнать о них, поможет немного, потому что они тогда начинают проявлять сильное упрямство, не желают отвечать на вопросы и вообще что-либо исполнять. Но если приступать к делу с помощью какого-либо извне привлечённого анамнеза, собрав вещи, которые можно узнать из окружения или ещё откуда-нибудь, то можно заметить, например, как такие люди в определенное время года ощущают в себе волевое возбуждение, побуждающее их странствовать, бродить где-то. В определённое время года часто это одна и та же местность, где они хотят побродить, при этом волевой внутренний импульс действует так сильно, что если для выяснения того, что с ними происходит, применить негативные инстанции, можно, например, заметить следующее. Возьмем какого-нибудь гурмана; есть среди людей и такие, которые любят хорошо поесть. Отвлеките его от своей прогулки и предложите ему необычайно вкусные завтраки, обеды и ужины, которым он очень обрадуется. Однако самое большее, что можно этим достигнуть, это то, что он задержится на один-два дня, если это не совпадает с тем, что он хотел достичь своей прогулкой. Затем он почувствует беспокойство. Можно видеть, что он хотел бы сохранить это хорошее питание, так как знает, что когда он в продолжение своего похода остановится у следующего, тот предложит ему что-нибудь отвратительное, это он знает очень хорошо. Его способность воспоминания развиты необычайно. Он становится беспокойным, он захочет уйти, поскольку со своими волевыми решениями он не приспособлен к внешним условиям. Как, с одной стороны, он не приспособлен к непосредственным чувственным впечатлениям, все возможное воспроизводя из языковых запасов, так же, с другой стороны, его волевая система, система конечностей, не приспособлена к внешним условиям жизни. Он хочет следовать только своим собственным волевым импульсам, которые направляют его совершенно определенным образом изнутри. Видно, что у него потеряно, - присутствуя лишь в ничтожной степени, - все то, чем обладает Я-организации для того, чтобы связывать человека с внешним миром. Его чувства тупы, его волевые

импульсы не позволяют ему верно вписаться в этот мир. Но он хочет им следовать, поскольку Я втянуто астральным телом.

Теперь, смотрите, если бы наше медицинское понимание и полная отдачи любовь теологов действовали совместно, таким людям можно было бы во многом помочь, только не посредством немедленной терапии, а следующим образом. Такие люди обладают одной вполне определённой особенностью. Чтобы подойти к рассмотрению этой особенности, рассмотрим жизнь такого человека между сменой зубов и половой зрелостью. Тут, как правило, если рассматривать такого человека поверхностно, нам не удастся обнаружить абсолютно ничего ненормального. Мы будем даже радоваться тому, как не по годам умён такой человек, какой он рассудительный, ужасно рассудительный, какие умные ответы он даёт. Но, как раз, на эти умные ответы в период между семью и четырнадцатью годами и нужно обратить внимание. Поскольку такие не по годам умные люди вносят в этот второй период жизни между сменой зубов и половой зрелостью нечто из того, что они должны проделать только после половой зрелости. Именно поэтому происходит то, что я сейчас описал. Астральное тело, которое должно втянуть "Я" только после половой зрелости, чтобы после двадцатилетнего возраста оно могло полностью развернуться, - оно втягивает Я-организацию уже после смены зубов, начиная с девяти-, десяти-, одиннадцатилетнего возраста, и тогда мы замечаем эту необычную разумность и поначалу радуемся ей. Но потом, в последующие годы, в возрасте восемнадцати, девятнадцати, двадцати лет, Я-организация оказывается слишком глубоко внутри астрального тела. Тогда наблюдается то состояние, которое я описал, и тогда происходят явления, которые я привел выше. Таким образом, речь идёт о том, чтобы такого человека, вызывающего у нас в охарактеризованном возрасте беспокойство из-за своей заумности, нужно определённым образом лечить. Прежде всего, возникают те ситуации, - а после этой общей характеристики ещё будут даны некоторые пояснения относительно того, что можно предпринять в конкретных случаях, - при которых врач и священник должны проконсультировать педагога, чтобы тот, в свою очередь, понимал, что ему надо делать с указанным возрастом. Но вначале я хотел бы продолжить общую характеристику. Теперь речь пойдёт о том, чтобы связать друг с другом рассмотрение последних дней.

Ведь может случиться и так, что, на этот раз, эфирное тело будет слишком сильно притягивать к себе соединение астрального тела и «Я», - тогда в состоянии бодрствования астральное тело и «Я» ужасно сильно западут в физическое и эфирное тела. Тогда наступает состояние, которое внутреннему рассмотрению представляется так, что астральное находится в органах слишком глубоко, что оно не может соединиться с органами правильным образом. Это состояние также является патологическим отражением провидческого состояния, подобного состоянию Святой Терезы, так же, как первое описанное мною состояние является патологическим отражением того состояния, когда приходит ощущение присутствия духовных существ. С одной стороны, мы наблюдаем внесение в ясное сознание бодрствующего сна. У тех же личностей, которых я описал, мы имеем противоположное: перенесение жизни сновидений в бодрствующую жизнь, сопровождаемое теми явлениями, о которых я говорил. Поскольку это, собственно, состояние бодрствования, то проявляется не сновидения, а активная жизнь в сновидениях, которая выражается в способе разговора, который мы рассматривали, и в том интимном, слишком обращенном вовнутрь волевым импульсе. Это патологическое отражение сновидения; активность - внутри, вместо живущей в сновидении пассивности.

Теперь мы имеем второе. Мы имеем притяжение астральной организации и "Я" эфирным телом. Человек слишком сильно внедряется своим астральным телом и "Я" в эфирное тело и физическую организацию, но эта физическая

организация своими отдельными органами их принять не может. Во всех органах остаётся свободная астральность, неправильно связанная с органами. Выступает патологическое отражение того, что мы называли второй стадией у других, - той второй стадии, где чувственные ощущения некоторым образом возбуждаются изнутри, возбуждение идёт к чувствам изнутри. Здесь же оно идет внутрь, к органам, здесь оно охватывает организацию, и наступают те состояния, которые наступают всегда, когда какой-нибудь физический или эфирный орган пронизывается астральным телом и Я-организацией, и последние не в состоянии присоединиться так, чтобы можно было говорить о достаточном соединении физического тела с эфирным и астральным телом. Нечто от высших членов остается в органах. То, что иначе вливается в чувственно подобное, в окрашенное чувственным видение, которое может быть откровением духовного мира, здесь изливается внутрь, хочет захватить орган. Вместо того, чтобы охватывать духовное более внешне, по сравнению с чувственным, оно изливается внутрь, захватывает орган, выражается в спазматических состояниях, во всех формах, выступающих при явных или скрытых эпилепсиях, выражается, как раз, в том, что Я-организация и астральная организация слишком сильно погружаются в физическую организацию, которая тогда стремится связать с собой эфирное тело. Теперь мы ясно видим возможность того, что первое описанное мною состояние, разовьётся в это второе, что в жизни часто и происходит, и чему должно воспрепятствовать распространение настоящей пастырской медицины. Первого состояния не замечают, находят его интересным. Замечают только второе состояние, когда проявляются судороги и эпилептические припадки, когда происходит уже не гипертрофия памяти на детали, и не гипертрофия волевых внутренних импульсов, но, из-за того, что астральная организация и Я-организация запиханы внутрь, вследствие рассогласования астральной организации с определенными формами органов, теперь наступает стирание воспоминаний. Вместо того, чтобы, как в предыдущем состоянии, воспоминание фиксировалось на подробностях, - эти подробности были просто неподвластны логике, - и имел место непрерывный, развёртывающийся в самопроизвольных ассоциациях поток воспоминаний, лишённый логики поток воспоминаний, теперь мы видим прерванное воспоминание; отдельные фрагменты выпадают. Это может зайти так далеко, что такой пациент может являть нам как бы два вида сознания. Например, воспоминание устремляется к верхним органам, - а ведь в воспоминании, в деятельности памяти, участвует весь человек, - итак, оно устремляется к верхним органам, отсутствуя в нижних органах, и наоборот. В другой части ритмической последовательности, — ибо такие вещи могут следовать ритмически, - происходит обратное, верхние органы в процессе воспоминания остаются бездеятельными, а нижние органы - деятельными, и так у подобного человека параллельно текут два потока сознания. В одном состоянии сознания он вспоминает обо всем том, что происходило в этом состоянии сознания, в другом - он вспоминает другое; но в одном состоянии сознания ему ничего не известно из того, что относится к содержанию другого потока сознания. Он должен тогда спуститься в этот регион.

Видите, здесь мы получаем отражение, патологическое отражение того, что — тут, поскольку современная медицина не имеет термина для обозначения этого состояния, нам придётся использовать выражение «у святых», — так вот, того, что у святых наступает во втором состоянии. Такой святой обнаруживает вокруг себя мир видений, имеющий, однако, духовное содержание, его жизнь протекает в духовном мире, он получает внутренние впечатления духовного мира. С другим, имеющим патологию, поскольку его карма обуславливает слабую индивидуальность, дело обстоит так, что он втягивается в телесное, вместо духовных видений получает спазматические

состояния, отрывочные представления сознания, несвязанность фрагментов жизни и прочее.

Но теперь может наступить еще третье состояние. Это то состояние, когда в результате кармических отношений слабым становится также физическое тело, как становится слабым и весь остальной организм, так что прежние кармические силы воздействуют на физическое тело недостаточно. У такого человека теперь не Я-организация, астральная организация и эфирное тело притягиваются физическим телом, а происходит нечто совершенно другое. У такого человека имеет место то, что я должен описать следующим образом.

Представим себе человека, который стал чрезмерно сенситивен с другой стороны, со стороны чувств, то есть со стороны Я-организации; он ужасно восприимчив ко всему тому, что притекает к нему через чувства, к живым краскам, к живым тонам. Но с людьми, физическое тело которых вследствие кармических отношений слабо, происходит, как раз, противоположное. Они не становятся сверхвосприимчивы изнутри, они становятся нечувствительны к своему физическому телу, но зато, с другой стороны, со стороны воли, они с удивительной силой воспринимают все, что есть вовне в физическом мире. Они отдаются действию тяжести, теплоты и холода. Все это действует на них не как на органическое, но как на неорганическое существо, подавляя затем проявления астрального тела и Я-организации. Они захвачены миром, вследствие слабости физического тела, они не могут с необходимой интенсивностью противопоставить себя внешнему миру, они - как бы члены внешнего мира, но в пределах физического. Это точная противоположность того, что у святых мы описывали как третью стадию. Святой идет через боль, которая в нем преобразуется в удовольствие, помимо того, что он переживает духовный мир в его чистой духовности. Он называет это состояние "покоиться в Боге" или "покоиться в духе". Тот же, кто развивается так, как я описал, покоится в скрытых оккультных силах физического мира, которые, однако, не доходят до его сознания, такой человек не приходит к "покою в Боге" и "покою в духе", он приходит к покою в оккультных силах мира, которым он, как самостоятельный человек, должен, как раз, противостоять. Он развивает отражение третьего состояния святого, патологическое отражение, и это состояние идиотизма, в котором всё человеческое стёрто, в котором человек покоится во внешней природе, то есть, в её скрытых силах, и не в состоянии проявить себя как человек, проявляясь лишь в том, что осуществляется в человеке естественным образом, что представляет в человеке продолжение внешних природных процессов, растительных процессов: это питание, переработка пищи, и перемещение в направлении, которое обуславливают импульсы, исходящие от пищи в её внутренней переработке, полностью бодрственный сон, отдача телесным функциям, которые, однако, не преодолеваются слабым физическим телом, а остаются подобными процессам внешнего мира, которые, благодаря тому, что действуют в человеке, дают человеку, обособленному от мира (так как он слишком сильно впрессован в физический мир), человекоподобные импульсы.

Здесь мы имеем дело со всем тем, что является патологическим отражением состояния "покоя в Боге". Здесь мы имеем дело с «покоем в природе». Мы имеем дело с различными параноидными состояниями, с тем, что в обычной жизни называют состояниями идиотизма, тогда как предшествующие состояния относятся больше к слабоумию.

Так, у святых мы наблюдаем ряд ступеней, начиная от чувства присутствия существ духовного мира, и, кончая состоянием, когда они на третьей стадии сами оказываются в духовном мире. И мы наблюдаем патологический противоположный психопатологической неполноценности, который мы можем проследить на первой стадии. Особо мы можем затем обратить внимание на эту психопатологическую неполноценность в том случае, когда она

проявляется так, как я это описал: в ненормальном стремлении к странствиям, в соединении с лишенной логики памятью. Затем мы видим переход к состояниям помешательства, которые, однако, на начальной стадии вполне могут позволить человеку быть годным для исполнения определённой деятельности во внешней жизни. Мы видим, что часто это переходит в третье состояние, которое, однако, может иметь место и с самого начала.

Мы видим, что второе состояние может в существенном основываться на том, что мы совершенно не в состоянии бороться с определенными состояниями ребёнка в возрасте между рождением и сменой зубов. Если ребенок в эту первую эпоху жизни проявляет не то чтобы чрезмерные умственные способности, но сильную тягу к обучению, которая должна проявиться только после смены зубов, короче, если свойства, проявляющиеся, как я это описал в педагогических докладах, в нормальной жизни между сменой зубов и половым созреванием, уже отчётливо появляются в первой эпохе, то мы должны позаботиться о средстве, психическом, спиритуальном или физическом, которое смогло бы устранить то, что выступает тогда как патологичное. Об этом мы еще будем говорить. Но это то, что мы в связи с этими проявлениями должны изучать, а именно, что в первую жизненную эпоху, между рождением и сменой зубов, не должно проявляться то, что свойственно второй эпохе, как я это описывал вчера.

Третья стадия, правда, может наступить двойственным образом. Как вы уже могли понять из моих описаний, в большинстве случаев человек приносит ее с собой как карму. Он ввергается в ненормальное состояние уже в процессе составления своего эфирного тела, до вступления в физическое тело. Он формирует себе эфирное тело, которое не желает вообще никуда внедряться, которое не желает правильным образом ведряться ни в сердце, ни в желудок, желая их затопить, которое слишком сильно втягивает в органы астральное тело и Я-организацию, и уже при рождении или, по крайней мере, сразу же после него, мы наблюдаем образование физиогномических деформаций, которые могут вызвать у нас беспокойство. Это называется врожденной идиотией. Но таковой не бывает. Бывает только кармическая идиотия, связанная со всей судьбой человека. И это также мы будем обсуждать более подробно, чтобы всё же стало видно, что инкарнация, способная привести к подобному духовному помрачению, при определённых обстоятельствах может явиться даже благоприятной для кармы человека, даже если она и представляется пока как бедствие. Здесь появляется необходимость рассматривать вещи не просто с точки зрения конечной жизни, но *sub specie aeterni*, или с точки зрения бесконечной жизни человека. Тут выступает то, что должно быть пронизано полным душевности и, в то же время, ставшим мудрым Каритасом («любовью к ближнему»).

С другой стороны, вторая стадия, которую я вам описал, вполне может перейти в третью, и это проявляется тогда, когда уже в первой эпохе жизни, между рождением и сменой зубов, просвечивает даже не вторая эпоха, а третья, та, в которой человек должен включить свою Я-организацию. Когда нам встречается ребенок четырех-пяти лет, проявляющий свойства, вызывающие восхищение окружающих, которые говорят, что он говорит или делает что-то как двадцатилетний, - то это очень плохо, что он такой. Поскольку потом происходит, как раз, то, что Я-организация развивается слишком рано, овладевает физическим телом и делает его слабым. Тогда появляется не кармически обусловленная, но приобретенная в ходе жизни идиотия, которая кармически может выровняться лишь позднее; сама же идиотия появляется в позднейшей жизни. Если мы взглянем на жизнь с разумным пониманием, с помощью настоящей пастырской медицины, мы можем научиться владеть ею, просто правильным образом воспитывая ребёнка на ранней стадии.

Но тот, кто в силу своей внутренней профессии призван наблюдать такие вещи, должен наблюдать их не только как отдельные индивидуальные проявления, – к ним он, естественно, должен быть способен подходить с особой любовью, – он должен развить для них понимание и тогда, когда они становятся общими явлениями. Он должен развить понимание того, как эти вещи могут возникать.

Мы видели, мои дорогие друзья, что в педагогику прошлых десятилетий входило многое из того, с чем мы, с точки зрения здоровой педагогики, каковой она и стремится быть в Вальдорфских школах, как раз, ведём борьбу, – вещи, которые необычайно понравились людям. На них в нашей вальдорфской педагогике, приходится иногда указывать с жестокой твердостью, а именно, например, на такие, заимствованные не из жизни, а исходящие от интеллекта, как в работах Фрёбеля, которые практикуются в детских садах еще до смены зубов, представляющие собой не подражание жизни, а выдумку. Тогда в детский возраст между рождением и сменой зубов вносится то, что должно быть внесено только во втором периоде, между сменой зубов и половой зрелостью. И вносится, как раз, то, что было мной сегодня представлено на начальных стадиях патологического. То есть, вносится слабая форма болезненного состояния, которая часто ещё не определяется как патологическая, и которую лучше не определять как патологическую, чтобы не считать патологическим все, но которая как культурное явление должна быть изучена и понята. Это явление нужно не просто критиковать, но, чтобы правильно вести себя по отношению к нему, его нужно понять.

Что оно означает? Оно означает неправильное воспитание в первые годы жизни ребенка. Вторая стадия жизни вторгается в первую; она поддерживает все то, что способствует возникновению автоматической речи и изнутри, без учёта окружающего мира, возбуждаемой воли. Представьте себе, что имеется нечто от того, что я представлял для первой патологической стадии, некий порыв, вызванный тем, что воспитание, осуществляемое в том направлении, которое я описал, было неверным. Что тогда появится? – Постоянная тяга к странствиям, которую необязательно обозначать как патологическую, но которая представляет собой некую склонность, несущую определённую характеристику, а именно, стремление в определённом возрасте следовать только себе, не считаясь с миром: прочь из мира, в поход, мания туризма! Это уже связано с тенденциями нашего времени, которые, если позволительно так выразиться, рождаются из патологического воспитания, или, по крайней мере, из воспитания, склонного к патологии. Это вы теперь и наблюдаете. Проследите за многими из представителей молодёжи, – я не хочу критиковать, поскольку эти вещи вполне правомерны, они присутствуют, поскольку они связаны с тем, что пришло с Кали-Югой, потому что есть определенное сродство между такого рода легко патологическим и тем, что производится Кали-Югой. Эти вещи взаимно связаны, но рассматривать их нужно в этих двух аспектах. Если вы их рассмотрите, вы легко заметите черты того, что я описал. В мании к странствиям это выражается явно, но в крайней стадии. Прислушайтесь к разговорам таких людей, можно прийти в отчаяние от того, как мало они доступны для того, что им говорят, и как они до бесконечности повторяют детали, которые они обозначают как «переживание», они постоянно возвращаются к одному и тому же. Поймите меня правильно, я не хочу ни в малейшей степени представить это как нечто, заслуживающее осуждения в филистерском смысле, я только хочу указать на то, как эти вещи можно верно распознать, если иметь в виду связь, которую я вам описал в эти дни, состоящую в том, что всегда имеется ступень, ведущая в духовную жизнь и полярный ей противоположный, ведущий в собственное тело. Следующая ступень в духовный мир – у святых; следующая ступень в тело, вплоть до судорог и эпилепсии – у тех, кто доходит до патологии, и так далее. Таково это родство.

И если вы поразмыслите над тем, что уже во внешнем электричестве и во внешнем магнетизме один полюс находится в постоянной зависимости от другого, вы поймёте и то неустойчивое состояние, которое может установиться между тем и другим в жизни, но которое непозволительно просто грубо лапать, как это часто происходит сегодня на основе материалистического мировоззрения, а необходимо прикоснуться к нему тонко, поскольку здесь тоже имеются полярные противоположности, и притяжение полюсов, - тогда можно увидеть, с чем мы имеем дело в одном случае, а с чем - в другом. Только так можно научиться понимать человеческое существо. Продолжение этого - завтра.

Шестой доклад Дорнах, 13 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Мы рассмотрели человека в существенном, прояснив, правда, при этом другое, поскольку в своём развитии в продолжении земной жизни он отклоняется от того, что можно назвать нормальным, либо в сторону патологического, либо в ту сторону, которая ставит его в определенные отношения к реальному духовному миру.

Сегодня мы попытаемся выйти за пределы отдельной человеческой жизни, за пределы жизни человека, в том смысле, в каком она представляет отдельную земную жизнь, чтобы вначале на более или менее наглядном примере увидеть, как также и к таким состояниям, которые, я бы сказал, стоят в полярной противоположности между достижением духовного мира и нисхождением в телесное, в природное, - как к таким процессам относится то, что проходит через повторяющиеся земные жизни. Ибо дело обстоит так: ведь, врач, если он хочет следовать своему призванию, не должен ограничиваться только внешним, рассудочным рассмотрением, а должен всем своим сердцем, всем своим человеческим существом вживаться в духовный мир, рассматривать мир со стороны духовного. Но поскольку человеческое существо действительно простирается через последовательность земных жизней, и причины, созданные в одной жизни, духовным образом переходят в другую земную жизнь, становятся в человеке действенными, то карма должна оставаться для нас не пустой фразой, а нам надо также постепенно выяснить, как к карме должна относиться наша целебная деятельность. Поэтому, прежде всего, мы должны рассмотреть ее действие в отношении патологического и в отношении видения.

Священник, если он хочет правильным образом рассматривать жизненные явления и заботиться о вверенных ему душах, если он хочет быть истинным пастырем, должен также вглядываться в духовное значение того, с чем какой-нибудь человек сталкивается в физической земной жизни. Только тогда он сможет правильным образом, с точки зрения духовного, помогать людям, живущими на Земле.

И здесь нам тотчас бросается в глаза то, дорогие мои друзья, на что сегодня, с рассудочной, просветительной точки зрения, можно было бы взглянуть, пожалуй, с некоторым пренебрежением, но если мы будем так поступать, то наши потомки, в ходе последующих столетий, отплатят нам той же монетой. Ибо они будут обходиться с нами точно так же, как сегодня, так называемый, научно образованный человек обходится со своими предками. Вы сейчас поймете, что я имею в виду.

В ходе человеческого развития в отношении воззрения на болезни произошел полный переворот, и, как раз, в конце XIX и начале XX веков этот

переворот мог кому-то броситься в глаза особенно. Если мы переместимся в развитии человечества на пару тысяч лет назад, во времена Ветхого Завета, то там мы повсюду обнаружим убеждение: болезнь происходит от греха, в последней инстанции духовная причина болезни коренится в грехе. Это воспринималось очень серьезно. Если наступает физическое заболевание, то причина его должна лежать в каком-либо духовном заблуждении или проступке. И такое воззрение шло дальше. Оно доходило до того, что говорили: тут, в человеке, у которого появление болезни вызвано наличием духовного заблуждения или каким-нибудь проступком, содержится что-то духовно элементарное, что ему совсем не принадлежит, он чем-то одержим. - В прежние времена всякая болезнь, как следствие какого-нибудь духовного заблуждения или проступка, означала одержимость духовным, и в соответствии с этим организовывалась терапия. Она заключалась в поиске средства для изгнания чуждой элементарной духовности, проникшей в человека, благодаря его духовному заблуждению. Радикальным в этом воззрении было воззрение, что невозможно понять болезнь, не зная ее причины.

Теперь возьмите то, что из этого с абсолютной последовательностью развилось в более или менее последнее время, до того, как таким ужасным образом, дилетански, вмешался психоанализ, аналитическая психология, которая провозгласила прямо противоположное господствующему тогда воззрению: причиной всякого греха является заболевание. - В этом были убеждены; когда где-нибудь появлялся преступник, грешник, - при этом понятие греха трактовалось довольно внешним образом, согласно государственному кодексу, - думали только о том, чтобы после смерти последнего каким-нибудь образом заполучить его мозг, его череп, исследовать его физическую организацию. Дефекты и признаки уже нашлись бы. Причём, их действительно во многих отношениях находили, и в этом смысле, как раз, наука немало продвинулась вперёд. Усердные, обученные естествознанию люди приходили к воззрению, что если человек не имеет органических изъянов, он не грешит. Грешит же он оттого, что в нем имеется какой-нибудь телесный дефект: грех появляется от болезни. Вот так идет развитие. Оно не идет по прямой линии, оно идёт через противоположности; и, как раз, люди, пришедшие теперь к последнему воззрению, - его придерживается не каждый, но оно лежит в основе воззрения даже тех, кто внешне с ним не вполне согласен, - эти люди с полным пренебрежением оглядываются на те времена, когда говорили, что причиной болезни является грех. - Потому что они знают, что по их мнению это верно: грех идёт от болезни. Точно так же они знают, что в больном имеет место определённый вещественный процесс, который необходимо побороть, устранить, изгнать, как раньше хотели изгнать духовный элементарный мир. Для того, кто рассматривает предмет в целом, по сути разница невелика, как, наконец, рассматривая внутренне, между многими лечебными источниками, которые признаются за таковые материалистической медициной, и Лурдом (город во Франции, место паломничества католиков; в одном из гротов, неподалёку от города, многократно наблюдалось явление Св. Марии, родник в этом гроте считается целебным. Прим. пер.) также разница небольшая. Один источник лечит, благодаря церковной, другой, - благодаря материалистической вере. Эти вещи нужно просто непредвзято рассматривать.

Но, если двигаться в пределах таких, я бы сказал, ограниченных представлений, нельзя прийти к пониманию реальных взаимосвязей. Поэтому сегодня я хочу рассказать вам конкретный случай, - когда говоришь о таких вещах, надо всегда говорить конкретно, - случай, который поможет вам ясно представить те высшие отношения, которые касаются здоровья человека. В XIX веке жил один человек. Но о том, кем он был в XIX веке, мы поговорим позже. А пока я хотел бы познакомить вас с его более ранней инкарнацией, - я не хочу

сказать непосредственно предшествующей, - которая для этой инкарнации в XIX веке являлась определяющей, имеющей важные последствия. Тогда этот человек был инкарнирован на юге Ближнего и Среднего Востока, в Азии, где он жил в окружении людей, которые с необычайной любовью относились к животным. Вы знаете, что в восточных учениях любви к животным уделено очень много внимания, в них любовь к человеку и вещам находит своё продолжение, в частности, и в любви к животным. Поэтому в те времена для определённых людей, живущих в таких местах, было абсолютно естественно проявлять необычайную любовь к животным и хорошо с ними обходиться. Человек же, которого я имею в виду, и который в одной из своих прошлых инкарнаций жил в местности, где таким образом относились к животному миру, не был другом животных. Вероятно, благодаря своим прошлым инкарнациям, которые мы сейчас исследовать не будем, он был человеком, обращающимся с животными чрезвычайно плохо. Он мучил их, еще будучи ребенком, плохо с ними обращался, и продолжал мучить позже, став взрослым, а именно, он подвергал всяческим мучениям своих домашних животных, словом, был в широком смысле мучителем животных. Это вызывало сильнейшее негодование окружающих его людей. И ему, собственно, пришлось немало пережить из-за конфликта между его страстью мучить животных, от которой он не мог избавиться, которая жила в нём как некое внутреннее давление, - сегодня, с материалистической окраской сказали бы: извращённость воли, - и необычайно тонким восприятием тех спиритуальных учений, которых придерживались люди его окружения, имел тонкое понимание всего, чему учила местная религия. Но именно с религиозными людьми того времени он и вступал в жестокий конфликт, а именно, поскольку мучил животных. Особенно он мучил тех животных, которые находились в его доме, и принадлежали вначале его родственникам, а затем, когда он стал сам обрабатывать поля, ему самому. Этих-то животных, которые на Востоке пользовались особым почитанием, считались чуть ли не членами семьи, он и мучил больше всего.

Теперь, как уже было сказано, мы не будем останавливаться на промежуточной инкарнации, поскольку она не имела большого значения для последующей жизни этого человека. Он снова появился в наше время, в XIX столетии, в первой половине XIX столетия. В этой инкарнации, которая, таким образом, в самом широком смысле принадлежит нашему времени, он оказался исключительно боязливым человеком, который со своей боязливостью вынужден был заводить животных, а именно, собак. Уже можно сказать, это была болезненная черта в его, в свою очередь, не совсем нормальном пристрастии к животным, которую он теперь развил. Всё это приобретало болезненный оттенок из-за того, что он развил, собственно, не столько особую любовь к собакам, сколько, скорее, чувство, что они у него должны быть. И, как раз, в том, каким образом он обращался с собаками, проявлялось, во-первых, нечто фантастическое, а, во-вторых, нечто такое, в чем с самого начала обнаруживается внутреннее кармическое принуждение. Причем в этой инкарнации он стал исключительно одаренным человеком, перенесшим из той прежней инкарнации все то, что пережил, находясь среди восточного населения, из спиритуальных учений, а также из спиритуальной религиозности. Это стало у него не только чувством и ощущением, а это стало у него жизненной практикой. В ходе своей жизни он приходит не только к фантастическим представлениям относительно духовного, но и к возможности, в правильных провидческих имажинациях, возникающих в нём совершенно естественно, поэтически отображать то, что присутствует в жизни человека физически, и куда постоянно вливается воздействие духовных элементарных существ. Это одно. То есть, мы видим, что он - поэт, отличный поэт. И он не просто отличный поэт, а, можно даже сказать, такой поэт, которого на

континенте, как раз, в драматическом, можно сравнить с Шекспиром. Это Фердинанд Раймунд, Раймунд с его экстравагантными чертами, с его огромным талантом, который пишет драматические стихи, из которых видно, что всё это, - умение оформлять духовное, вносить его в человеческую жизнь, - он принёс с собой из прошлых инкарнаций. Прочтите его "Альпийский король и враг человеческий" и другие произведения, и вы увидите, что с Шекспиром его можно сравнить даже в том, что он, в то же время, был знаменитым актером, что обуславливалось также тем, что он обладал внутренним порывом, исходя из духовного, изображать тривиальное и нетривиальное на сцене. Несравненный актер, полный юмора на сцене, - в жизни он целиком находился под влиянием других, что перешло к нему благодаря тому, что он мучил животных. Так тесно смешано здесь патологическое и гениальное: гениальное, которое, с одной стороны, толкает его к тому, чтобы творить с, действительно, шекспировской силой и мощью и духовно-душевным драматизмом, а также воплощать это на сцене, и патологическое, которое, с другой стороны, толкает его вносить фантастическое даже во внешнюю жизнь. Теперь мы должны рассмотреть одну особую черту индивидуальности Фердинанда Раймунда.

Видите ли, в этом мучении животных, которое было для него в прежней инкарнации потребностью, он испытывал, своего рода, наслаждение, он делал это охотно, он мучил животных с внутренним удовольствием. Поэтому во время своей земной жизни он не сознавал, что делает нечто плохое. Но, пройдя через врата смерти, он об этом узнал. Теперь, ведь, то, что переживается при прохождении через врата смерти и при дальнейшем движении от смерти к новому рождению, выражается в основном в головной организации. Тут наступает момент, когда привносится то, что мы называем способностями. Их он получил с избытком. Но затем изживается также то, что проявляется в ритмической системе, а точнее, в верхней ритмической системе. Ведь, человек построен, если его представить схематически (см. рисунок), следующим образом: система конечностей и обмена веществ, ритмическая система, нервно-чувственная система. Поэтому в нервно-чувственную систему вливается то, что приходит из прошлых жизней, в ритмическую систему - то, что имеет место между смертью и новым рождением, а то, что происходит на Земле, оказывает влияние исключительно на систему обмена веществ и конечностей.

Поэтому все то, что эта индивидуальность, которая теперь стала Фердинандом Раймундом, могла пережить при горьком раскаянии, после обретения проясняющего, глубоко низвергающего понимания относительно своей страсти мучить животных, - всё это повлияло на состояния между смертью и новым рождением, и отразилось на ритмической системе. Это отразилось на ритмической системе, так как действовало вплоть до физического. Поскольку в физическом головы мы имеем последствие предшествующей земной жизни, а в физическом ритмической системы - последствие жизни между смертью и новым рождением.

В эмбриологии мы приближаемся к постижению этой истины, также и внешне, физически-чувственно. У Фердинанда Раймунда, в его дыхательной системе, в верхней ритмической системе, мы видим воздействие раскаяния, горького прозрения, которые охватили его, когда после своей предшествующей земной жизни он проходил через врата смерти. И, благодаря этому, у него появилась склонность к, своего рода, нерегулярности дыхания, недостаточному приёму кислорода и слишком сильному насыщению углеродом, - сбои дыхания, которые, рассматривая физически, вызывают всевозможные состояния страха, которые могут быть носителями элементарных существ страха. Все то, что живет в нерегулярностях дыхания, что нарушает правильное соотношение кислорода и углерода в дыхательном процессе, притягивает элементарных существ страха. Вы можете прекрасно проследить

это в "Альпийском короле и враге человеческом". У Фердинанда Раймунда к этому была особая предрасположенность, он, так сказать, "диспонировал", если мы хотим использовать научное выражение, свою дыхательную систему для того, чтобы сделать её носителем элементарных существ страха.

Такие элементарные существа страха являются не просто элементарными существами страха, но, если в то же время рассмотреть то, что содержалось в голове Фердинанда Раймунда в прежних земных жизнях как психически-спиритуальное воззрение, сделавшее такими интересными его драмы, то можно увидеть, как, благодаря действию этих демонов страха, которые пришли таким путём, карма развивалась в совершенно определенном направлении. Можно, буквально, видеть, как эти демоны страха вызывают определённые последствия, болезненные последствия, в смысле кармы. Они вливаются, так сказать, в полные фантазий имажинации, вплоть до имажинаций, переходящих в видения, - а в основе драм Фердинанда Раймунда лежат, именно, видения, - они вливаются в это провидческое, обуславливая тем самым то, что человек развивает фантастическое также в жизни. И, благодаря этому, карма пронизывается неким течением, в котором изживается неопишимо гениальная одарённость. Одно течение изживается в особом рода духовном творчестве, другое течение существует параллельно в некой фантазии в жизни, которая, однако, изживается не внешне, а смотрит внутрь, поскольку лежит в ритмической системе, являющейся, ведь, наполовину внутренней, но изживающей себя в своих нижних органах так, что простирается на внешнюю жизнь, снова отражаясь затем внутрь, благодаря чему его гениальная индивидуальность сопровождалась, действительно, патологической чертой. И эта патологическая черта, в которой изживали себя демоны страха, становилась средством для изживания кармы.

Можно теперь напрямую прочесть карму Фердинанда Раймунда. Раймунд принужден держать собаку. Он фантаст. Он делает то, что не делают другие люди. Это можно понять, этому, вполне, можно также симпатизировать. Поскольку, ведь, можно сказать, мои дорогие друзья, что когда я смотрю на то, как Раймонд в некоем фантастическом порыве подсаживается к своей собаке и съедает что-нибудь из её миски, у меня возникает к этому больше симпатии, чем к трапезам некоторых граждан, внесённых в списки дворовых коммерческих советников. А Раймунд делал это. Посмотрите, как воздействует карма мучителя животных из прежней инкарнации. Посмотрите, насколько прост этот факт, явившийся следствием раскаяния после смерти, и мучения животных до неё, как происходит фантастическая расплата, но эта фантастическая расплата осуществляется еще более суровым образом. Сразу же после этого приходят демоны страха и содействуют исполнению кармы. Фердинандом Раймундом овладевает идея: собака была злая, я с ней ел, я заразился бешенством! — Теперь, смотрите, насколько потрясён Раймонд. Совершая гениальнейшее на сцене, тут, в тот момент, когда он изъят из этой жизни, его охватывает навязчивая идея, чувство, что он заразился бешенством.

Затем он предпринимает путешествие со своим другом. Они направляются из Вены в Зальцбург, и там им овладевает эта идея, будто он заражён бешенством и для лечения должен немедленно возвратиться назад, в Вену. Это путешествие, если его проследить, становится для него и его друга настоящей пыткой. Мы повсюду видим патологическое, идущее рука об руку с гениальным. Затем он получает хорошее лечение, поскольку людям он нравится. Постепенно он оставляет эту идею. И, действительно, наступает нечто вроде выздоровления, - благодаря самой жизни, благодаря радости, благодаря всему тому доброму, которое он получает со всех сторон, и которое он охотно принимает, поскольку остаётся ипохондрик, поскольку демоны страха донимают его не одним, так другим. Так его постоянно и кидает туда-сюда от юмориста Раймунда к ипохондрику и наоборот. Но, по крайней мере, он

освобождается от этой идеи, что он больной бешенством. Она владела им несколько лет. Он, однако, по-прежнему остаётся привязанным к животным. Через десять лет он снова заводит себе собаку, и смотрите, однажды, когда он с ней играет, собака кусает его действительно. Снова всплывает эта идея - курьезным образом обнаруживается, что собака действительно бешеная, но это уже не имеет значения, - Раймунд стоял там, и он был укушен бешеной собакой! Он едет в Поттенштайн и пускает себе в голову пулю, которая глубоко застревает в задней части головы. Операцию делать нельзя; Раймунд умирает примерно через три дня после этого выстрела. Вы видите, что хотя от первой, так сказать, «бредовой идеи» он избавился, карма его всё же настигла.

Это один из тех редких случаев, когда карма проявляется так ясно; подумайте только о следующем: субъективно это не совсем самоубийство, поскольку Раймунд не полностью ответственен за него. Объективно это также не совсем самоубийство, потому что, если бы Раймунд был тут же на месте оперирован, он был бы спасен. Но он не мог быть на месте оперирован, пуля осталась в мозгу, и через три дня он умер. Это самоубийство не в чистом виде, - ни с субъективной, ни с объективной точки зрения. Поэтому нельзя сказать, что вследствие самоубийства к карме нечто присоединилось. Карма не идёт дальше, она изжила себя посредством того, что он пережил в этой жизни до её конечного пункта, вплоть до способа, каким было осуществлено намерение самоубийства. Здесь буквально напрямую видно, отчётливо узнаётся карма прошлой жизни, она проявляется так очевидно, что остаётся только признать, что мы видели следующее.

Мы видели, что существуют люди, - находящиеся здесь, благодаря особой кармической предрасположенности, рассмотренной нами только в пределах земной жизни, - которые имеют склонность к тому, чтобы их "Я", астральное тело и эфирное тело либо сразу, либо поступенчато, поэтапно стали такими, что в своих видениях этим людям предстаёт духовный мир: это Святая Тереза, Мехтхильд из Магдебурга и многие другие. Перед нами личности, которые в одном из направлений, в направлении духовного, указывают на определенную ненормальность. Относительно тех, кто указывает на такую ненормальность с одной стороны, нет необходимости входить в частности кармы. Конечно, она обусловлена кармой. Но нам не нужно входить в её частности. Поскольку в этом случае всё ясно уже из отдельной земной жизни.

Точно так же и относительно другой стороны, которую мы рассматривали вчера. Мы видим, что ненормальное развитие человека внутри своей физическо-эфирной организации, приводящее к слишком глубокому погружению в физическое тело и, соответственно, к патологии, как я показал это вчера, проходит в три этапа. Патологическое обуславливается кармой. Но здесь достаточно охватить общее, чтобы видеть, что у таких личностей, как Святая Тереза, индивидуальность развилась в прежних земных жизнях особенно сильно, а у психопатов или патологических личностей, о которых мы упоминали, наоборот, слишком слабо, и потому верхние члены оказываются втянутыми нижними. Но снова, здесь нужно доходить только до общих свойств личности, не вдаваясь в отдельные подробности кармы.

Но теперь, в лице Фердинанда Раймунда мы имеем особую личность. Она развивается не только в сторону видения, а одновременно проделывает и другое развитие. Здесь присутствуют обе полярные противоположности, постоянно сталкивающиеся в жизни. Обе присутствуют в его личности; с одной стороны, правда, патологическое и гениальное взаимодействуют в нём прекрасно, но, с другой стороны, ужасно. Здесь уже мы вынуждены рассматривать карму конкретно. Здесь уже надо понимать, как карма действует в формировании обоих полюсов, в том, чтобы они были разделены и, время от времени, взаимодействовали. В драмах Фердинанда Раймунда вы обнаружите множество мест, в отношении которых можно сказать: здесь

действует духовное видение и, одновременно, то, что приходит от демонов страха. Иногда вы видите это в драматической форме.

Вы видите, что, прослеживая таким образом, с углублением в кармическое, человеческий характер, мы совершенно естественно приходим к пониманию того, насколько это было бы односторонне, принимать абстрактное учение, которое имело место в рамках определённых цивилизационных течений древности: болезнь обусловлена грехом, - в человеке действует только ненормальная духовность. В этой абстрактности можно, конечно, утверждать вещи, остающиеся теориями и тогда, когда в соответствии с ними лечат человека. Абстрактной односторонностью является и другое, когда говорят: грех обусловлен заболеванием, - и нужно бороться с физическими субстанциями, с физическими процессами в жизни человека. Нужно входить в конкретное человеческой организации, в то, в каком отношении находятся между собой его высшие тела, притягиваются ли они друг другом, или они удалены от низших, и быть в состоянии в таком взаимодействии гениального и патологического, как у Раймунда, видеть, соответствующим образом, действие кармы. Поскольку, если обрести понимание таких вещей, можно уже в жизни найти возможность для того, чтобы к тому, что осуществляется в физическом лечебном процессе, добавить слово, которое требуется этому физическому лечебному процессу в качестве дополнения. Тогда вполне можно достичь того, чтобы видеть «что» и «зачем», не замыкаясь внутри лишь физического лечебного процесса, а понимать, что во многих случаях необходимо привлечь для лечения моральное. Совсем не нужно становиться филистерским утешителем и подходить к больному с филистерскими утешениями. Они, как правило, помогают немного, поскольку больным мало нравятся утешения сердобольных тётушек, попивающих чай, и добросердечных дядюшек, попыхивающих трубками, - это им мало нравится. Но им необычайно нравится то, что лежит в естественном поведении, в «как» сказанного, а не в «что». Но это происходит совершенно инстинктивно, если иметь склонность свое мировоззрение и отношение к жизни освещать светом, способным ужиться с духовными отношениями так, как можно ужиться с ними при полностью серьёзном отношении к таким примерам, которые были нами рассмотрены.

Ведь, нельзя, мои дорогие друзья, видеть духовное воздействие только в тирадах, только в речах из религиозных тирад, а духовную жизнь нужно развивать на фактах. Поскольку, только постигая духовную жизнь в фактах, можно использовать это постижение духовной жизни для исцеления людей. Тогда его можно применять к здоровым и больным людям. А именно, при этом развивается инстинкт для ориентирования в том, или ином болезненном состоянии, которое проявляется тем, или иным образом. Мы увидим, что это относится и к физическим заболеваниям, но вначале мы должны проложить путь к тому, чтобы видеть эти вещи в физических болезнях. Вы придёте к этому, если будете изучать такие вещи, число которых, благодаря многочисленным примерам, можно было бы увеличить. С этой точки зрения интересно изучать жизнь многих людей, бывших, как раз, гениальными натурами, только не с точки зрения архифилистера, каким был Ломброзо. Отвратительным в теории Ломброзо является не его гениальность, которая там, безусловно, присутствует, а отвратительно то, что он - архифилистер, что на каждой странице встречается филистерское суждение. Дело обстоит так, что здесь наука действительно добралась до архифилистера. Если же вы эти вещи возьмете не с точки зрения филистера, а с точки зрения познания мира, то есть, с точки зрения чувственно-духовной жизни, тогда, если для исполнения своей профессии вам необходимо утешение, вы принесёте больному это утешение, - религиозное утешение, или сакрамент, окружённый правильной спиритуальной аурой. Но не без стоящего за этим понимания. То, достигнет ли причастие больного правильным образом, чтобы он выздоровел,

чтоб он при выздоровлении не повредил себе душевно, - это зависит от наличия понимания таких вещей.

Видите, в этом всё же есть смысл, - мы ещё будем говорить об этом, - что в дополнение к физическому лечебному процессу определённые люди нуждаются в причастии, чтобы то, что в карме пришло в беспорядок, привести в порядок. Но, если этого не знать, это нельзя внести и в ауру сакраментального. Но, с другой стороны, и врач, который понимает эти вещи, который видит в болезни действующую карму, который принимает участие в лечебном процессе по долгу службы и, согласно своему мировоззрению, принимает эти вещи всем своим существом, - такой врач также сможет поставить себя правильным образом. Но тогда, с врачом, с целителем, произойдет нечто объективное, если этот врач осознаёт себя, действующим в человеке вместе с кармическим процессом. Тогда его миссия целителя станет другой стороной богослужения, получит религиозный характер, и он будет учиться видеть себя товарищем священника, тем, кто стоит рядом со священничеством и исполняет вторую сторону богослужения; тогда лечение станет богослужением. Благодаря правильному антропософскому пониманию, те вещи, которые материалистическое мировоззрение поставило на службу природе, то есть, которые стали, выражаясь на языке евреев, танцами вокруг золотого тельца, - эти вещи можно снова преобразовать в богослужение. Всё в жизни, и в искусстве, и в религии превратить в богослужение, - это то, что, в конце концов, может стать задачей всеохватывающей пастырской медицины, практикуемой внутри антропософского движения. Но начало должно быть положено тем, что эта пастырская медицина, по крайней мере, в общих чертах будет представлена для тех, чья деятельность должна исходить из духовных основ для обеих этих сторон истинного богослужения. Поэтому пасторская медицина читается внутри антропософского движения, прежде всего, для священников и врачей, которые должны затем найти возможность, со знанием природы и духа, следовать ей дальше, пронизывая ею, однако, именно те области жизни, которые лежат в пределах их миссии.

Об этом мы будем говорить завтра.

Седьмой доклад Дорнах, 14 сентября 1924 года

Дорогие друзья! Если иметь дело только с теми средствами, которые мы получаем с помощью сегодняшней науки, - против которой, ведь, в отношении её собственных достижений, в отношении достижений этой науки, конечно, ничего возразить нельзя, потому что, насколько глубоко она может проникнуть своими методами в то, что встречается на её пути, настолько глубоко она туда, в общем, и проникает, - так вот, если иметь дело только с этими средствами, то к пониманию человека мы прийти не сможем. Мы не сможем прийти к пониманию человека потому, что в человеческой жизни, такой, какова она есть, переплетены телесно-физическое и душевно-духовное. В телесно-физическое проникают земные процессы, все окружающие земные процессы современности. И мы, с помощью сегодняшней, как раз, для окружающей нас среды, относительно хорошо работающей науки, прослеживая физическо-химические процессы внешней, внечеловеческой природы, легко отдаёмся представлению: как эти химические процессы протекают в кабинете физики, или при наблюдении той части мира, которая представляет собой непосредственное окружение Земли, или в химической лаборатории, примерно так же они продолжают затем и в человеке. Описывают, например, процесс

горения как соединение какой-либо субстанции с кислородом, а затем, имея в виду внутреннюю деятельность человека, привычно продолжают в том же роде и говорят о сгорании внутри человека, хотя известно, что для этого нет никакой возможности. Потому что процесс, который можно было бы описать как сгорание внутри человека, относится к сгоранию снаружи точно так же, как живое относится к мертвому. Сгорание снаружи неорганическое, сгорание снаружи безжизненно. В человеке же мы имеем дело с живым сгоранием, со сгоранием, которое стало живым. Это имеет огромное значение и для прочих наук. Ведь, смотрите, внешнее сгорание, с точки зрения сгораемой субстанции, подчиняется вполне определённым тепловым отношениям. Согласно нашей науке, мы можем себе представить лишь то, что возникает определённая температура воспламенения, что для этого процесса имеется тепло. Это ни в коем случае не то, что в том же виде продолжается внутри человеческого организма. Какая-нибудь внешняя субстанция при определённой температуре может соединиться с кислородом, - происходит сгорание. Но для соединения этой субстанции с кислородом внутри человека такой температуры не требуется, здесь действуют другие законы. Я говорю, что это имеет определённое значение для внешней науки, поскольку в этой науке выдвигаются гипотезы, которые кажутся вполне правдоподобными. Например, исходя из теперешних условий, выводят прошлые состояния Земли. Нечто подобное проделал известный психолог из Йены *Прейер (Preyer)*. Привычная теория Канта-Лапласа показалась ему слишком глупой, и он обратился к определённым огненным процессам в живом, из которых и должна была выйти эволюция. Он вообразил, что эти процессы должны протекать при таких же температурах, при которых соответствующие огненные процессы протекают сейчас. Но они не должны быть такими же. Можно исходить из сегодняшних неорганических огненных процессов и обратиться затем к похожим процессам, имеющим сегодня место в человеческом организме, где те же процессы происходят при существенно более низкой температуре. Тогда придут также и к совершенно другому гипотетическому представлению первичного состояния Земли.

Таким образом, вы видите, самые обычные представления имеют совершенно определённое значение для понимания всей картины мира. Короче говоря, средств, доставляемых нам сегодняшней наукой, не хватает даже для понимания внешнего мира, как в его развитии, так и непосредственно теперешнего состояния. Как только выступает какая-либо тенденция, тут же возникают затруднения. Я действительно могу говорить об этих затруднениях, потому что чрезвычайно сильно пережил их лично.

Можете мне поверить, всё моё развитие характеризуется одной чертой, которую можно сформулировать следующим образом, - это видно уже из моего «жизненного пути»¹ -: глубочайшее уважение к современному естествознанию! Это уважение присутствовало всегда. Нигде, ни в каком пункте, я не мог решиться на критику, - в тривиальном смысле, как это часто имеет место, - отрицающую то, что добыто естествознанием, и неважно в какой области, внешней физико-химическо-механической, или медицинской. При этом, однако, перед моими глазами стоял также духовный образ эволюции, он уже был. Поэтому то, что открывалось духовно, скажем, атлантический период, или лемурийский, а также более ранние или поздние периоды, хотелось привести в соответствие с тем, что даёт естествознание. Это касается того, что естествознание, приемлемым образом, говорит о непосредственном настоящем. Но в тот момент, когда естествознание становится слишком фривольным и начинает выдвигать гипотезы о далеком прошлом, для того, кто

¹) Rudolf Steiner „Mein Lebensgang“, GA 28 (Рудольф Штайнер «Мой жизненный путь», ПСС-28)

пытается привести в соответствие увиденное духовно и то, что говорит естествознание, возникают глубокие конфликты. Поэтому в конфликте оказываешься именно тогда, когда хочешь жить в согласии с естествознанием, тем естествознанием, против которого духовная наука ничего не имеет; ведь, не будешь же выступать против фактов. Но тем в большей степени входишь в конфликт с увиденным духовно. Пока естествоиспытатель говорит, - хорошо, когда же он начинает писать, следовать ему уже невозможно. Этот конфликт также должен быть рассмотрен тем, кто входит в соприкосновение с данными сегодняшней науки.

Потому что эта наука просто не доходит до человека, поскольку человек стоит в этом мире также душевно и духовно, и в нём изживается не только то, что поддаётся внешнему изучению, включая явления аэродинамики, или аэромеханики, или теплообмена, но в его проявлениях изживается, например, и то, что включено в его карму из прошлых земных жизней. Вчера, на примере *Фердинанда Раймунда*, мы видели, что последнее можно, буквально, пощупать руками. Для перехода к этому отсутствует, однако, всякая возможность, если принимать во внимание только данные сегодняшнего естествознания. Но теперь необходимо подняться до того, чтобы представляемое человеком внешне, в качестве процессов, как-то охватить духовным, вписать в духовное. Если, например, хочешь понять связь физической жизни и духовной со стороны дыхательных и циркуляционных процессов, то этого можно успешно достичь, когда обеими ногами стоишь, как раз, в физиологии процессов дыхания, в физиологии циркуляционных процессов, то есть, в том, что можно узнать с помощью современного естествознания.

Рассмотрим вначале процесс вдоха: этот процесс вдоха состоит в том, что человеком воспринимается внешнее воздухообразное. Это внешнее воздухообразное не является, однако, чем-то пассивным, что воспринимается готовой человеческой природой и в ней подвергается дальнейшей переработке, при которой процесс поглощения кислорода превращается в процесс образования углекислого газа и, таким образом, вдох просто переходит в выдох, - а этот процесс вдоха, в действительности, является постоянно действующим строителем человеческого существа. Он непрерывно участвует в строительстве человеческого существа извне. В процессе вдоха человек постоянно восстанавливается со стороны внешнего мира; в действительности, он поглощает не просто аморфный кислород, а в этом кислороде, который он ошибочно считает аморфным, он воспринимает формообразующие силы, соответствующие его собственному существу. Когда мы испытываем удушье, в наших дыхательных путях сидит чуждая элементарная сущность. Но это касается аномально сформированного процесса дыхания. В нормально сформированном дыхательном процессе, дорогие мои друзья, постоянно сидит становящийся человек. Из макрокосмоса в человеке постоянно происходит рождение, рождение воздушного человека. Весь процесс, который здесь протекает, стоит под активностью астрального тела, и это нужно представить себе следующим образом (рис. 8): мы вдыхаем; процесс вдоха активируется астральным телом. Весь процесс, который здесь протекает, происходит в элементе воздуха, во всём том, что работает в человеке воздухообразно, так что в процессе вдоха, в элементе воздухообразного, мы имеем здесь непрерывно продолжающийся процесс становления человека.

Но, смотрите, теперь мы выдыхаем. Мы выдыхаем, причём выдыхаем мы, по преимуществу, углекислый газ. По окончании прочих органических процессов углекислый газ определённым образом скапливается для выдоха. Это, в свою очередь, также представляют как, своего рода, пассивный реакционный процесс, или нечто подобное. Об этих вещах вообще нет ясного представления. То есть, просто исследуют то, что можно исследовать в этом

направлении физическими средствами, при отсутствии ясного представления о самом процессе. Теперь, смотрите, этот выдох тоже активирован, в нём, относительно человека, содержится не просто пассивный процесс, но определённая активность, - активность эфирного тела. Всё это происходит в элементе жидкого, в том элементе, который раньше называли водой, где всё жидкое было водой. Мы можем это выражение использовать и в дальнейшем. Это происходит в элементе воды.

Теперь тут возникает один важный вопрос, который у вас у всех уже должен вертеться на языке. Вопрос следующий: хорошо, но как тогда дело обстоит во время сна? Во время сна эфирное тело находится внутри, и потому относительно выдоха у нас нет никаких сомнений. Но как мы можем во сне вдыхать, если астральное тело в это время находится снаружи? - Ну, тут надо сказать, что в действительности во сне выходит наружу лишь микроскопическая часть астрального тела, но тем деятельнее во сне становится астральное макрокосмоса. Во время сна в человека входит вся астральность макрокосмоса, и дыхательная деятельность, которая во сне, как раз, и отличается от дыхательной деятельности во время бодрствования, регулируется макрокосмосом. Таким образом, вы видите, что здесь между вдохом во сне и вдохом во время бодрствования обнаруживается значительная разница. Вдох во время сна у человека регулируется снаружи. Вдох в бодрствующем состоянии человек регулирует своим астральным телом сам, изнутри, в то время как астральность космоса входит в него во время сна. Тут мы уже получаем важный отправной пункт для того, чтобы подойти к пониманию патологического. Космос обладает одной странностью, которая заключается в том, что по отношению к земным условиям, он - так же, как и мы, частично поднимаемся над Землёй, - здоров. Вблизи же Земли, благодаря климатическим и прочим процессам, астральность космоса может стать ненормальной. Точно так же, посредством других процессов, с которыми мы ещё познакомимся, может стать ненормальной и внутренняя астральность человека. Здесь мы имеем источник патологического в одной определённой области, но мы просматриваем этот источник патологического вплоть до духовно-душевного, - вот что важно.

Теперь пойдём дальше. Смотрите, процесс дыхания сравнительно, то есть, относительно, прост. Мы вдыхаем воздухообразное и выдыхаем воздухообразное. Процесс дыхания прост, если мы сравниваем его со всеми теми процессами, которые непрерывно протекают как в нас, так и во внешнем макрокосмосе, если мы сравниваем его с процессами, происходящими во флюктуации тепла, в элементе тепла внутри и снаружи человека. Ведь и внутри, и снаружи человека имеет место дифференцирование тепла. Мы можем исключить из нашего рассмотрения воздух, воду, землю; мы можем оставить только эти тепловые различия. Для физика это лишено всякого смысла, поскольку тепловые различия он рассматривает только для состояний материи. Духовная же наука знает, что рассматривая тепло, она имеет дело с определённым элементом. Таким образом, мы должны говорить об элементе тепла, и то, что в нём содержится, рассматривать в качестве самостоятельного и активного. В основе всей человеческой жизни, наряду с процессом дыхания, лежит более тонкий процесс поглощения, - поглощение, посредством теплого процесса. Поэтому мы можем сказать: когда мы приближаемся к области лёгких человека, - я скажу в общем, но вы попытайтесь воспринять это внутренне, - когда мы приближаемся к организации лёгких, мы имеем дело с грубым воздушным процессом. Когда же мы поднимаемся к регионам, преимущественно регулируемым головой, но которые в ослабленном виде присутствуют во всём человеческом организме, мы имеем дело с более тонким дыхательным процессом, который уже протекает не в воздушном, а в тепловом элементе. То есть, мы можем сказать: мы поднимаемся к утончённому

процессу, который состоит из необычайно тонкого поглощения тепла из макрокосмоса, вдоха тепла и выдоха тепла. – Но дело обстоит теперь так, что если взять грубые вдох и выдох, то человек стоит во взаимодействии с внешним миром: вдох-выдох, вдох-выдох, внутрь-наружу, внутрь-наружу, – такой вот процесс. Здесь же – иначе; здесь, правда, тоже присутствует «внутри», но зато не в том же смысле «наружу», как при обычном дыхании, здесь выдох осуществляется в самого человека, становится внутренним процессом. То, что выдыхается нервно-чувственной системой, присоединяется к процессу вдоха через лёгкие. Так что на стороне нервно-чувственной системы мы имеем процесс, который мы можем назвать тонким дыханием, и который в своей фазе вдоха, действительно, представляет собой приём снаружи; но отдача того, что принимается, происходит не снова наружу, а переносится в более грубый дыхательный процесс, переходит во вдох, и направляется по дыхательным путям дальше в организм.

Теперь вы можете сказать: этим путём, через вдох, внутрь человеческого организма проникает тепло макрокосмоса, но не просто тепло, а это тепло несёт с собой: свет, макрокосмический химизм, макрокосмическую витальность, макрокосмическую жизнь. – Световой эфир, химический эфир макрокосмоса, жизненный эфир макрокосмоса вносятся в человеческий организм путём вдоха тепла. Тепловой элемент вносит в человека свет, химический элемент, витальный элемент, и передаёт их процессу обычного вдоха. Всё это, что находится над процессом дыхания, что представляет собой тонкий дыхательный процесс, но также и метаморфозированный дыхательный процесс, всё это сегодня, ведь, в собственном смысле, не изучают, всё это полностью выпадает из физиологии, в физиологию попадает кое-что, но лишь затем, чтобы потом действовать в ней как чуждый элемент. Это пункт, в котором абсолютно невозможно прийти к согласию, если исходить, с одной стороны, от духовного, а, с другой стороны, от природного. Физиология чувств, то есть, то, что раздельно происходит в зрении, слухе и в теплоощущении, выделяется как чуждый элемент. То, что поначалу является приёмом тепла, представляет собой члены, внешние усики этого процесса, нагруженные светом, химизмом и витальностью. Они разграничиваются с чувственным процессом. Но тогда человек знакомится только с периферией чувственного процесса, не с его центром, и потому физиология чувств является для него полностью чуждым элементом. Тогда беспомощно кружится вокруг отдельных чувств физиолог, тогда занимается дилетантством психолог. Тогда куются гипотеза за гипотезой. Конечно, иначе и быть не может, поскольку рассматривают отдельные, совершенно специфические процессы зрения, слуха, а их взаимодействие, их совместное внутреннее течение оставляют без внимания. Не видят, как в процессе поглощения тепла, несущего в себе макрокосмический свет, химизм и витальность, всё течёт вместе, затем подходят к дыханию, и только когда физиолог чувств сможет сказать: ага, тут я, исходя из процессов, из физически-физиологических процессов глаза, следую в нерв, который продолжает его вовнутрь, постепенно вхожу в дыхательные пути, то есть, из путей органов чувств, из путей разума (*Verstandeswegen*) в дыхание, – тогда возникнет действительная физиология чувств. – Тогда будет понятно, как на Земле могла возникнуть йога, если немного отвлечься от жизни чувств, протекающих на периферии. В практику йоги человек погружается там, где общий процесс переходит в процесс вдоха, и то, что лежит за ним, проецируется в чувственное восприятие. Вы видите, что в древних мировоззрениях, практически инстинктивно, кое-что из этого уже содержалось. Зато перед новейшим естествознанием повсюду встают загадки, поскольку оно не может распознать факты, не может распознать взаимосвязи. Оно хочет лишь беспорядочно спекулировать. Оно наблюдает за глазом и ухом; затем начинает беспорядочно спекулировать о том, что же там внутри,

собственно, происходит. А когда оно замечает, что оказалось в тупике, что то, что оно наспекулировало в отношении внутренних процессов, происходящих в глазе и ухе, ведёт в тупик, поскольку тонкий дыхательный процесс, о котором я говорил, оно не желает принять за факт, тогда оно говорит: ну, что ж, внутренние процессы протекают параллельно внешним. Параллелизм! Процессы идут параллельно, - это, конечно, самый удобный выход из положения.

Но смотрите, это в то же время и то, что даёт прочное место священнику, и врачу в пределах современной жизни познания, поскольку ни тому, ни другому больше не нужно эту жизнь познания отрицать. Физиология чувств со всех сторон приносит неисчислимы сокровища, только с этими сокровищами дело обстоит так, будто для строительства дома со всех сторон привозят лучшие строительные материалы. Эти материалы замечательны. Их привозят и сваливают в одну огромную кучу, из которой, однако, никакого дома построить нельзя. Строить дом просто невозможно. Всё, что происходит в чувственных процессах сводят вместе, нагромождают в одну огромную кучу, но не принимаются за обработку, которая состоит в соединении происходящего внутри человека, с исследованным внешне, - тогда этот протекающий в эфирном и в астральном процесс тонкого дыхания был бы проследен; тогда началось бы строительство дома. Конечно, было бы очень жаль, если бы человек, имея теперь возможность строить дом, сказал бы: надо начать с того, что все эти первоклассные материалы должны быть убраны. Этого, ведь, делать не будут. Дом будут начинать строить, если имеются материалы.

Точно так же было бы бессмыслицей делать то, чем занимаются сегодня многие, дилетантски критикуя естествознание, в корне его отвергая. Его не нужно отвергать, нужно эти строительные материалы часть за частью использовать, они очень полезны, из них можно выстроить нечто прекрасное, - то, что имеется сегодня в физиологии чувств, и что сегодня ещё представляет собой беспорядочную кучу, надо использовать. Тогда вы можете сказать: мы обращаем свой взор наверх, от того, что происходит в дыхании как непрерывное строительство человека, к тонкому дыхательному процессу, протекающему в тепловом элементе, в котором, однако, действует общий эфирный мир макрокосмоса. Тут, подходя к верхнему человеку, мы смотрим вверх.

Но со стороны процесса дыхания мы можем взглянуть и вниз, на нижнего человека. Если, смотря снизу вверх, мы приходили по отношению к процессу вдоха к утончению, то, смотря теперь сверху вниз, мы приходим по отношению к процессу выдоха к сильному огрублению, и от внутреннего процесса образование углекислого газа, мы постепенно переходим вниз, к процессу пищеварения. Таким образом, так же, как наверху мы должны были соединять процесс вдоха с тонким нервно-чувственным процессом, переходящим в духовное, так внизу мы должны соединять процесс выдоха с процессом пищеварения, где человеческая деятельность постепенно переходит в физическое, так что внизу мы приходим к области, где, благодаря физическому телу, осуществляется деятельность обмена веществ, модифицированный выдох. В определённом смысле, то, что выдох оставляет во внутреннем, в смысле деятельности, активности, - это и есть обмен веществ; так же, как то, что со стороны нервно-чувственно-духовной деятельности воспринимает дыхание, переходит во внутреннюю деятельность, так и то, что остаётся внутри человека от выдоха в виде активности, то есть, суммы сил, формирует обмен веществ, который протекает теперь в элементе, который раньше во всём том, что в человеческом организме относилось к твёрдому, называли землей (рис. 8).

Если мы рассмотрим теперь весь этот процесс несколько подробнее, то перед нами окажется, собственно, разворачивающийся в человеке четырех

частный процесс. Процесс, который мы охарактеризовали выше, говоря о том, что выдох при этом осуществляется в человека. Если мы возьмём теперь внешне распознаваемый процесс вдоха, то в этом вдохе мы одновременно должны видеть связь того, что вдыхается, с тем, что спускается сверху. Здесь мы должны сказать полярно противоположное. Тут выдох оставляет силы для обмена веществ. От этого выдоха не принимается нечто, а нечто отдаётся. Таким образом, мы имеем внутренний выдох и внутренний вдох, и затем соединение этого внутреннего вдоха с тем, что делает физическое тело в виде собственного процесса обмена веществ и пищеварения.

Теперь, смотрите, если вы приглядитесь к этой четырёхкратной дифференциации, вам станет ясно кое-что о человеке; поскольку, кроме всего, открывается следующее (рис. 8): Здесь, по этому пути, движется элемент тепла, который несёт в себе свет, химизм, витальность, - он входит сюда, соединяется с дыханием, но дыханию свет не отдаёт, а оставляет его в себе; он отдаёт дыханию только химизм и витальность. То есть, свет остаётся, и как внутренний свет заполняет человека, становясь мыслительной деятельностью.

В дальнейшем ходе этому вдоху и выдоху отдаётся макрокосмический химизм, который становится в человеке внутренним химизмом, заменяем внешним лабораторный химизм, то есть, тот химизм, который мы имеем в процессах, осуществляемых в лабораториях. В человека входит макрокосмический химизм, который в нём отлагается в процессе продолжения этого внутреннего дыхательного процесса, так что мы можем сказать: здесь химизм отлагается. - И досюда, в этом взаимодействии между выдохом и обменом веществ, доходит жизненный эфир, где он и поглощается человеком. Так что, если вы проследите этот процесс сверху вниз, вы увидите: свету, входящему по путям теплового эфира, - стоп! Там, где вступает в действие дыхание, свету - стоп, свет начинает распространяться, он не принимается дальше организацией человека и может распространяться как свет. Мы несём в себе организм света как чистый организм света, - он мыслит. Прослеживая этот процесс до пункта, где вдох переходит в выдох, мы видим, что досюда через нервно-чувственный процесс доходит химизм. Здесь же химизму - стоп! Внутренний химизм, некий химический организм в нас, - он чувствует.

Теперь мы продолжаем спускаться вниз, где выдох оставляет после себя процесс пищеварения, процесс обмена веществ. Этот процесс не доходит до внешнего обмена веществ в приёме пищи, а только до внутренних процессов обмена веществ. Стоп для жизненного эфира! Жизненный эфир снова строит человеческую организацию, которая волит. Так образуются мышление, чувство и воля.

Весь этот процесс в общем мы можем теперь проследить в его физическом отражении. Возьмём всё то, что располагается сверху: внутренне оно предстаёт нам как мышление. Но оно слишком тонко. За ним стоит всё то, что я вам сейчас описал. Всё это происходит в нервных путях. Нервные пути являются для всего этого внешними физическими проводниками.

Теперь мы переходим к следующему процессу. Здесь мы имеем: приём этого верхнего процесса в человеке дыхательным процессом, и в физически-чувственной проекции это происходит в артериально-циркуляционном процессе. Артериально-циркуляционные пути - это второй род путей.

Третий процесс разыгрывается между выдохом и пищеварением, обменом веществ. Он, в свою очередь, также имеет свои пути, - это венозно-циркуляционные пути. Таким образом, мы приходим к третьему роду путей, к венозно-циркуляционным путям.

И мы идём дальше. Мы идём ещё дальше внутрь человека в поисках путей и того, как этот процесс, у которого теперь отнята витальность со стороны ее собственного входа, должен сам позаботиться о получении собственной

вitalности снаружи, снизу. Здесь у нас его физические проекции в лимфатическом процессе и в лимфатических путях (рис. 8).

Видите, дорогие мои друзья, теперь у нас есть соотношение внешнего и внутреннего. Тут, за тем, что представляет собой процесс вдоха-чувствования, лежит многое. Но в том, что за этим лежит, действует многое из того, что для человека сегодня остаётся неизвестным. Тут действует ещё и карма прошлых земных жизней. Излучаясь вовнутрь, она исчезает для восприятия. Тут вовнутрь излучается карма. Тот, кто духовным взором исследует нервные пути, то, как они образуются на путях чувств, обнаружит на этих путях и карму. Она течёт по ним. Но точно также, с другой стороны, в образовании лимфы, он обнаружит не просто некий физический процесс, а он увидит как лимфа по лимфатическим путям входит в организм, - *Иоханнес Мюллер (Johannes Müller)*, известный физиолог, уже сказал: Что такое лимфа? Кровь без красных кровяных телец кровь - это лимфа с красными кровяными тельцами. Это общее высказывание, но оно содержит определённую истину; можно видеть, как лимфа переходит в кровь и, благодаря этому, обеспечивает настоящее человека. В лимфе мы видим, однако, всё то, что ещё не стало кровью, мы видим творчество ещё становящейся кармы. Тут внутри, в лимфатическом процессе, снова образуется карма. Лимфатические пути являются в то же время и началами кармических путей для будущего (рис. 8, справа).

Так от духовного вы входите в человека, потому что там, где вы почувствуете вхождение по тепловым путям света, химизма и vitalности макрокосмоса, - а вы ощутите это тем больше, чем больше вы будете уходить от света к путям vitalности, и затем приблизитесь к видению того, как втекает всеобщая мировая жизнь, - там вы ощутите втекание кармы, которая теперь изживает себя в человеческой жизни между рождением и смертью. Но изживается она, проходя через нервы, а также ещё через ослабленный артериальный процесс, приостанавливаясь венозным процессом. Когда же она подходит к венозному процессу, туманные волны кармы обрушиваются внутрь. И, образуя венозную кровь, человек одновременно принимает в себя эти накопления кармы и действует в смысле кармы.

Изменение крови может указывать просто на гнев. То, что здесь накапливается, поскольку прошлое не пускает в венозный процесс, приводит к действию, переходит в оформление кармы.

То, что не пропущено лимфой, что не переходит в кровь, скапливается глубоко в подсознательном и там образует ядро, которое человек выносит за порог смерти. Это будущая карма.

Поверх вдоха видна карма, пришедшая из прошлого; ниже выдоха, в циркуляции ниже выдоха, там, где лимфа ещё не стала кровью, видна будущая карма. Там она запрятана, и, таким образом, можно сказать: когда карма (рис. 8, слева, жёлтым) входит в артериальный процесс, она остаётся в человеке; когда формируется венозный процесс, карма возникает снова. Здесь, вверху, граница, где происходит застой кармы, где она начинает скапливаться в нервно-чувственно-артериальном процессе.

Здесь, снизу, у нас соответствующий процесс, который переходит из лимфовидного в венозное: здесь мы имеем входящую карму, а здесь - выходящую карму, если мы посмотрим на ещё не ставшую кровью лимфу духовным взором. Таким образом, мы видим связанность физического и духовного. Вверху человек примыкает к духовному качественно. Мы видим его примыкающим к своей карме. В промежутке протекает настоящая жизнь. Внизу, наблюдая ещё не ставшую кровью лимфу, мы видим будущую карму. Между прошлой кармой и будущей кармой стоит земная человеческая жизнь, представляющая собой запруду между обоими, если рассматривать с этой точки зрения. Но мы можем проследить это вплоть до физического процесса.

Об этом мы ещё будем продолжать говорить завтра. Вы видите, мы всё больше и больше подходим к видению духовного в физическом, хотя действительное достижение такого видения произойдёт лишь при его практическом применении.

Восьмой доклад Дорнах, 15 сентября 1924 года

Дорогие мои друзья! Вчера мы рассмотрели конституцию человека, насколько её можно рассмотреть в самом человеке, или из его непосредственного окружения. Теперь мы должны выйти за его пределы, поскольку человек повсюду стоит в отношениях с силами вселенной; и эти отношения с силами вселенной станут нам доступными лишь в том случае, если мы действительно будем готовы войти в то великое разнообразие, в котором выражает себя вселенная.

Подумайте только, мои дорогие друзья, как разнообразны космические силы, с которыми человек имеет дело. Взглянем, скажем, на растущее из почвы растение. Посмотрим на рост этого растения в следующих направлениях: стебель - вверх, корень - вниз. Мы обозначили, таким образом, две тенденции, действующие в растении. Стремление вверх и стремление вниз. И если бы сегодня уже в физическом исследовании природы мы продвинулись бы так далеко, что иногда применяли бы наши методы исследования и для менее существенных вещей, вроде роста стебля растения вверх, а корня - вниз, мы обнаружили бы и связи, действующие во вселенной, которые, в свою очередь, вступая в отношения с человеком, собственно, лишь тогда, и делают доступным эту целостность: человек и мир, макрокосмос и микрокосмос. Поскольку мы увидели бы, что всё, что относится к росту стебля вверх, определенным образом связано с действием солнечных сил в продолжение дня, в продолжение года и даже в продолжение более крупных периодов. Что всё то, что связано с развёртыванием корневых сил, относится к развитию Луны, к лунным силам, так что, рассматривая растение правильным образом, мы уже в форме растения должны распознать отношения между Солнцем и Луной. Простой, примитивный образ растения мы должны, так сказать, высмотреть из космоса и из его сил. Тот, кто может видеть, увидит корень не иначе, как форму, которая, стремясь вниз, к Земле, в то же время закругляется. Закругляющийся и устремляющийся вниз, в почву, корень, - это образ, в котором надо видеть корень: уходящий в почву, закругляющийся образ (табл. 5, слева).

По-другому надо смотреть на разворачивающийся вверх стебель. Если, рассматривая стебель, присоединить к этому рассмотрению чувство и ощущение, непременно почувствуешь: стебель подобен лучу, стремление стебля прямолинейно. Корень хочет закруглиться, стебель хочет развиваться прямолинейно. Это первичный образ существа растения. В прямолинейном стремлении вверх мы должны видеть присутствие на Земле солнечных сил. В закругляющемся, устремляющемся вниз корне мы должны видеть присутствие на Земле лунных сил.

Посмотрим дальше. Скажем себе: Солнце повсюду там, где растение лучеобразно стремится ввысь. Теперь, расширяясь вверх, оно ограничивает себя и образует периферию. Это мы обнаруживаем в том, что выходит из этого

стремления наверх, то есть, в цветке, - здесь мы видим действующие вместе с силами Солнца венерианские силы, а в том, как цветки раскрываются дальше вниз, становятся листками, во внешнем их формировании, мы обнаружим силы Меркурия. Таким образом, если мы хотим понять строение растения из его стремления ввысь, мы должны учитывать силы Солнца, силы Венеры и силы Меркурия. Это с одной стороны.

С другой стороны, нам должно быть ясно, что одни эти силы создать растительное были бы не в состоянии. Тогда существо растения развивалось бы, в определённом смысле, лишь в направлении стремления этих сил. Для того, чтобы развернуться так, как в экстремальном случае мы наблюдаем это на примере деревьев, в противовес силам Венеры и Меркурия повсюду действуют силы Марса, Юпитера и Сатурна. Поэтому наряду с действием обоих основных полярностей Солнца и Луны, включаются в действие и прочие планетарные влияния космоса (табл. 5, слева).

Этим я хочу сказать пока только следующее: взгляните, дорогие мои друзья, на растение. В этом растении перед вами - вся планетная система. Оно растёт на Земле, оно - здесь, и поэтому высказывания половины, или трёх четвертей учёных, вроде Парацельса, о том, что тот, кто ест растение, ест всю планетную систему, поскольку в нём действуют все силы этой планетной системы, не должно казаться нам такими уж бессмысленными. - Парацельс высказывает это со свойственной ему непосредственностью и прямоотой, он и ощущает, что с растением человек ест целиком всё небо. В общем, мир устроен так многосторонне, что в росте растений, в ритмах, - во всём и повсюду в нашем непосредственном окружении мы обнаруживаем силы макрокосмоса.

Обратимся теперь снова к человеку. Вчера мы показали, как от дыхания можно попасть в ту область человеческих переживаний, в которой происходит, если можно так выразиться, более тонкий вдох, и в пределах этого тонкого вдоха мы обнаружили продолжение действия кармического потока прошлого. Теперь мы можем пойти дальше. Когда мы рассматриваем, - обозначая, естественно, совершенно схематически и символически (табл. 5 справа), - воздействие того, что я пока назвал бы утонченным дыхательным потоком в человеке, мы можем сказать следующее: если бы человек проявил то, что содержится в его астральном теле и что содержится в его Я, он никогда не пришел бы к Солнцу, как это ему позволяет его нынешняя конституция. Человек никогда бы не пришел к Солнцу. Когда он находится в своем Я и астральном теле, в период между засыпанием и пробуждением, он не приходит к Солнцу. Оно остается для него темным. Точно так же человек никогда не пришел бы к Солнцу, если бы он имел только астральное тело и Я, без связи с эфирным и физическим телами. Да, но как же он тогда приходит к Солнцу?

Вначале посмотрим, что у нас тут есть. Астральное тело и Я получают доступ к эфирному телу, и, если, в созерцании, это состояние осуществить, - что можно относительно легко достичь, посредством усиления мышления, - если укрепить мышление основательной, энергичной медитацией, можно легко войти в это состояние, - это состояние начинающейся инициации. Можно легко войти в состояние, при котором человек погружается в свое эфирное тело, но ещё не попадает в зависимость от физического тела. Он живет в эфирном теле. Смотрите, в этом состоянии, когда живёшь в эфирном теле и можешь ещё не касаться физического тела, можно очень хорошо мыслить. Правда, при этом ничего не слышно, ничего не видно, но зато можно очень хорошо мыслить. Мышление совершенно не погашено, только зрение, слух и другие чувственные восприятия, - они подавлены. Но мышление остаётся, прежде всего, таким, каким оно было: можно мыслить, правда, можно мыслить больше, чем до этого. Можно мыслить о таких вещах, которые имеются здесь, и можно мыслить о макрокосме. Мышление сохраняется и расширяется, и знаешь точно: теперь ты находишься внутри мирового эфира. Таким образом, находясь в своем

эфирном теле, находишься внутри мирового эфира. Но, будучи втянутым, в этот мировой эфир, полностью испытываешь, переживаешь то, что теперь ты внутри того духовного мира, из которого происходит и чувственный мир. Но ни духовный мир, ни чувственный мир не индивидуализированы. Ты вне индивидуализированного чувственного мира. Солнце больше не светит, звёзды больше не сияют, Луны не видно. Нет больше четкого разграничения между земными царствами природы. Его можно осуществлять только в нормальной жизни, находясь в физическом теле, или при высшем посвящении. Но зато, благодаря затемнению контуров чувственного мира, воспринимаешь общую духовность, бытие духовного.

Если теперь пойти дальше, если охватить сознанием и своё физическое тело так, чтобы начать жить в органах, тогда снова появятся те истлевшие, исчезнувшие существа, за исключением земных, но уже в духовном обличье. Где ранее, при обычном сознании видели Солнце, которое было затемнено, затуманено, но находилось внутри всеобщей духовности, теперь выступает сумма существ второй иерархии. Теперь духовный мир начинают индивидуализировать. Снова появляются Луна, Звезды, но они выступают в своих духовных аспектах, и теперь представляют собой, так сказать, нечто вроде духовных колоний, и становится понятно, как снаружи, поначалу в обычном сознании воспринимали, например, Солнце в физическом облике, - с остальными вещами дело обстоит точно так же, - и почему теперь, с осознанием физического тела, именно, в его духовности, видят Солнце как духовное существо, и так же весь мир. Но теперь становится понятным и то, что с каждым солнечным лучом в нас, сияя, вступает день, что с каждым солнечным лучом в нас входит также духовное. Через любое чувственное ощущение в нас входит дух, поэтому утончённое верхнее дыхание мы рассматривали как непрерывно пронизываемое духом, и мы замечаем, что в каждом чувственном ощущении, которое при этом втекает, живёт Солнце. Это, именно, дух Солнца, или духи Солнца. Солнце живет в каждом чувственном ощущении, так, что в человека, в утонченное дыхание, непосредственно втекает сама солнечная жизнь, сами солнечные силы.

Видите, вот так мы получаем отношение человека к Солнцу. Когда в ваш глаз втекает луч света, с этим лучом света втекает и дух Солнца. Дух Солнца - это субстанция утонченного дыхания. Вместе с чувственными ощущениями мы вдыхаем различные ингредиенты духовного Солнца. Но здесь мы получаем важное представление о человеке со стороны одного полюса. Проявляя себя со стороны эфирного тела, в пределах этого эфирного тела он развивает мышление вселенной, мысли вселенной. И эти мысли вселенной, в которых находится тот, кто сознательно живёт в своём эфирном теле, - эти мысли вселенной поначалу лишены тепла, холода, звучания. Они представляют собой как бы общее чувствование, причем чувствование себя самого, сливается с чувствованием макрокосмоса. Если вступить теперь в дух чувств, охватив сознанием физическое тело, то будет видно, что мысль проникает с самых разных сторон: проникая со стороны глаза, вдыхание эссенции Солнца, мысли, обращается в цвет, через ухо - в тон, через орган, воспринимающий тепло, - в тепло и холод, и теперь вы обладаете космическим пониманием связи мыслительного и чувственного. Мыслительное при этом должно представляться как первичное, а чувственное выступает, благодаря солнечному проникновению, благодаря пронизыванию Солнцем.

Это одна сторона человека. Человек просто не воспринимает, как Солнце со своим существом втекает в него при каждом чувственном ощущении. И теми же путями вместе с Солнцем втекает прошлая карма. И вовсе не ребяческое ощущение, представлять в то же время Солнце как резервуар прошлой кармы. Так что, с пониманием смотря на голову человека, мы должны себе сказать: здесь оккультно течёт солнечный луч, который, втекая, преобразуется в

физическое, которое уже как физическое является в мире цвета, звучания, тепла. Тут, по путям следования солнечных лучей, которые из чувств проскальзывают в нервную систему, в человека в то же время входит карма.

Рассмотрим теперь другую сторону. Обратим наши взоры туда, где вчера мы должны были видеть: карма выходит там, где в организме находится лимфа, где в организме деятельно то, что ещё не вошло в кровь. Здесь мы находим выходящую карму. Что это за пути, по которому выходит карма? Чтобы рассмотреть это, нужно в научно-окультистическом отношении познакомиться с лунными силами.

Если так постепенно перейти через эфирное к тому, с чем уже свыкся сначала, к овладению физическим телом в направлении периферии в отношении чувств, то вся жизнь, истекающая от Солнца, поскольку она несёт с собой прошлую карму, может явиться, как некоторый упрёк, как нечто, вызывающее беспокойство. Но гораздо важнее того, что так беспокоит человека в его карме, если он действительно приходит к этому видению, является всё то, что даёт ему знание: благодаря своему прошлому, ты стал тем, кто ты есть сейчас. То, что человек несёт внутри себя, гораздо богаче, если он воспринимает въезд Солнца в колеснице чувственно-нервных путей. Но в том, как человек абстрагируется от кармы и отдаётся втечению духовных солнечных сил, в этом восприятии солнечного выступает ощущение бесконечного счастья, и возникает чувство, что солнечное является тем, что нужно непрерывно желать, что его нужно добиваться. Кроме того, Солнце является тем, что входит в нас с любовью, если мы этого желаем, и то, что в ослабленном виде мы познаем в физической жизни, как состояние любви. Это происходит в процессе обмена между внутренним миром человека и солнечными воздействиями, которые изливаются в человека в любви, и все то, что действует в человеке как рост, цветение и развитие, вливается в человека вместе с этими живущими в любви солнечными лучами. Поскольку здесь любовь является не просто в виде духовно-душевной силы, а здесь она выступает как сила, которая все физическое призывает к росту, прорастанию и развитию, которая является для человека благом, делает его счастливым во всём, если он это действительно может ценить, и которую он, однако, получает, благодаря своему непосредственному видению.

Если же, напротив, подходить к физическому телу с другой стороны, со стороны сил, которые развивает лимфа для подготовки формирования крови, обнаружатся лунные влияния. Но эти лунные влияния обладают совсем другой особенностью. Итак, мы можем сказать: с одной стороны, действуют духовные солнечные влияния, как мы их описали, с другой стороны - лунные влияния. Когда мы внутренне постигаем процесс крове-лимфо-образования, мы живаемся, как раз, в лунные влияния. Но эти лунные влияния таковы, что нас не оставляет чувство, будто они хотят от нас что-то отнять. В отношении Солнца мы чувствуем, что оно постоянно хочет нам что-то дать, в отношении же Луны мы чувствуем, что она постоянно хочет из нас что-то вынести. И как только мы упускаем это из виду, когда мы не обращаем внимания на восприятие этих лунных влияний, когда мы погружаемся в крове-лимфо-образование, и осознаём там своё физическое тело, когда мы недостаточно владеем собой, недостаточно внимательны в созерцании, то нить внезапно обрывается, и перед нами возникает какое-нибудь духовное существо, похожее на нас, но по большей части карикатурно искаженное, которое мы сами из себя породили. Мы просто проглядели этот переход, будучи недостаточно внимательными. Тогда не удивительно, если мы затем увидим, как оно отделяется от нас и оказывается перед нами. Это едва ли нечто большее, нежели интенсифицированное видение отраженного образа. Когда мы смотримся в зеркало, мы видим его в физическом мире. Когда, благодаря лунным силам, мы видим себя в эфире, - это высшее, интенсифицированное отражение.

Проследим теперь весь этот процесс. Больше здесь ничего особенного нет. Он лишь показывает нам то, как мы связаны с мировым космосом, что Луна постоянно выделяет из нас силы, делает их самостоятельными, что эти силы живут в нас, входят в духовный мир, вливаются в макрокосм, непрерывно вынося из нас в этот макрокосм образы. Но представьте себе, мои дорогие друзья, что, благодаря некому предприятию, такой образ, который лунные силы непрерывно стремятся создать в человеке и который они хотят вынести в космические дали, - что этот образ будет удержан в человеческом теле, останется внутри. Это, ведь, тогда не просто отражение, абстрактный образ, а это уже образ, пронизанный силами. Как же такой образ может быть удержан в человеке? Здесь мы имеем дело с извлекающими лунными силами, которые непрерывно пытаются вынести из человека его образ. Как можно удержать этот образ в человеке, вместо того, чтобы он вышел наружу? Когда это может произойти? - Когда солнечные силы привлекаются с другой стороны так глубоко, что этот образ остаётся в человеке. Тогда образ остаётся внутри, работает в нем, тогда возникает эмбриональная жизнь. Оплодотворение состоит ни в чем ином, как в том, что, посредством этого оплодотворения, солнечные силы втягиваются очень глубоко внутрь, - туда, где лунные силы проникают в лимфу, и, благодаря этому, образ, который в противном случае должен выйти, захватывает физическую материю в человеческом теле. Тогда то, что является лишь образом, доходит до физического воплощения. Вследствие этого происходит то, что является соединением лунных сил с солнечными силами в области лимфы человеческого организма (табл. 5).

Рассмотрим другую сторону. Мы, ведь, можем и лунные силы поднять так, что образуется противоположное, тогда в человеке образуется не снова человек, а внутри него образуется солнечный макрокосм. Тогда человек видит то, что является макрокосмическим, в некотором другом смысле. Когда образуется эмбрион, в человеке возникает физический мир, который должен выйти из него наружу. Когда же с другой стороны действуют лунные силы со своей алчной натурой, - ведь, они же хотят привлечь и захватить солнечные силы, - тогда в человеке образуется дух мироздания. Возникает дух мироздания, духовное эмбриональное. Хорошо, но что вы тогда имеете? Тогда вы имеете возможность образовать то, что должно прийти из духовного мира, что до земной жизни находилось в духовном мире, - оно вживается тогда духовно-эмбрионально. Тогда в человеке образуется связь между обоими.

Проследить эти вещи до того места, где они непосредственно смыкаются, - это то, что, собственно, только и может объяснить отношение человека к мирозданию. Ну, и здесь повсюду имеется помощь. Солнечному воздействию, которое здесь объединяется с лунным, помогают Марс, Юпитер, Сатурн. Какие же задачи имеют Марс, Юпитер, Сатурн? Вспомните, мои дорогие друзья, что я говорил вчера. При этом вхождении солнечного: вначале должен осуществиться стоп для света; второй этап: должен быть остановлен макрокосмический химизм; третий этап: стоп для жизни. Силы Сатурна останавливают свет, силы Юпитера со своей мудростью останавливают мировой химизм, силы Марса останавливают жизнь. Таким образом, вы имеете вхождение солнечных сил, модифицированных силами, так называемых, других внешних планет, в отдельном, конкретном. С другой стороны у нас тут имеются модифицированные лунные силы, которые, собственно, если они действуют в полную силу, ведут к эмбриональному, то есть, к физическому формированию; если они ослаблены в сторону духовного, если они не приходят к физической материи, то при просто душевных жизненных силах остаётся Венера, а если они ослаблены ещё больше, так что в повседневной жизни всегда имеют возможность объединиться с тем, что приходит с другой стороны, они становятся силами Меркурия, посланца Богов, который в обычной земной жизни выводит нижние силы к верхним.

Посмотрите на правую и левую части табл. 5. Если мы взглянем на то, что действует снаружи, сначала в растительном мире, то там действуют Солнце, Луна и звезды. Если мы посмотрим внутрь, то внутри также Солнце, Луна и звезды, совершенно точно соответствующие внешним. Если что-то не в порядке внутри, то это означает, что что-то не в порядке во внутреннем взаимодействии Солнца, Луны и звезд. Чтобы привести его в порядок, мы, как терапевты, должны для внутреннего неверного влияния, например, Луны, найти соответствующее наружное влияния Сатурна и тому подобное. Ведь, все это там, снаружи. Таким образом, вы видите, начало доверия к медицине можно положить тогда, когда будет понято, что человек внутренне охватывает мир. Это то, что мы, в свою очередь, хотели бы внести в медицину, поскольку оно было когда-то внутри этой дисциплины. Только когда эти вещи будут снова осознаны, удастся установить активное внутреннее доверие к медицине.

Посмотрим на другую сторону. Прежде всего, взглянем на всё то, что является в человеке лунным воздействием, что непрерывно стремится вытянуть из человека человеческое и вынести его в мировой космос. Ведь, этот образ стоит перед нами: человек, который стремится выйти из человека, который хочет быть перенесённым в мировой космос. Это должно быть поставлено перед человечеством не в абстрактной форме, а в образе, - это чудовищно потрясающая тайна, что лунное влияние постоянно хочет вытянуть человека из себя, чтобы сделать для него очевидным его родство с макрокосмосом. Он появляется на Земле во внутреннем эмбриональном образовании, но, поскольку это непосредственное лунное влияние утончается действием Меркурия и Венеры, он рождается затем не физически, а духовно. И мы можем, - если к физическому рождению мы добавляем то, что можно добавить, обратившись к тому, что возникло из чисто лунного воздействия, воздействия Меркурия и Венеры, - мы можем к этому физическому рождению человека в человеке добавить духовное рождение человека вне человека в мировом космосе: мы крестим человека.

К тому, что в человеке присутствует всегда, к физическим солнечным влияниям, мы можем добавить сознание, что в него входят духовные солнечные влияния, что в направлении физически-эфирных лучей солнечного света, химических лучей, жизненных лучей непрерывным потоком струится духовное, что духовное существо входит в человека через чувства теми же путями, что и входит в него физически-эфирное солнечное влияние. Как в обычной физической жизни человек принимает физически-эфирное солнечное влияние, так мы позволяем ему принимать духовно-душевное солнечное влияние, то есть, мы даем ему причастие.

Если мы будем исходить от причастия, мы обнаружим, что на одной стороне стоит то, что связано с помощью, которое получает Солнце, с затмением и светом, с непрерывным втягиванием смерти и жизнью. Мы выходим вовне, к внешним планетам, связанным с Солнцем, и в должный момент добавляем к причастию соборование.

Или мы также входим внутрь человека и удерживаем его там, прежде чем он достигнет макрокосмоса, чтобы не просто вставить его как человека в макрокосмос, а макрокосмос вращать в него самого как образ, так, чтобы макрокосмос стал в нем зародышем дальнейшего развития. Мы даем ему силу макрокосмоса, конфирмацию.

Если в эти вещи погрузиться в полном сознании, если воспринимающий сакраменты живёт в полном их осознании, тогда, посредством этих сакраментов, человек непрерывно излечивается от общих проявленных или ещё непроявленных болезней, которые возникают, благодаря его контакту с физическим миром. Это дело священника.

Или может случиться другое, что человек постоянно, в силу своей природы, находится в *status nascendi*, в состоянии возникновения того, что хочет стать

свободным в духовном, что хочет выйти из физического, но должно во время жизни оставаться с ним связанным, и поэтому вызывает во внутреннем не бездуховность, а сверхдуховность, болезнь. Когда человек заболевает, мы даем ему лекарственные средства как другой полюс сакраменты. Это дело врача.

На одной стороне мы видим духовное врачевание священника, на другой стороне, священнодействие врача, и если мы эту координацию признаем, мы поймем, какова связь пастырского и медицинского. Тогда пастырская медицина будет представлять собой не только теоретическое учение, но и человеческое сотрудничество.

Девятый доклад Дорнах, 16 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Вы видели, насколько важно связать болезнь с духовной жизнью и переживаниями человека, и понимание, с которым мы должны воспринимать болезнь, рассматривая ее, как раз, с тех двух сторон, которые, прежде всего, входят в рассмотрение пастырской медицины, мы можем обрести, собственно, только на пути такого рода рассмотрения. Поэтому сегодня мы еще раз рассмотрим болезнь в связи с духовной жизнью, на это раз, с точки зрения, которая позволит нам наилучшим образом осветить её сущность.

Мы находимся попеременно в двух состояниях, бодрствования и сна. То, что можно сказать об этих вещах в общем, в качестве содержания мировоззрения, - это, ведь, вы все уже знаете.

Сегодня мы пристальнее взглянем в то, что происходит в человеке во время сна. Мы имеем при этом физическое тело и эфирное тело, предоставленных самим себе. Мы имеем астральное тело и Я, также предоставленных самим себе. Если мы посмотрим вначале на физическое и эфирное тела, то здесь мы знаем, что, в силу того, что они из себя представляют, внутри этих физического и эфирного тел, происходят определенные явления, которые в промежутке между засыпанием и пробуждением протекают совершенно независимо от влияний астрального тела и Я. В такой организации, как человеческая, мы имеем дело с процессами, которые так, как они должны протекать, вообще совершенно не приспособлены к человеческой организации. В физическом теле мы имеем дело с физическими процессами. Физические процессы разыгрываются вовне в минеральном царстве. К ним они приспособлены. Но человеческому строению в целом, как физическому телу, они не подходят. И, тем не менее, физическое тело человека в период между засыпанием и пробуждением, так сказать, отдано физическим процессам так же, как им отдано минеральное царство. Мы должны принять во внимание это противоречие, имеющее место в человеке, как раз, во время сна. Он должен быть миром физически действующих сил, но быть им, собственно, не может. В этом, как раз, причина того, что во время сна в физическом теле человека разыгрываются процессы, которые, если их не нейтрализовать, являются процессами, вызывающими заболевание.

Когда высказывают общие утверждения, вроде того, что сон оздоравливает, то такие утверждения, конечно, в определенном смысле совершенно верны, но они верны только при известных условиях, и это не должно мешать нам непредвзято рассматривать то, что есть. Физические процессы в физическом теле человека только тогда могут быть оздоравливающими, когда в это физическое тело погружены Я и астральная организация, что, ведь, всегда происходит при пробуждении, - так и должно быть, что это постоянно прерывается состоянием сна, поскольку, благодаря этому состоянию сна, в физическом человеке постоянно осуществляется распад, который и должен осуществляться для того, чтобы в человеке вообще могла развёртываться душевная жизнь, духовная жизнь. Поскольку с восстанавливающими процессами духовная жизнь не связана, она связана только с процессами распада. Таким образом, во сне процесс распада должен быть обеспечен в такой мере, чтобы бодрствующее состояние в период от пробуждения до засыпания могло развернуться в том же количестве, что и процессы распада. Если, вследствие нездоровья сна, процессы распада будут осуществляться в большем количестве, остаток от этих процессов распада остаётся в человеческом организме. Тогда в этом процессе распада мы имеем внутреннюю причину болезни.

Если, расширяя наше рассмотрение, мы охватим и эфирное тело, то в отношении эфирного тела дело обстоит так, что во время сна оно в состоянии осуществить только те процессы, которые иначе происходят в растительном царстве. Когда астральное тело и Я погружаются в эфирное тело, эти процессы, в свою очередь, постоянно проявляются на более высоком уровне. Но когда они осуществляются в период между засыпанием и пробуждением, они осуществляются так же, как и в растительном царстве, то есть, опять-таки не соответствуют человеческому организму, и требуют уравнивания со стороны астрального тела и Я. Когда остаётся переработанный остаток, снова появляется возможность заболевания. Так что мы можем сказать: сон может научить нас тому, каким образом в человеческом организме возникают причины болезней; поскольку эти болезнетворные причины в основе своей являются нормальными процессами сна, которые в то же время представляют собой основу для духовно-душевной жизни человека. - И в этом, как раз, состоит тайна мира, что повсюду, где мы сталкиваемся с реальностью, имеется две стороны. На одной стороне, в состоянии сна физического и эфирного тел лежит основа для духовного развития человека, на другой стороне, посредством тех же процессов, - причина заболевания. Тем самым становление болезни непосредственно входит в духовное развитие, и мы можем сказать: то, что действует в физическом и эфирном телах человека, во время сна является, в сущности, базисом патологии.

Теперь с этой точки зрения рассмотрим человека, который во время бодрствования недостаточно погружён в свои физическое и эфирное тела, как мы обнаружили это у слабоумных, у психопатов. Тогда душевно-духовное такого человека включается в болезненные процессы, живет в болезненных процессах, и этому знанию, - что психопаты и, так называемые, душевнобольные проживают свое внутреннее бытие в единстве с причинами, вызывающими болезнь, - можно придать особую ценность. Видите, такие вещи нужно рассматривать точно.

Но перейдем к рассмотрению внешнего мира. Возьмём, чисто схематично, физическое тело человека, (табл. 6, слева) и рассмотрим, также чисто схематично, относящийся к нему внешний минеральный мир, тогда во время сна мы имеем здесь, внутри физического тела человека, процессы, в которых Я участия не принимает. Они развиваются сами по себе, без внутреннего действующего мотора. Но это Я находится внутри всего, что здесь является минеральными процессами. Поскольку здесь находится то, что мы можем

назвать мировым Я. Таким образом, на одной стороне, в процессах физического человеческого тела мы имеем что-то такое, в чём Я отсутствует, то есть, сумму лишенных Я процессов. А снаружи, в окружающем мире мы имеем сумму минеральных процессов и минеральных субстанций, пронизанных Я, то есть, всеми теми иерархиями, которые идентичны Я. Эти процессы и минеральные субстанции имеют Я.

Поэтому, предположим, что в физическом теле человека мы заметили процесс, которого там быть не должно, который является болезненным процессом. Он лишен Я. Как к нему подступиться, если мы хотим его вылечить? Мы можем это сделать, если то от Я, чего в нем не хватает, что является в нём избытком сна, то есть, что является в нём сном во время бодрствования, если это мы найдем снаружи, в минеральном мире. Тогда у нас будет лекарство. Если мы добавим его человеку, возникнет сродство с соответствующим органом; и, благодаря этому, он получит то, чего не хватает больному органу, то есть, силы Я. Видите, это процесс, который лежит в основе всех наших стремлений поиска лекарств для физического тела больного человека в окружающей неорганической природе. Тут мы должны найти то соответствующее, что обладает силой Я, - тогда оно будет действовать исцеляюще. Таким образом, переход от патологии к терапии основан на точном знании связей между процессами физического тела человека и минерального мира, с одной стороны, а также эфирного тела человека и внешнего мира, действующего в растительном. Здесь дело обстоит точно так же. Замечая, что нечто буйно разрастается, посредством эфирного тела, мы обнаруживаем: здесь эфирному телу не хватает соответствующего воздействия астрального тела; поэтому мы должны найти его где-нибудь в растительном мире, и мы получим соответствующее лекарство. Это для ориентировки.

Отсюда вы видите, что дух природы, дух в минеральном и растительном царствах нужно познавать в широчайшем охвате вселенной. Мы должны познавать дух, а не субстанцию, поскольку в действительности человека нужно лечить духом минеральной и растительной природы. Субстанцию вы имеете только в том состоянии, в котором она неверно подчинена духовному, но духом обладает. И тот, кто хочет лечить, не зная духа камней и растений, тот, собственно, может лишь вслепую использовать традиционные данные, может пробовать, помогает ли то или иное, но он никогда не поймет, почему это помогает, поскольку он никогда не узнает, где в каком-либо минерале сидит дух, или как он сидит, так что врачебная деятельность заранее предполагает спиритуальное мировоззрение, и величайшей аномалией нашего времени является то, что именно в медицине господствует эта ужасная болезнь материализма. Поскольку материализм в медицине - это истинное заболевание. Эта слепота означает засыпание в науке, образование в ней вредящих душевных веществ, и потому её надо бы, собственно, лечить. Можно сказать, что самый больной человек нашего времени не тот, кто был им среди европейского населения в XIX веке, не турок, а самый больной человек нашего времени - врач. Это истина, которую врачи должны знать и, в крайнем случае, ещё теологи, но в том, ведь, и состоит эзотерическое, что эта истина остаётся в том кругу, которому доверена.

Теперь рассмотрим предмет еще более точно. Есть люди, которые не являются психопатами или безумными в том смысле, в каком о психопатии или безумии говорить оправдано, но которые, согласно рассмотрением последних дней, всё же так погружены в свои физическое и эфирное тела, что вступают в определённую связь, в воспринимаемую ими связь с болезненными состояниями, с болезненными процессами. Тут мы встречаемся с теми сомнамбулами, существование которых вовсе не является суеверием, а в мире часто описывалось, и известно любому посвящённому, - мы встречаемся с теми сомнамбулами, которые в своем сомнамбулическом состоянии дают описания

своих болезней. Они погружаются в свои физическое и эфирное тела. В то время как обычный нормальный человек соединяет себя с физическим и эфирным телами так, что мы, выражаясь педантично и научно, можем сказать: в бодрствующем состоянии Я и астральное тело вступают с физическим и эфирным телами в соединение, которое, в соответствии с его соединяющим качеством, является удовлетворительным соединением, - тут мы можем о таком больном человеке сказать: Я и астральное тело входят в физическое и эфирное тела не в соответствии с их атомными весами, в переносном смысле, а от астрального тела и Я остается некоторая часть, которая погружена не целиком, и которая воспринимает. Воспринимает только та часть Я и астрального тела, которая не погружена в эфирное и физическое тела. Когда имеется подобный избыток астрального тела и Я, происходит внутреннее восприятие. Сомнамбулы описывают свое заболевание. Но как? В определенных случаях возникает, ведь, другое состояние, которое я вам тоже описывал, где нормальное состояние на время нарушено в сторону сна. Если Я и астральное тело выходят из физического и эфирного тел наружу, и если затем в Я и астральном теле происходят вещи, которые теперь не вписываются в это духовно-душевное, так же, как другие вещи, которые я описывал, не вписываются в физическо-эфирное, если слишком много Я и астрального тела переживается во время сна, как в другом случае физическим и эфирным телами может быть пережито слишком много природного, - тогда возникает это граничащее с патологией ясновидение. Тогда человек вносит в сон определенную силу, позволяющую воспринимать духовное. Затем он переносит в бодрствующее состояние воспоминания об этом духовном восприятии, но, прежде всего, это духовное восприятие, которое присутствует в ненормальном состоянии между засыпанием и пробуждением, втекает в сновидения. Оно является в живых сновидениях, и тогда мы снова замечаем то, что хорошо знает каждый посвященный: эти сновидения, если их правильно рассматривать, наполнены следующим.

Предположим, что больной, физически больной, обладает теми особенностями, которые я описал. Со своим духовно-душевым он погружается в физическое и эфирное тела. Тогда он переживает болезнь так, что он описывает ее в сомнамбулическом состоянии. Он переживает то, что происходит в его физическом и эфирном телах, как слишком сильный процесс распада, то есть, в своих физическом и эфирном телах он переживает, своего рода, обратный природный процесс. Теперь предположим, что со своим астральным телом и Я он находится снаружи. Тогда, ведь, он переживает духовное внешней природы. Предположим теперь, что здесь, внутри обнаруживается больной орган (табл.6, в центре), который болен потому, что какой-нибудь внешний процесс выражается, как раз, болезненным образом. Это переживается в сомнамбулическом состоянии. Здесь описывается внутренний процесс. Находится человек в полярном состоянии, - сомнамбулизм действует в его Я и астральном теле, если они располагаются более вне пределов физического и эфирного тел; если же это входит в сновидения, человек переживает то, что является духовным в минералах, он переживает тогда соответствующий дух минерала; и что же он видит во сне? Во сне он видит свое лекарство. Видите, здесь перед вами связь для некоторых вещей сомнамбулической жизни. В сомнамбуле чередуются два состояния, которые я охарактеризовал. В одном состоянии он сновидит свою болезнь, в другом состоянии, - своё лекарство, и здесь нам открывается способ, каким в древних мистериях искали патологию и терапию.

Тогда не так экспериментировали, как сейчас. Тогда больного приводили в храм, и там, соответствующим образом подготовленный жрец приводил его в, своего рода, сомнамбулическое состояние, в котором тот описывал свою болезнь. Затем вызывался полярный сомнамбулизм, жрец переживал

сновидение, содержащее в себе терапию. Это было тем исследованием в старых мистериях, которое вело от патологии к терапии. Так в древние времена образовывалось искусство врачевания, - образовывалось посредством того, что знание о человеке при помощи старых методов исследования искали в самом человеке.

Мы должны прийти не к этим методам, а к таким, где, посредством имажинативного переживания, мы тут же оказываемся в состоянии проследить процесс заболевания, где мы переживаем процесс оздоровления, посредством интуитивного метода, который выводит, а не вводит в человека. То, что раньше представляло собой некий вид эксперимента, как раз, в этой области должно стать строгим наблюдением. Вы видите, в каком, собственно, направлении нужно двигаться. Внешняя физическая наука, которая в прежние времена была чисто созерцательной, перешла к эксперименту, всё больше и больше заменялась экспериментом. В этом она права. Но наука врачевания последовала в этом за ней, и в этом она не права. Раньше она проводила с человеком эксперимент, с помощью храмовых изысканий. От этих экспериментов мы должны найти переход к тщательно пронизанному духовным, оплодотворенному наукой наблюдению жизни. Поскольку, кто наблюдает жизнь, может обнаружить болезнь всюду. В простейших проявлениях повседневной жизни, которые лишь немного отклоняются от, так называемого, нормального, иногда содержится нечто такое, что при правильном наблюдении может привести к познанию сложнейших болезненных явлений, если только рассматривать вещи в верном контексте.

Но это ведёт к тому, что врач все более и более должен становиться практиком, что является движением в обратном направлении по отношению к развитию, которое было проделано в новейшее время под влиянием материализма. Врач постепенно превратился в простого учёного, но в этом нет никакого смысла. Врач только тогда действует осмысленно, когда он может использовать законы природы в живом деянии, а не познавать их только в абстрактном смысле. Посредством абстрактного познания прийти к овладению природных законов невозможно. Тут мы рассмотрели предмет с одной стороны. Взглянем на них теперь с другой стороны.

Взглянем на них с другой стороны, со стороны священника, сказав себе: профессия священника состоит в том, чтобы направлять человека там, где Я и астральное тело последнего должно каким-то образом погрузиться в духовный мир, то есть, где человек должен принять участие в жизни духовного мира. Врачу необходимо духовным образом всматриваться в существо человека, духовным образом рассматривать патологические процессы, - а где же должен искать священник? Священник должен искать в том, что вводит человека в духовный мир, что настраивает человека на духовный мир, в любви к духовному миру, в состоянии пронизанности духовным миром, как это имеет место уже в обычной жизни, касаться всего того, что в этой области представляют собой нормальные и ненормальные проявления человеческой души. Проследим теперь для него процесс, обратный тому, что мы должны были проследить в отношении врача. В отношении врача мы говорили: если он позволяет сомнамбуле описать больной орган, то в состоянии сновидения она опишет лекарство.

Возьмём теперь священника, таким, каким он был в древних мистериях. Его не просто интересовало нахождение лекарственного средства, хотя, как человеколюба, его в первую очередь, конечно, интересовал вопрос лечения. Но он не останавливался на лечении, его интересовало еще нечто другое. А интересовало его следующее. Он видел, что сомнамбула во сне наблюдает лекарственное средство, поскольку со своим Я и астральным телом она находится в духовном мире. Посредством своего видения жрец наблюдал это пребывание в духовном мире, это душевное пребывание в духовном мире, и

прослеживал его снова назад, в тело. Что же он там находит? Там он, естественно, снова оказывается у больного органа, но теперь, из того, что он воспринял снаружи, он знает, как в этом органе, в здоровом состоянии, действуют астральное тело и Я. Благодаря тому, что он снова возвращался к больному органу, он узнавал, каким образом последний действует в здоровом состоянии. Следствием этого было восприятие того, как астральное тело или Я захватывают человеческий организм со стороны божественно-духовных сил в нормальном состоянии, как они тогда устраиваются в человеческом организме. Он знакомился с ними в их здоровом состоянии, посредством сновидения в духовном существе мира, и получал представление о том, как они будут вести себя, когда снова погрузятся в тело. Он получал внутреннее отношение человека к духовному миру.

Это то настроение, с которым священник может сопровождать сакрамент, когда он вносит в него духовный мир, поскольку духовный мир притягивается к сакраменту посредством учреждения культа. Культ связывает духовное с физической субстанцией, как раз, в силу внутренних представлений о том, как духовное связано с материей. Пронизанное духом физическое существо вводится обратно в человека, и в человеке устанавливается связь, которая соединяет его астральное тело в пределах физического и эфирного тел, его Я в пределах физического и эфирного тел, с божественно-духовным мировым бытием. В этой связи всё зависит от того, чтобы сакраментализм рассматривался со стороны священничества с таким душевным настроением. Все зависит от того, чтобы мы пропитались такими вещами, как связь между переживанием в теле и переживанием вне тела, тайнами патологии посредством наблюдения покинутого тела, тайной терапии посредством наблюдения отклоняющейся от нормы жизни, жизни в духовном мире, или также нормального восприятия в духовном мире. То, что в древние времена было открыто в храмовых святилищах с помощью великолепного существа сомнамбулизма, должно быть снова открыто, благодаря тому, что человек разовьет духовное познание в себе самом и снова сможет наблюдать эти связи. Эксперимент в этой области должен вливаться в наблюдение.

Важно и то, чтобы врачи и священники, стоящие внутри антропософского движения, были объединены знанием таких фактов. Это то, что действительно объединяет, что понижывает нас другим знанием, нежели тем, которым обладают другие. В противоположность этому, все постановления о создании объединения, или союза, или группы, - всё это, как раз, абстракция. Действительно связующим является обладание определенным знанием. Те, кто владеют этим знанием, принадлежат друг другу и должны чувствовать себя принадлежащими друг другу. Внешнее объединение должно быть выражением этой внутренней связи, возникшей, благодаря этому знанию. Наше время болеет в этом отношении многим.

Подумайте только о том, как часто сегодня с самыми лучшими намерениями призывают, например, к объединению молодежи, - хотя я вполне разделяю эти устремления, - но это исключительно трудно, когда вместо конкретного, что должно наполнить душу, сразу же говорят: первое, самое важное, что нужно сделать - это объединиться! - Ведь, в последние десятилетия все только и говорят об объединении. Объединяются, считая, что, если к нулю добавить нуль, потом ещё нуль, то есть, составить вместе 0 0 0 0 0 и так далее, то из этого что-нибудь получится. Сознание, которое ещё ничем не наполнено, объединить с сознанием, которое также ничем не наполнено, соединить с третьим сознанием, которое опять-таки ничем не наполнено, - это ничего не даст. Напротив, нужно только предусмотреть наполнение, то, что лежит в основе всех нулей, единицу, тогда вы что-то получите. Должен найтись не человек, а наполнение, тогда это уже что-то. Конечно, только курьезным образом можно предположить, что знание

сущностно само по себе, даже без человека. Над этими вещами стоит поразмыслить в наше время, когда находят слишком неудобным искать конкретное и поэтому абстрактное постоянно хочет объединиться. Объединяться хорошо, но это уже произойдет само, когда появится конкретное.

Теперь здесь у нас снова нечто такое, на что, вероятно, в первую очередь должны обратить внимание те, кто действует сегодня в обществе в качестве врачей и священников. Поскольку сегодня повсюду можно наблюдать две вещи. Я и астральное тело человека, не смотря на всё, что имеет место в бодрствующем состоянии, по сути, не находят надлежащим образом физическое и эфирное тела. Дело обстоит так, что, собственно говоря, тому, кто может рассматривать мир в его становлении, материалистические представления не причиняют особых страданий. Пусть мистики и всякие прочие люди спорят между собой. Это конечно невозможная вещь, но, собственно, не самая вредная в процессе развития человечества. Поэтому те, кому понятен этот процесс развития, неохотно участвуют в спорах о мировоззрениях. В конце концов, у одних одно мнение, у других другое: мнения – это, ведь, ужасно тонкие вещи в человеческой душе, они не слишком сильно действуют на реальность. Мнения – это пена над реальностью. И то, что при столкновении друг с другом один мыльный пузырь лопнет, другой будет забрызган, а третий станет немного потолще, это никому не повредит. Но подумайте о том, что в действительности никто не может быть материалистом, если своим Я и астральным телом он правильно сидит в своих физическом и эфирном телах. Потому что быть материалистом, в тонком смысле, означает быть больным. И это знание надо впитать в себя: быть материалистом означает быть больным. И поэтому нет ничего удивительного, что другие, правильно сидящие в своих физическом и эфирном телах, оказавшись рядом с таким больным материалистом, развивают другой полюс, - всевозможные неясности спиритуализма.

И здесь мы вступаем теперь в область, где, поскольку действие разворачивается не в тех частях мира, которые ещё связаны друг с другом, а в частях мира, которые уже повержены в хаос, и свалены в кучу, - здесь мы вступаем в область, где одно уже не является целебным проявление другого, а существует само по себе. Пока больной говорит о процессах в своих внутренних органах, его сновидения связаны с целебными силами внешнего мира, которые соответствуют этим больным органам. Но как только человек, вследствие заболевания материализмом, начинает описывать свои внутренние органы не изнутри, а раскрывает свой организм с другой стороны, желая описать внешний мир, как это имеет место в материализме, тогда действует противоположность сновидения, ложный спиритизм, уже не как целебное средство, а, напротив, как усилитель заболевания.

Итак, сегодня, в наше время, если мы всю медицину, относящуюся к человеку, сравним с тем, с чем ее по праву можно сравнить: с патологией культуры, с терапией культуры, если мы возьмем все это, то мы обнаружим, что спиритизм, например, ни в коем случае не является лечебным средством, а соответствует состоянию сновидения для материализма, соответствует сомнамбулическому описанию внутренних органов. Если какой-нибудь процесс, который должен охватывать внутреннее, прорывается у человека во внешний мир, - мы можем наблюдать такие патологические состояния при сыпи, где ситуация в точности соответствует тому, о чем я вам говорил, - тогда то, что наблюдалось внутри, выступает наружу не как нечто здоровое, но как болезненное отклонение. Поэтому врач должен, собственно, знать, что материализм как болезнь – это сыпь, - так его и надо рассматривать с врачебной точки зрения.

Затем, от такого врачебного взгляда, можно уже перекинуть мостик к взгляду священника, который исходит с противоположной стороны, - к взгляду священника, который всматривается в болезненные душевные явления в человеке, возникающие из его притязаний, из его эмоций. Это имеет место также при спиритизме. И тогда приходят к познанию того, что болезненная жизнь в самом широком смысле хочет вчлениваться в мировой космос, как все то, что есть больного в мировоззрении в смысле задействованности воли, то есть, что, собственно, изживается в поступках, - как всё это должно действовать внутри человека в действительно болезненном состоянии.

Итак, в современную эпоху развития человечества мы не сможем видеть того, что, вследствие других предпосылок человеческой природы, было отчетливо видно в древние времена, а именно, ложную ориентацию воли, ложное мировоззрение, ложные жизненные установки, что в смысле древних обозначалось как «грех», - мы не сможем видеть непосредственно, как это переходит в процесс заболевания организма, поскольку этот переход в таком непосредственном виде и не осуществляется. Мы обращаем на это внимание только в редчайших случаях, только в тех случаях, которые представляют собой промежуточные ступени между болезнью, в собственном смысле, и грехом. Последние снова переходят в состояния, которые лишь примыкают к болезни. Но грех и собственно болезнь в современной эпохе развития, соотносятся между собой так, что они отделены друг от друга двумя инкарнациями. В прежние эпохи развития человечества дело обстояло так, что грех и болезнь воспринимались как причина и следствие иногда в пределах одной инкарнации; теперь же, вследствие прогрессирующего развития, грех и заболевание разделены инкарнациями. Грех в одной инкарнации, болезнь в другой.

Здесь начинаются владения священника. И священнику теперь, если он просто соблюдает традиции древних времен, не позволительно больше говорить, что грех является причиной болезни. Но если он переходит к воззрению о повторяющихся земных жизнях, он может об этом говорить, поскольку тогда он снова говорит, исходя из истины. Поэтому многое из того, что сегодня во внешнем мире говорится об этих вещах со стороны священничества, не является больше верным, так как больше не соответствует фактам. Эти учения возникли в древние времена, и сегодня отсутствует воля, чтобы преобразовать это учение в соответствии с требованиями нашего времени. Мы должны свыкнуться со всем этим, и тогда станет возможным сделать эти рассуждения о пастырской медицине плодотворными для обеих сторон.

Теперь я намерен, - поскольку это, ведь, действительно представляется желательным, чтобы друзья могли устроиться, - я намерен завтра и послезавтра прочитать еще два доклада из пастырской медицины.

Десятый доклад Дорнах, 17 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Что в наше сегодняшнее время постоянно упускается из виду в исходящем из духовного мира действии, и воле к действию, - так это то, что, вообще, свойственно любому духовному действию: что в человеческих

мыслях и чувствах может содержаться активность, творческая сила. То, что лежит в основе этого, полностью забыто в эпоху материалистического образа мышления, и, по-сути, человечеством сегодня совершенно не осознается. Поэтому именно в этой области постоянно совершается, своего рода, безобразия, - безобразия, которое среди нас в условиях нашей цивилизации получило весьма широкое распространение. Вы ведь знаете, что из всевозможных центров, или как их еще можно назвать, людям посылаются различные указания, относительно того, как можно развить мыслительные силы, как сделать мысли более мощными. Но хотелось бы сказать, что тем самым, повсюду рассеиваются семена того, что ранее в духовной жизни называли, и продолжают называть сейчас, «черной магией». Как раз, на такие вещи, являющиеся причиной одновременно и душевных, и телесных заболеваний, должны, в процессе распространения своего влияния на культуру и развитие цивилизации, обращать внимание как врач, так и священник. Поскольку, когда уделяется внимание, именно, таким вещам, совершается то, что играет очень важную роль как в предупреждении, так и в более успешном познании болезни и болезненных явлений душевной жизни человека. Ведь, такими указаниями хотят наделить человека силами, которые в нём обычно отсутствуют, и это часто используется для достижения нечистых целей. В этом направлении уже сегодня существует множество разнообразных рекомендаций: например, как к этому могут прийти торговые агенты, чтобы совершать свои торговые операции и тому подобное. В этой области сегодня ужасно много злоупотреблений.

Но, смотрите, что же лежит в основе этого? Если относительно этих вещей не будет достигнуто истинного знания, как раз, в областях медицины и теологии, положение будет всё хуже и хуже. Поскольку мышление современных людей, а, именно, научное мышление, сформировалось под мощным влиянием материализма. Поэтому, когда сегодня в различных формах высказывается удовлетворение относительно того, что в науке материализм будто бы поколеблен, что повсюду наблюдается тенденция выходить за рамки материализма, - как раз, это, мои дорогие друзья, на того, кто в этих вещах разбирается, производит крайне неприятное впечатление. Эти ученые, которые на современный лад хотят преодолеть материализм, а также те теологи, которые на современный лад хотят преодолеть материализм, для того, кто эти вещи понимает, собственно, еще хуже, чем закосневшие материалисты, которые, вследствие абсурдности своего собственного предмета, постепенно делают невозможным и этот. Со всеми своими разговорами о спиритуализме, идеализме, и тому подобном, они только пускают пыль в глаза и себе и другим.

Ведь что делают, когда пытаются, на манер Дриша или каким-нибудь другим способом, выйти за рамки материальных явлений? Берут те же самые мысли, которые на протяжении столетий служили для того, чтобы мыслить материальное, и которые абсолютно не пригодны ни для чего другого, кроме как мыслить материальное, и применяют их для того, чтобы мыслить духовное. Но эти мысли для этого не пригодны! Это возможно только в действительной духовной науке. Поэтому появляются такие странные вещи, которых сегодня совершенно не замечают. Так, например, официально признанный миром, в действительности же ужасный дилетант Дриш, говорит о том, что нужно признать существование «психоидов». Но, мои дорогие друзья, если вы хотите что-либо уподобить какой-то вещи, эта вещь должна где-то существовать. Вы не можете говорить об обезьяноподобном существе, если не существует обезьян. Вы не можете говорить о психоидах, если вы не признаете существования в человеке души! И такая болтовня считается сегодня настоящей и даже устремленной к лучшему наукой. Это нужно понимать. Поэтому тот, кто, обладая научным образованием, стоит внутри антропософского движения, сможет представлять собой какую-то ценность

для развития цивилизации только в том случае, если он не будет позволять ослеплять себя блеском заблуждения, а будет совершенно точно видеть то, что действительно необходимо, и использовать это в отношении материализма.

Поэтому надо спросить: каким образом сегодняшнюю пассивность мышления можно снова преобразовать в активность, творческую силу? Как должны действовать священник и врач, чтобы творческое вливалось в ведомую духом, стремящуюся быть ведомой духом, работу человека? Мысли, а именно те, что развились на материальных процессах, оставляют творческое снаружи, в материи, а сами остаются совершенно пассивными. В том и особенность сегодняшнего мира мыслей, используемых в современной науке, что они совершенно пассивны, бездеятельны, инертны. То, что в этих мыслях не содержится ничего творческого, связано с воспитанием, целиком погруженным в сегодняшнюю пассивную науку. Человек сегодня образован и воспитан так, что он не приходит к творческим мыслям из-за страха, что придя к какой-нибудь творческой мысли, он будет не фиксировать объективную реальность, а будет к ней нечто добавлять. Это вещи, которые нужно понимать. Но как же можно прийти к творческим мыслям? Смотрите, к творческим мыслям можно прийти только в том случае, если развить действительно познание человека; поскольку человек не позволяет познавать себя творчески, - он сам является творческим по существу. Если хочешь познавать, надо творчески воспроизводить познаваемое. Посредством пассивного мышления сегодня познается лишь периферия человека, внутреннее же его содержание остается незатронутым. Нужно добиться действительно понимания положения человека в мире. Поэтому сегодня мы поставим нечто вроде цели, лежащей в конце отдаленной перспективы, но которая может сделать наши мысли творческими, а также, действительно, содержит в себе тайну как сделать мысли творческими, - такую цель мы поставим перед душой, включив при этом в наше рассмотрение некоторые моменты, уже известные нам из общих антропософских докладов.

Представим себе схематично, мои дорогие друзья, зарождающуюся вселенную в форме окружности (табл. 7). Мы можем сделать это схематично, поскольку становление вселенной во времени действительно представляет собой своего рода ритмические повторения, правда, по восходящей линии, - относительно некоторых явлений, также и по нисходящей линии, - но повсюду во вселенной мы находим, например, ритмы смены дня и ночи, другие ритмы, ритмы смены ледниковых периодов и так далее. Если мы будем придерживаться тех ритмов, которые для человеческого восприятия являются наибольшими, мы придем к так называемому платонову году, который, ведь, всегда, когда ещё рассмотрения мира были лучше, играл в них важную роль.

К этому платонову году приходят, наблюдая точку восхождения Солнца в день начала весны, 21 марта. Тогда Солнце восходит в совершенно определенной точке неба. Эту точку можно видеть в созвездии, и её местонахождение отмечают в продолжении всех времён, поскольку каждый год она немного смещается. Если мы точно определили местоположение точки весеннего равноденствия на небесном своде, скажем, в прошлом, 1923 году, и наблюдаем её снова в 1924 году, то она оказывается уже не на том же самом месте, а будет сдвинута по линии, соединяющей созвездие Тельца с созвездием Рыб. В этом зодиакальном направлении происходит сдвиг точки весеннего равноденствия. Итак, она ежегодно немного сдвигается. Это указывает на то, что во всей констелляции звездного мира ежегодно происходит сдвиг, который может быть зарегистрирован описанным образом. Если теперь проверить, как выглядит сумма этих сдвигов, - вы, ведь, можете наблюдать эти сдвиги, - то видно, что в этом году эта точка здесь, в следующем году здесь, и так далее. Сначала точка сдвигается сюда, потом сюда, пока не вернется на первоначальное место. Это значит, что по истечении

определенного времени точка весеннего равноденствия возвращается на то же самое место небесного свода. То есть, происходит одно полное обращение всего солнечного пути относительно утреннего восхождения. Расчеты показывают, что этот промежуток времени в среднем равен 25920 лет. Таким образом, мы охватили ритм, который содержит наибольший интервал, доступный восприятию человека: платонов мировой год, длящийся приблизительно 25920 обычных лет.

Здесь мы выходим в мировые дали, и здесь наши мысли некоторым образом наталкиваются на нечто, от чего установленные нами числа отскакивают, как горох. Наше мышление наталкивается на нечто, как на стену. Дальше этого мышление поначалу не идёт. Чтобы пойти дальше, требуется уже ясновидение. Но поначалу мышление дальше не идёт. Все развитие протекает внутри того, что охватывается этим периодом в 25920 лет, и, если мы хотим, мы можем представить себе этот охват, ограниченный, правда не пространством, а пространством-временем, в виде стенок некой космической матки. Таким образом, мы представляем его как самое удалённое, что окружает нас в космосе (табл. 7). А теперь, от того, что в виде ритма окружает нас как самое удалённое в космосе, что несёт в себе наибольшие доступные нам интервалы, мы перейдем к тому, что является нам как наименьший интервал, поначалу в человеке, - циклу дыхания.

Но если мы берём дыхательный цикл, то тут мы, естественно, также должны использовать аппроксимативные числа: восемнадцать дыхательных циклов в минуту; а теперь рассчитаем, сколько дыхательных циклов человек делает в сутки, - получим 25920 циклов.

Тот же ритм, который существует снаружи с большими интервалами, мы обнаруживаем в человеке, в микрокосмосе, с малыми интервалами. То есть, здесь человек живёт в мировом космосе, который он воспроизводит в ритме, являющемся ритмом самого этого мирового космоса. Это относится только к человеку, не к животному, - именно в этих тонкостях и обнаруживается различие человека и животного. Для человека дело обстоит так, что плотность, сущностное его физического тела, может быть познана только тогда, когда мы выведем её из платонова мирового года. 25920 лет - в них коренится сущность нашего физического тела. Взгляните только в моих "Очерках тайноведения" на то, какие огромные периоды времени были определены поначалу не посредством времени-пространства, не количественно-цифровым образом, а посредством метаморфоз Солнца, Луны, Земли, благодаря которым различные компоненты были сведены воедино, чтобы понять теперешнее человеческое физическое тело из его элементов.

Если мы теперь войдём в середину того, где мы имеем 25920 циклов дыхания (табл. 7), которые, так сказать, ставят человека в центр мировой матки, тогда мы подойдем к Я. Поскольку, ведь, в этих циклах дыхания, - учитывая то, что я рассказывал о дыхании, которое идет к верхнему человеку и утончается до, так называемой, духовной жизни, - в дыхании заключается выражение индивидуальной человеческой жизни на Земле. Таким образом, здесь мы имеем Я. Как мы постигали связь нашего физического тела с большими временными эпохами, с платоновым мировым годом, так же мы должны постигать и связь нашего Я, которое мы можем, ведь, ощущать в каждой нерегулярности дыхания, с нашим ритмом дыхания.

Видите, жизнь человека на Земле лежит между обеими этими вещами, между циклом дыхания и мировым годом. Посредством дыхания регулируется все то, что имеет значение для Я. В тех колоссальных процессах, которые регулируются ритмом в 25920 лет, заключена жизнь нашего физического тела. Закономерности процессов в физическом теле связаны с великим ритмом платонова мирового года так же, как деятельность Я связана с ритмом нашего дыхания. Между обоими лежит человеческая жизнь, которая для нас снова

заключена между физическим и эфирным телами, - астральным телом и Я. С одной определённой точки зрения, мы можем сказать, что человеческая жизнь на Земле лежит между физическим телом, эфирным телом, - астральным телом и Я, а, с другой точки зрения, мы можем сказать, что человеческая жизнь, рассматриваемая в божественно-космическом аспекте, лежит между суточным дыханием и платоновым мировым годом. Поэтому дыхание в одни сутки представляет собой целое. Дыхание в одни сутки связано с тем, что представляет собой человеческая жизнь.

Теперь рассмотрим с этой космической точки зрения то, что лежит между человеческим дыханием, то есть, между жизнью и деятельностью Я и прохождением платонова мирового года, то есть, жизнью и деятельностью снаружи, в макрокосмосе. Видите, с тем, что хочет действовать в нашей дыхательной системе, дело обстоит так, что в 24-часовом суточном дыхании, в том, что находится между ним и тем, что в этом дыхании мы имеем как полный ритм дыхания, мы всякий раз встречаем тот ритм, который представлен нам как ритм смены дня и ночи и связан с существом Солнца, как оно стоит в отношении с существом Земли. В ежедневном восходе и заходе Солнца, в движении Солнца по небесному своду, в затмении Солнца Землей, - в этом суточном движении Солнца содержится то, с чем мы сталкиваемся в нашем дыхательном ритме.

Тем самым мы приходим к суткам, к суткам, состоящим из двадцати четырех часов, то есть, к человеческим суткам, состоящим их двадцати четырех часов. А теперь рассчитаем дальше, как мы тут, некоторым образом, исходя из дыхания, вчленяемся в мир. Рассчитаем, как мы тут вчленяемся в то, что мы встречаем в ходе макрокосмических суток, как мы стоим в них. Смотрите, тут мы можем считать так: у нас имеются сутки, положим, что год состоит из трехсот шестидесяти дней, - мы ведь оцениваем эти вещи аппроксимативно, -тогда получим триста шестьдесят дней. Будем считать продолжительность жизни человека равной 72 годам, - патриархальный возраст, -получаем 25920 дней. Мы имеем человеческую жизнь как целое, состоящее из семидесяти двух лет, то есть, ритм, в котором это целое вписывается в мир, и этот ритм подобен платонову солнечному году.

Своим дыхательным ритмом мы вставляем себя во всю нашу человеческую жизнь в соответствии с ритмом 25920. К тому, что таким образом вставлено внутрь этой человеческой жизни, мы подходим так, как один цикл дыхания стоит в пределах суток. Теперь посмотрим, что в пределах 72 лет, в пределах 25920 дней, стоит так же, как цикл дыхания, вдох и выдох? Что мы здесь имеем? Во-первых, мы имеем вдох и выдох. Первая фаза ритма. Во-вторых: в продолжении дня мы вставляем себя в жизнь, переживаем жизнь также приблизительно 25920 раз. Что же, именно? Сон и бодрствование. То есть, во-вторых, мы имеем сон и бодрствование. Это чередование сна и бодрствования повторяется в человеческой жизни 25920 раз, так же, как вдох и выдох повторяются 25920 раз в продолжении суток, в продолжении одного суточного оборота Солнца. Но подумайте-ка хорошенько, что же это тогда такое: засыпание и пробуждение, засыпание-пробуждение, засыпание-пробуждение? Всякий раз, когда мы засыпаем, мы выдыхаем не просто углекислоту, а, как физический человек, мы выдыхаем наше астральное тело, и наше Я. При пробуждении мы вдыхаем их обратно. Это более крупный дыхательный цикл, который длится двадцать четыре часа, то есть, одни сутки. Это второе дыхание, которое подчиняется тому же самому ритму. Таким образом, мы имеем самое малое дыхание, состоящее из обычного вдоха и выдоха. И мы имеем более крупное дыхание, в котором уже человек вращается в мир, - то, что изживается во сне и бодрствовании.

Пойдем дальше. Попробуем теперь человеческую жизнь, продолжительностью около семидесяти двух лет, вписать в платонов год. Эти

семьдесят два года примем за год, один год, состоящий из дней, каждый из которых равен одной человеческой жизни. Таким образом, мы берём большой мировой год, также состоящий из 360 дней, каждый из которых равен одной человеческой жизни, то есть, 360 человеческих жизней; получаем: 360 человеческих жизней умноженные на 72, - равняется 25920, то есть, точно платонов год.

Но что мы делаем, проходя этот платонов год? Мы начинаем нашу жизнь и умираем. Что мы делаем, умирая? Умирая, мы выдыхаем в отношении нашей земной организации нечто большее, чем астральное тело и Я. Мы выдыхаем во вселенную наше эфирное тело. Мною уже часто показывалось, как эфирное тело выдыхается в мироздание и как оно расширяется во вселенной. Когда мы возвращаемся назад, мы снова вдыхаем эфирное тело. Это одно гигантское дыхание. Эфирные вдох и выдох. Утром мы вдыхаем астральное. С каждым дыхательным циклом мы вдыхаем кислород, но всякий раз, заканчивая земную жизнь, мы выдыхаем эфир, и с каждым началом земной жизни мы вдыхаем эфир.

Таким образом, в качестве третьего у нас: жизнь и смерть. Если жизнь мы будем рассматривать как жизнь на Земле, а смерть как жизнь между смертью и новым рождением, мы придем к платонову году, добавляя к малому дыханию сначала более крупное дыхание, а затем к более крупному дыханию - наибольшее дыхание.

1. Вдох и выдох
самое малое дыхание
2. Сон и бодрствование
более крупное дыхание
3. Жизнь, смерть
наибольшее дыхание

Такое положение мы занимаем, так сказать, по отношению к звёздному миру. С одной стороны, вовнутрь, мы обращены к нашему дыханию, с другой стороны, наружу, мы обращены к платонову году. В промежутке разыгрывается наша человеческая жизнь, но в самой этой человеческой жизни снова обнаруживается тот же ритм.

Но что же входит в этот промежуток между платоновым мировым годом и ритмом нашего дыхания? Попробуем теперь то, что мы обнаружили на основании числового выражения ритма, - подобно художнику, который создаёт основу для дальнейшей работы, грунта полотна, - попытаемся, создав это основание, на нем рисовать. Тогда мы найдем, что как в отношении платонова мирового года, так и в отношении малого временного ритма, и совсем явно в отношении годового ритма, постоянно происходит смена во внешнем мире, которая легче всего воспринимается нами, прежде всего, в рассмотрении качеств тепла и холода. Нам нужно только представить себе, что зимой холодно, а летом тепло, и мы получим то, что вырисовывается на нашем числовом основании, мы получим качественные характеристики, выраженные в тепле и холоде; и человек всей своей жизнью вписан в эту смену тепла и холода. Смотрите, природа может позволять осуществляться смене тепла и холода, и это происходит, и для, так называемой, природы эта смена тепла и холода чрезвычайно целебна. Но для человека она непозволительна. Человек должен некоторым образом сохранять в себе нормальное тепло, или нормальный холод, - смотря по тому, относительно чего они рассматриваются. То есть, он должен развивать в себе внутренние силы, посредством которых он сберегает солнечную теплоту для зимы, и зимний холод - для лета. Он должен осуществлять внутреннюю компенсацию, правильную внутреннюю компенсацию, быть постоянно деятельным в своей организации так, чтобы она

уравновешивала тепло и холод как внутри себя, так и по отношению к внешней природе.

Это влияния в человеческом организме, которые совершенно упускаются из виду. Человеческий организм внутренне вносит в себя лето зимой и зиму летом. Летом мы вносим в себя то, что наш организм пережил зимой. Мы несём в себе зиму, проходя через точку весеннего равноденствия, вплоть до дня Ивана Купалы, затем она уравновешивается. Когда же время склоняется к осени, мы начинаем нести в себе лето, неся его в себе вплоть до Рождества, до 21 декабря, - затем снова устанавливается равновесие. Так что эту смену тепла и холода мы постоянно носим в себе в уравновешенном виде. Но что делаем мы при этом?

Смотрите, если мы исследуем то, что мы при этом делаем, мы придем к исключительно интересному результату. Если представить человека таким образом (см. рисунок), то даже поверхностное наблюдение покажет нам, что все то, что выступает в виде холода внутри человека, проявляет тенденцию в направлении нервно-чувственного человека. Так что сегодня можно доказать: все, что действует как холод, как зимнее, участвует в формировании головы, нервно-чувственной организации. Все, что является летним, все, что содержит тепло, действует в системе обмена веществ и конечностей человека. Таким образом, когда мы смотрим на нашего человека обмена веществ и конечностей, мы видим, как в нашу организацию вносится всё летнее. Рассматривая же наши нервно-чувственные функции, мы наблюдаем, содержание в них всего того, что мы воспринимаем в себя из космоса как зимнее. Так головой мы переживаем всю зиму, организацией обмена веществ и конечностей - всё лето, а ритмической системой осуществляем внутреннее равновесие, черпаем из систем обмена веществ и головы тепло и холод, и приходим к тому, что, собственно, только и регулирует всё остальное. Тепло вещества - это, ведь, только следствие процессов тепла, а холод вещества - это следствие процессов холода. Мы приходим к игре мирового ритма в человеческой организации. Мы приходим к тому, чтобы сказать себе: зима в макрокосмосе - это творящее начало в головной, или нервно-чувственной системе. Лето в макрокосмосе - это творящее начало в системе конечностей и обмена веществ человека.

Видите, если мы взглянем в человеческую организацию таким образом, мы снова найдем отправную точку для той медицины посвященных, о которой я говорил, что начало её положено в книге, написанной мною вместе с госпожой доктором Вегман. Это начало того, что действительно должно все больше и больше внедряться в науку.

Если мы вскарабкаемся на скалы, где произрастают зимние растения, где почва такова, что там произрастают зимние растения, мы подойдем во внешнем мире к тому, что связано с организацией головы человека. Предположим, что мы, в качестве собирателей лекарственных средств, заботимся о том, чтобы те духовные силы, которые выступают при болезни, коренящейся в нервно-чувственной системе, были излечены с помощью духа во внешнем мире; мы взбираемся на высокие горы, собираем там минералы и растения, и приносим оттуда лекарственные средства для лечения болезней головы. Мы действуем, исходя из нашего творческого мышления. Оно приводит наши ноги к тем вещам на Земле, в которых мы можем найти соответствующее средство. Правильные мысли, идущие из Космоса, должны окрылять человеческое деяние вплоть до конкретного. Так человеку, работающему в бюро, ведь, тоже, по меньшей мере, иногда бессознательно приходят мысли, подчиниться своему инстинкту и пуститься во всякие странствия. Неизвестной остаётся только причина этого. Это, ведь, и не так важно. Это становится важным только при рассмотрении врачом или священником. Но точное наблюдение даёт также окрылённость для того, что необходимо делать конкретно.

И снова, если мы замечаем заболевание в системе конечностей и обмена веществ, мы ищем более земное-растительное и земное-минеральное, обращая наш взор на то, что осаждается, а не на то, что растёт вверх кристаллическим образом, и там получаем минеральное и растительное лекарственное средство. Такое совместное наблюдение процессов в макрокосмосе и в человеке действительно может вести нас от патологии к терапии.

Видите, эти вещи также нужно представлять себе совершенно отчетливо. В прежние времена такие отношения были хорошо известны. Гиппократ является уже, собственно, своего рода, последышем в отношении древней медицины. Но если вы почитаете приписываемые ему тексты, которые, по крайней мере, ещё сохранили его дух, вы непременно обнаружите понимание этого. Там повсюду содержится нечто из того, что в отдельном, конкретном примыкает к этому глобальному воззрению, которое, посредством чего-то подобного, можно получить. Затем пришли времена, когда в воззрениях людей эти вещи уже отсутствовали, когда люди все больше стали погружаться в абстрактно-интеллектуальное мышление и внешнее наблюдение природы, что привело затем к голому эксперименту. Теперь нужно снова найти путь к тому, что некогда было видением связей между человеком и окружающим миром.

Таким образом, видно, что как люди мы живём на Земле, находясь между нашим Я и нашим физическим телом; мы живём в промежутке между дыхательным циклом и мировым годом, платоновым мировым годом, и нашим дыхательным циклом примыкаем к суткам. К чему же мы примыкаем нашим физическим телом? С платоновым мировым годом? – Тут мы примыкаем к предельным соединениям и отношениям в климатических изменениях в крупных природных процессах, изменяем в этих крупных природных процессах наш облик, человеческий облик, так что в определённой последовательности формируются расы, и так далее. Мы примыкаем также ко всему тому, что происходит при более коротких качественных переменах, мы примыкаем к тому, что приносят нам следующие друг за другом года, дни, – короче, как люди мы развиваемся между этими обеими предельными границами, эмансипируясь, однако, в середине, поскольку в середине, также и в макрокосмосе, действует один замечательный элемент.

Можно, ведь, действительно прийти в изумление, если допустить действовать на себя этот ритм, состоящий из промежутков, равных приблизительно 25920 годам. То, что разыгрывается между человеком и космосом, действительно удивительно. И если в это полностью углубиться, весь мир окажется организованным относительно человека согласно мере, числу и весу. Всё, так сказать, замечательно упорядочено, но это лишь человеческий расчёт. Поэтому в решающих местах, если мы хотим их рассмотреть, – хотя это в них содержится и действует, – мы всегда должны добавлять это странное слово «аппроксимативно», приближённо. Всегда что-то не сходится. Рациональность присутствует, она здесь, внутри, она живёт, действует: живёт всё, что я описал. Но теперь в это врывается нечто, нечто в космосе совершенно иррациональное, что заставляет нас изумляться, – даже если мы посвящённые, – когда, например, выходя на прогулку, на пару часов, мы берём-таки с собою зонт, в том числе и как посвящённые. Мы берем с собой зонт, поскольку вступает нечто иррациональное, поскольку в этой реальности проявляется то, что не поддается числам, и потому мы нуждаемся в высокосных годах, месяцах и тому подобном. Все это, ведь, всегда требовалось для определения времени. То, что предлагает нам развитая астрономия, астрономия, углубленная астрологией и астрософией, – ведь, можно представить её и такой – всё, что она нам предлагает, разрушается в непосредственной жизни метеорологией, которая не доводит это до ранга рациональных наук, которая уже проникнута и всё более проникается созерцанием, развёрнутым созерцанием, и которая идёт другим путём, которая

живёт в том, что остаётся от других. И если мы возьмем, как раз, сегодняшнюю астрономию, то она, ведь, действительно живет в названиях, она действительно лишь даёт названия звёздам и ничего более. Поэтому, ведь, уже «Серениссимо» утратил понимание смысла наименования звёзд. Он посещал обсерватории своей страны, рассматривал всё, что можно, дальние звезды в телескоп, а затем, после всего увиденного, сказал: „Всё это мне понятно. Но откуда вы знаете, что та далекая звезда называется именно так, - это я не могу понять». Видите, разумеется, существует точка зрения, с которой вы можете посмеяться над Серениссимо. Но есть и другая точка зрения, которая заставит вас посмеяться над астрономами. Я бы больше посмеялся над астрономами, поскольку внутри движения мира скрывается нечто совершенно странное.

Если вы исследуете древние наименования, Сатурна и других звезд, то, чтобы что-то понять, вам нужно вспомнить наш курс лекций о языке, на котором большинство из вас присутствовало, - вспомнить, что древние имена давались в соответствии со звуковыми ощущениями, которые астрологи и астрософы получали от определенной звезды. И в отношении каждого древнего имени звезды мы можем сказать: это имена, данные Богом, данные духом. У самих звёзд спрашивали, как они называются, поскольку воспринимали тон звезды и в соответствии с ним давали ей имя. Но теперь вы подходите к определённой границе астрософического, астрологического развития. Они должны были получать имена с небес. Если вы перейдете к нашему времени, где были сделаны великие открытия, например, относительно удельных весов малых звёзд, - тут всё смешивается. Одному созвездию дают имя Андромеды, другому - другое греческое имя, здесь уже царит произвол. Мы не можем считать, что Нептун и Уран получили свои имена так же, как Сатурн. Здесь все подчинено человеческому произволу, и Серениссимо сделал только одну ошибку, думая, что астрономы продолжили традиции древних астрософов. Они этого не сделали. В астрономии содержится лишь человеческая ограниченность, в то время как знание астрософов древних времен, астрологов древних времен, исходило из общения людей с богами. Но если, как раз, сегодня снова перейти от астрономии к астрологии, к астрософии и, тем самым, вжиться в нечто подобное макрокосмосу, обладающему разумом, - тогда достигается София. Тогда, с другой стороны, обнаружится, что в пределах этого разума и Софии в вещах, не поддающихся расчёту, живет метеорономия, метеорология и метеорософия, ответы от которой можно получить только по её собственной свободной воле. Это совсем другая дама. Внешне, в обычной физической жизни, ее называют капризной. Но метеорологическое действительно довольно капризно, от дождя и вплоть до комет. Но по мере восхождения от метеорологии к метеорософии, мы приходим и к лучшим свойствам этой мировой управительницы, к тем свойствам, которые исходят не просто из каприза, не просто из космической эмоции, а, так сказать, из внутренней сердечности этой дамы. Но, дорогие мои друзья, нет никакой альтернативы тому, чтобы расчету, мышлению, всему тому, что можно рассчитать, противопоставлять также непосредственное знакомство с мировыми существами, познание их такими, каковы они есть. Тогда они показываются, поначалу несколько осторожно, ненавязчиво. Но по мере того, как мы все дальше и дальше продвигаемся в своих расчетах, мы все более удаляемся от собственной сущности мира. Мы приходим лишь к останкам прежних свершений.

Если от обычного грубого расчёта перейти к ритмическому, каковым для гармонии сфер была астрология, то от ритмического расчёта можно прийти к созерцанию мировой организации в фигурах, числах, которые присутствуют в астрософии. С другой стороны, приходят к тому, что начинают уже показываться правящие мировые сущности, хотя и несколько осторожно. Они

являются не сразу. Вначале они могут показать только своего рода Акаша-фотографию, о которой нельзя сказать с уверенностью, откуда она взялась. Мир присутствует, но только в виде обозначенных в мировом эфире фотографий. Однако, непонятно откуда они берутся.

Затем наступает инспирация. Тогда, через образ, это существо начинает сообщать нечто о себе самом. Вначале мы идём просто от «-номии» к «-логии». И только когда мы целиком пронизаны интуицией, когда выступает само существо инспирации, мы подходим к «-софии». Но это индивидуальный путь развития, поглощающий человека целиком; он должен познакомиться также и с той дамой, которая стоит за метеорологией, и, в той степени, в какой она захватывает элементы, скрывается в ветре и непогоде, в Луне и Солнце. Тут должна быть задействована не только голова, как в «-логии», но весь человек целиком.

Исходя из этого видно, что в этом отношении имеется возможность вступить на ложный путь, поскольку, переходя от антропономии, являющейся сегодня, собственно, единственной правящей наукой, к антропологии, вы можете и к антропософии подходить через голову. Тогда вы будете вносить сюда только разум, а в разуме нет жизни. Разум отмечает только следы жизни, которые не предполагают учёта частных. Но жизнь содержится именно в частных, в иррациональном. Поэтому то, что постигнуто головой, вы должны перевести в остального человека, и уже со всем человеком целиком двигаться тогда от «-номии» к «-логии» и «-софии».

Это то, что мы должны чувствовать, если мы хотим оживить, с одной стороны, теологию, с другой стороны, медицину, с помощью того, что действительно может оживить и то, и другое, - с помощью пастырской медицины. Это то, что мы намерены завершить завтра некоторыми специальными рассматриваниями. Но главным является то, что мы, поначалу при первом вхождении в пастырскую медицину, наметили пути, по которым должна двигаться пастырская медицина в рассмотрении мира.

Одиннадцатый доклад Дорнах, 18 сентября 1924г.

Мои дорогие друзья! Пастырская медицина, которую мы здесь имеем в виду, по-сути, может рассматриваться только как нечто такое, что, в свою очередь, извлекается из спиритуального знания, спиритуального исследования, и снова обретает смысл, только если в человечестве вообще заложено сознание того, что спиритуальное содержит позитивно действующие силы. А в эпоху развития и формирования материализма было бы немислимимым ожидать, что в спиритуальном станут видеть нечто иное, нежели объект, подлежащий лечению. Но, как раз, это, - вглядывание в духовное, поиск возможностей исцеления, именно, в духовном, - в качестве наиважнейшей части присутствовало в древнем мистериальном знании, и сегодня, то, что для завершения наших рассматриваний мы ещё должны обсудить, мы дополним, своего рода, привязкой медицинского течения, которое теперь должно исходить от Гётеанума, к сущности древних мистерий.

В самом деле, если то, что мы здесь хотели, мыслить в связи с совершенно другими методами исследования, а именно, с методами исследования и художественными способами лечения, практиковавшимися в древних

мистериях, то правильнее всего было бы рассматривать предмет в исторических связях. Но, само собой разумеется, мои дорогие друзья, что все, что предлагается в этом кратком курсе пастырской медицины, следует рассматривать только как первый импульс, как начало построения пастырской медицины, которая, благодаря работе, производимой г-жой Итой Вегман и мной, будет распространяться всё дальше и дальше.

Теперь, мои дорогие друзья, я хотел бы здесь обратить ваше внимание на то, как посвященные древних мистерий описывали путь своего посвящения, тот путь, которым шли, прежде всего, там, где эти мистерии входили в целебные мистерии. По-сути, ведь, все мистерии были связаны с целебными мистериями, но одни больше, другие меньше. Они были связаны с ними, поскольку лечение рассматривалось стоящим в связи со всем развитием человеческой цивилизации. Это имеет глубокие основания. Человек прежних времен говорил себе: когда человеческая индивидуальность, посредством зачатия и рождения, спускается из духовных миров в физический земной мир, духовно-душевное вступает в тот процесс трансформации, благодаря которому оно оказывается в состоянии формировать своё человеческое тело физически. Мы уже описывали, как, посредством индивидуальности, это формирование впервые происходит в первое семилетие жизни, когда человеческое тело вначале принимается как унаследованное, а затем, в подолжении семи-восьми лет полностью заменяется.

Так, в самом строгом смысле, представляли в древних мистериях вхождение человека из духовного мира в физически-чувственный. Но всегда сознавали, что человек не так соединяется со своим физическим телом, с самого начала не так соединяется со своим физическим телом, как это, собственно, первоначально, - если можно так выразиться, - было предусмотрено духовными силами, которые управляют той частью мира, которой принадлежит человек. И, именно, той части сил в человеке, которую он унаследовал, всегда приписывали то, что, благодаря аномалии всего развития, они, в определённом смысле, угнетают силы, которые человек приносит с собой из прошлых жизней, посредством своей индивидуальности. В этом видели нарушение истинной гармонии и говорили: если бы в земном человеке духовно-душевное было бы полностью согласовано с физически-телесным, то, во-первых, смерть не имела бы тот облик, какой она имеет, во-вторых, болезнь не выступала бы в том виде, в каком она выступает. Болезнь и смерть рассматривались как симптомы, которые показывают, что человек больше занят физическим земным миром, чем ему было предписано изначально. И эта идея, даже если она сегодня и не может быть вами понята в полной мере, является всё же необычайно глубокой, содержащей много истинного. Поскольку это действительно так, что в момент, когда человек хотя бы немного поднимается на более высокую ступень сознания, он тотчас замечает: смерть, например, имеет совсем другой облик. Он воспринимает ее более как метаморфозу, как окончание одной из жизненных фаз, и так далее.

Но, благодаря этому, для всего древнего сознания воспитание человека было теснейшим образом приближено к лечению, и весь процесс воспитания в древние эпохи человеческого развития понимался, собственно, как общее лечение. Поэтому то, что один человек совершал по отношению к другому, с самого начала рассматривалось, в определённом смысле, с медицинской точки зрения, и с этим затем связано сознание, которое в древних мистериях объединялось с профессиями врача и священника, - обе должности были иметь дело с лечением человека на Земле. Врач и священник в те древние времена были чаще всего соединены в одном лице, - явление, которое могло иметь место только при древнем инстинктивном сознании, и которое сегодня представляется невозможным, по крайней мере, как постоянное учреждение. И с этим сознанием о значении лечения, которое должно также иметь место в

нормальной жизни, для каждого человека тогда было связано убеждение в том, что после той метаморфозы, которую люди проделывают во время смерти, то есть, преимущественно в жизни между смертью и новым рождением, душами, бывшими на Земле врачами или священниками, указывается путь к Солнцу. Первые указания для того, чтобы после смерти найти путь к Солнцу, который каждый должен найти, поскольку там должна быть пройдена часть того, что должно быть пройдено между смертью и новым рождением, указания относительно первых шагов человека, проходящего через врата смерти – так представляли себе это в древние времена – должны были исходить от врача или священника. И все это было погружено в глубочайшую мудрость мистерий. Мудрость мистерий, на которую мы сегодня просто должны смотреть иначе, поскольку нам уже не подходят прежние методы, но в наше время они вполне готовы к обновлению, тому обновлению, попытка которого здесь, как раз, и предпринимается.

Дорогие мои друзья, когда древний посвященный описывал свое посвящение, он говорил примерно следующее: после преодоления порога, первым делом происходит знакомство с элементами, а элементами в древние времена называли то, что сегодня мы назвали бы агрегатными состояниями: твердое, которое называли землей, всё жидкое, обозначаемое водой и всё воздухообразное, обозначаемое воздухом и охватывающее всё газообразное, и всё тепловое, которое приписывали тепловому эфиру, который также относили к элементам. Это то, о чем современный физик говорит: этого вообще не существует. Для него этих четырех элементов не существует. Для него существует некоторое число – от семидесяти до восьмидесяти – элементов, обладающих определёнными свойствами. Одни, при определенных условиях, находятся в жидком состоянии, другие – в твердом, третьи – в газообразном. Тепловое же состояние присуще им всем. Но то, что древние описывали как четыре элемента, сегодня не существует. Это просто свойства определённых реальностей, которые сами по себе не являются действительностью. Но то, что сегодня называют элементами, является, собственно говоря, действительностью только внутри очень грубого физического мира, и то, что в древние времена называли элементами, воспринимали так, что посредством них приходили не к материи, а к жизни, к бытию материи.

Видите, для древнего врача не имело большого значения, под каким названием и какую субстанцию содержит то или иное. Это, конечно, имело какое-то значение, но оно обнаруживалось лишь после рассмотрения другого значения, касающегося жизни и бытия материального. Например, можно было взять какую-нибудь субстанцию внешнего мира в месте, где она подвергалась разрушению, выветриванию. Тут древний врач придавал особое значение, как раз, тому, чтобы, искомая им, и участвующая в целом земном процессе субстанция, была подвергнута выветриванию, а также особо обращал внимание на то, чтобы не просто получить эту субстанцию из минерального царства, а, если это возможно, вначале из растительного. Таким образом, он повсюду обращал внимание на положение, которое занимала живая деятельность субстанционального в мировом процессе. Но для того, чтобы видеть это, требовалось, как раз, членение на четыре элемента, поскольку, в первую очередь, в субстанции считалось важным то, при какой температуре она становится землей, то есть, при какой температуре она становится твёрдой, или жидкой, или водой, или воздухом. В древние времена важно было обращать внимание на то, что должно произойти в мировом процессе, чтобы какая-нибудь определённая субстанция смогла приобрести определённую форму. Это было первым. И только затем выносили суждение о самой субстанции. Сегодня за исходную точку берут субстанцию, тогда же исходили из процесса. Ведь каждая субстанция – это только отвердевший процесс, на какой-то ступени задержанный процесс. Человек был пронизан, в первую

очередь, самим бытием в материальном. И посвященный описывал, что, прежде всего, его вводили в созерцание, при котором он мог видеть бытие субстанционального так, что оно представлялось ему в одеянии четырёх элементов.

Второе, что мог рассказать любой из них, и что представляло вторую ступень посвящения, было следующее: его приводили в состояние, в котором он мог познакомиться с «верхними и нижними богами». – Что же это означает, поместить себя туда, где можно познакомиться с верхними и нижними богами? Всё это, мои дорогие друзья, мы, собственно говоря, уже описали, но описали в современной форме. Я говорил вам, что, когда духовно-душевное так глубоко втягивается в физическое и эфирное тела, что физическое и эфирное тела это духовно-душевное пересиливают, возникает патологическое, патологическое, вследствие дезориентации душевно-духовного в физически-телесном. Тогда возникает патологическое. В тот момент, когда это происходит, человек погружается в себя глубже, нежели он должен это делать при обычном пробуждении, при бодрствовании в своём физическом организме, и он попадает в область внечеловеческих, подприродных воздействий. Поскольку мы живём в природном только при нормальных отношениях между нашими душевно-духовной и физически-телесной организациями. В момент, когда мы погружаемся в нашу физическую телесность глубже, интенсивнее, мы вступаем в отношения с подприродным. Тут мы вступаем в отношения, в которых в человеке действуют элементарные существа, существа высших иерархий различных ступеней развития. И это нужно просто принять как факт: человек вступает в отношения с богами, которые развертывают свою деятельность в областях, лежащих ниже областей природных влияний.

Как мог бы сказать древний посвященный, если бы он хотел употребить нейтральное выражение, представляя предмет в завуалированной форме, поскольку его никто не мог бы понять, кроме такого же посвященного, – он мог бы сказать, что он нисходит к нижним богам. Он мог бы сказать: я познал природу человеческих болезней, ибо она ведет к нижним богам.

Возьмем теперь другое, что, ведь, в указанном мною смысле, тоже лежит на границе патологического и нормального, когда духовно-душевное выходит наружу, выходит больше, чем это должно быть, так сказать, оживляя состояние сна, – это может привести к жизни в святости. Знакомство с этим древний посвященный определял как встречу с верхними богами. Таким образом, представляя схематически, мы имеем: природу, подприроду, надприроду (см. рис.). Жизнь в видениях, созерцательную жизнь, которая вводит человека в духовный мир, – её посвященный называл: встреча с верхними богами.

Но, когда таким образом говорят о верхних и нижних богах, можно очень легко получить неправильное представление об иерархическом порядке. Смотрите, вы должны представлять себе эти вещи так. Если я просто скажу: природа, подприрода, надприрода, болезнь, созерцательная жизнь, то я пытаюсь смотреть на нижних богов как на нечто подчиненное. Но это не так. В действительности дело обстоит следующим образом: представим себе, здесь у нас природа, и наверх ведётся круговая линия, и вниз ведётся круговая линия (см. рис.), и то, что мы видим здесь наверху, соединяется на другой стороне с тем, что внизу. Теперь нарисуем большую окружность, затем еще большую, затем еще большую, и так рисуя все большие и большие окружности, мы получим, в конце концов, прямую. Здесь мы видим часть круга, которая продолжается, но, проходя через бесконечность, она возвращается с другой стороны. Это показывает, что наименование «нижние и верхние боги» следует понимать не в смысле иерархического порядка, но как различный способ, каким они являются человеку, что они принадлежат одному иерархическому уровню и должны мыслиться стермющимися соединиться в бесконечно

удаленной точке. Поэтому для посвящённого древних времён и болезнь, и ясновидение были, своего рода, окнами в духовный мир. То есть, одним из способов видения духовного мира было действительное знакомство с болезнью и ясновидением.

Познание этого, одновременно, дает нам возможность, использовать сегодня то, что было в сознании человека в древние времена. Ведь, спросим себя с нашим современным сознанием: с чем в нашем современном сознании можно идентифицировать область нижних богов? – Смотрите, то, что мы называем Отцом в Святой Троице, является тем, что непосредственно принадлежит подприроде. Но, если Отец принадлежит подприроде, то какую позицию в познании, в смысле действительного духовного понимания, мы должны занять, по отношению к этому Богу-Отцу?

Таким образом, мои дорогие друзья, мы наблюдаем человека, мы наблюдаем человека в его дневном, бодрственном состоянии, мы наблюдаем его в ночном состоянии сна, и мы сравниваем оба эти состояния. Когда мы наблюдаем человека в бодрственном состоянии, мы можем видеть, как он вчленен в физический мир, в порядок этого физического мира. Поскольку так же, как Земля сформировалась в процессе прохождения предшествующих стадий и стоит на пути дальнейшего развития, так и он должен быть познан в изучении Сатурна, Солнца, Луны. В бодрственном состоянии он, в этом отношении, принадлежит Земле, стоит в природе Земли. В бодрственном состоянии он стоит на уровне природы.

Не так обстоит дело с человеком в состоянии сна. Когда человек находится в состоянии сна, мои дорогие друзья, здесь в постели лежат его физическое тело и эфирное тело, а его астральное тело и Я находятся снаружи, вне физического и эфирного тел. Но взглянем на физическое тело и эфирное тело. Что это за часть человека, лежащая тут в виде физического и эфирного тел? Она представляет собой то, что, правда, в видоизмененном состоянии, он воспринял в эпоху древнего развития Сатурна и в эпоху древнего развития Солнца. В ходе эволюции она видоизменилась. И теперь во сне человек осуществляет дальнейшее развитие сатурнического и солнечного бытия, но в том, что лежит в постели, полностью отсутствует его лунное бытие. Его здесь нет. Так что, мы должны сказать: в своём развитии природа перешла из лунного к земному бытию. Но, поскольку человек нуждается в состоянии сна, природа сохраняет себя в спящем человеке в виде подприроды, то есть, той природы, которая существовала, собственно, только во времена Сатурна и Солнца. Это подприрода. Она лежит в основании всех существ, благодаря тому, что существует человеческий род. В состоянии сна человек погружается, действительно, в подприроду, и, в результате этого погружения, - я уже говорил об этом в предыдущих докладах этого курса, - снова появляются болезни. Это область Бога-Отца. Во сне мы погружаемся в область Бога-Отца, в область подприроды, в область Отца.

Если мы возьмем ясновидение человека, то оно, собственно, представляет собой просветление тех членов человеческого существа, которые во сне выходят из физического и эфирного тел, то есть, Я и астрального тела. Если человек сохраняет в них сознание, то это представляет собой состояние, противоположное болезненному, другой полюс болезни. И человек погружается своим астральным телом и Я в область Духа.

Итак, мы видим, что человек, в своей земной организации, может быть вырван из природы в двух направлениях: в направлении подприроды, к Отцу, и в направлении надприроды, к Духу, и Христос со времен Мистерии Голгофы является посредником между обоими мирами, одухотворителем природного бытия, одухотворителем нормального человеческого бытия, тем, кто устанавливает гармонию между подприродой и надприродой. Ведь, при нормальном протекании сна и бодрствования подприрода всегда оказывается

уравновешенной. Надприрода уравнивается и у тех ясновидящих, которые способны в любой момент, по своему желанию, вернуться к обычной человеческой жизни. Если же при пробуждении человек не в состоянии уравновесить то, что он испытал, погрузившись в подприроду, то наступает болезнь, которая изживается в физическом и эфирном телах. Если человек не в состоянии перенести в полное бодрствующее состояние, в естественный ход своей земной жизни то, что он как ясновидящий испытал в области Духа, то возникают душевные и духовные заболевания, и мы приходим к другому полюсу.

Теперь возьмём физическое заболевание. Что происходит, когда начинается процесс лечения? Человека переводят от переживания подприроды к переживанию природы, от Отца к Христу, поскольку Христос – это духовная жизнь в природе. От Отца к Христу, - и это, по-сути, делает врач. По-сути, задачей врача является выяснение того, каким образом человека, оказавшегося в подприроде, вернуть к Христу, после того, как Отец, образно выражаясь, передал господство Христу, Сыну. Это, как раз, то, что, выражаясь современным языком, выразила бы мистериальная мудрость. Было бы сказано: после того, как посвящённый здесь, на Земле, приобрёл правильное сознание Христа, его ведут, с одной стороны, к Отцу, с другой стороны, к Духу. И от Отца, при осознании пути, по которому его должны вести, он приходит к Христу; и, как раз, на этом пути лежат все целебные процессы.

И здесь, мои дорогие друзья, начинается современная мистерия, мистерия, которая является великой мировой пробой для действительной науки врачевания. И я хочу указать на это в конце курса о пастырской медицине, чтобы из этого смогло вылиться то, что в качестве оздоровления должно войти во врача, в первую очередь. Предположим, врач, как было показано в этом курсе лекций, овладевает знанием об этих отдельных лечебных процессах, постепенно знакомясь с повреждёнными органами, с тем, что как дух действует соответствующе этим органам в царстве природы, и что можно вводить в человеческое тело как целебное средство. Он учится тому, как это делается в одном случае, как – в другом. Все это складывается у него в общую систему. Но при овладении истинным знанием, он действует иначе, нежели при овладении сегодняшним знанием. Если вы сегодня возьмете в руки патологическую анатомию или учение о лекарственных средствах и основательно их изучите, в результате, вы продвинетесь дальше, нежели были вначале, только благодаря тому, что теперь всё это в вас, - если, конечно, это в вас, - но ваше общее человеческое состояние не меняется. Иначе дело обстоит с существом общего знания, которое развивает человека в целом.

Если вы воспримете медицину так, как указано в этом курсе, то вы будете продвигаться шаг за шагом вперед. И будет немалым результатом, если вы, мои дорогие друзья, сможете себе сказать: теперь, когда я усвоил все медицинское знание, я могу видеть все то, что произошло во время Мистерии Голгофы, вплоть до того момента, когда Христос прошел на Голгофе через врата смерти. Вы поймете тогда путь Христа от Отца к Голгофе. Это мистерия. Поначалу не сознают, что одно связано с другим, но эта связь существует. Они связаны так, что вы, благодаря рассмотрению целебного процесса, поймете, что произошло в космосе, почему Отец послал Сына, чтобы он прошел через смерть на Голгофе; и в этой смерти на Голгофе, мои дорогие друзья, вы увидите тогда не смерть, а взаимодействие всего того, что произошло в этой смерти, которая вовсе не является смертью, но преодолением смерти, исцелением всего человеческого существа. Это путь врача от Отца к Сыну до момента смерти последнего на Голгофе. Всякое отдельное лечебное знание продвигает нас на один шаг к этому познанию.

Пастырская медицина – это не только то, что должны совместно осуществлять врач и священник, не только это, а пастырская медицина это,

прежде всего, то, что можно свести воедино, чтобы часть Мистерии Голгофы могла быть действительно понята врачом. Это высшая точка, кульминационная точка медицины, - постичь в человеке всё болезненное, чтобы Мистерия Голгофы, вплоть до смерти, могла бы рассматриваться как великий целительный процесс. Патология развивающегося человечества, терапия: смерть на кресте - все это должно рассматриваться во взаимной связи, если мы хотим иметь дело с действительной медициной.

Священник должен проследить все то, что испытывает человек, при выходе из тела в другой мир, в мир Духа. Тем самым он все более и более знакомится с тем, что роднит человека с Духом, со Spiritus Sanctus, с истинно Святым Духом. И его путь, - это посредничество между Духом и Сыном, Христом, основание в этом посредничестве теологии, обнаружение пути от Христа к Духу, от Духа к Христу. Опять же, можно приобрести определённую сумму знаний, жизненного опыта относительно этого пути, который должен вести человека от Духа к Христу, от Христа к Духу. И вершину этого пути надо видеть в том, чтобы сделать понятными человеку отдельные этапы теологии, каким был путь Христа для человечества после прохождения смерти на Голгофе, явившейся великим целительным процессом. Так что теперь встает вопрос: какие способности для вступления в духовный мир образовались в людях, благодаря этому целебному процессу? - В этом находит вершину всё, чем должна быть теология: в понимании того, что произошло с индивидуальностью Христа после того, как он прошел через смерть на Голгофе.

Путь Христа на Голгофу - это высшая кульминация пути врача. Дальнейший путь Христа после Голгофы - это высшая кульминация пути священника.

Но многим теологам нового времени кажется, будто обе эти вещи никак не связаны. Ведь, сегодня есть теологи, которые вообще ничего не хотят знать о воскресшем Духе и продолжении христового воздействия. Но если мы хотим говорить в духе обновления мистерий, тогда мы приходим к событию на Голгофе, к мистерии Голгофы, и тогда мы можем сказать, что старая формула, которая описывала путь посвящения, и которая звучала так: меня вели через элементы к нижним и верхним богам, - эта формула для современного посвященного должна звучать следующим образом: меня вели через то, что высвобождает элементы в их процессах, - под элементами теперь понимаются восемьдесят химических элементов, которые высвобождаются в своих процессах, - и затем я шёл дальше, вниз к Отцу и вверх к Духу, на обоих этих путях воспринимая действенность Христа.

И если вы, мои дорогие друзья, для своего эзотерического углубления захотите взять с собой квинтэссенцию этого курса пастырской медицины, то возьмите с собой следующие слова:

Я пойду путем,
 который высвобождает в происходящем элементы
 и ведёт меня вниз к Отцу
 который посылает болезни для сглаживания кармы
 и ведёт меня вверх к Духу
 который вводит души в заблуждение для обретения свободы
 который ведёт Христа вниз и вверх
 гармонически рождая в земном человеке Духочеловека.

Если вы целиком проникнетесь тем, что содержится в этой короткой медитации, тогда то, что я хотел вам дать в этом курсе пастырской медицины, вы унесете с собой живым, воспринятым в духе.

